

[Polaris]

Карел Глоух

ЗАКОЛДОВАННАЯ ЗЕМЛЯ

Затерянные миры
Том VI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XXXI

Salamandra P.V.V.

К. Глоух

ЗАКОЛДОВАННАЯ ЗЕМЛЯ

Затерянные миры

Том VI

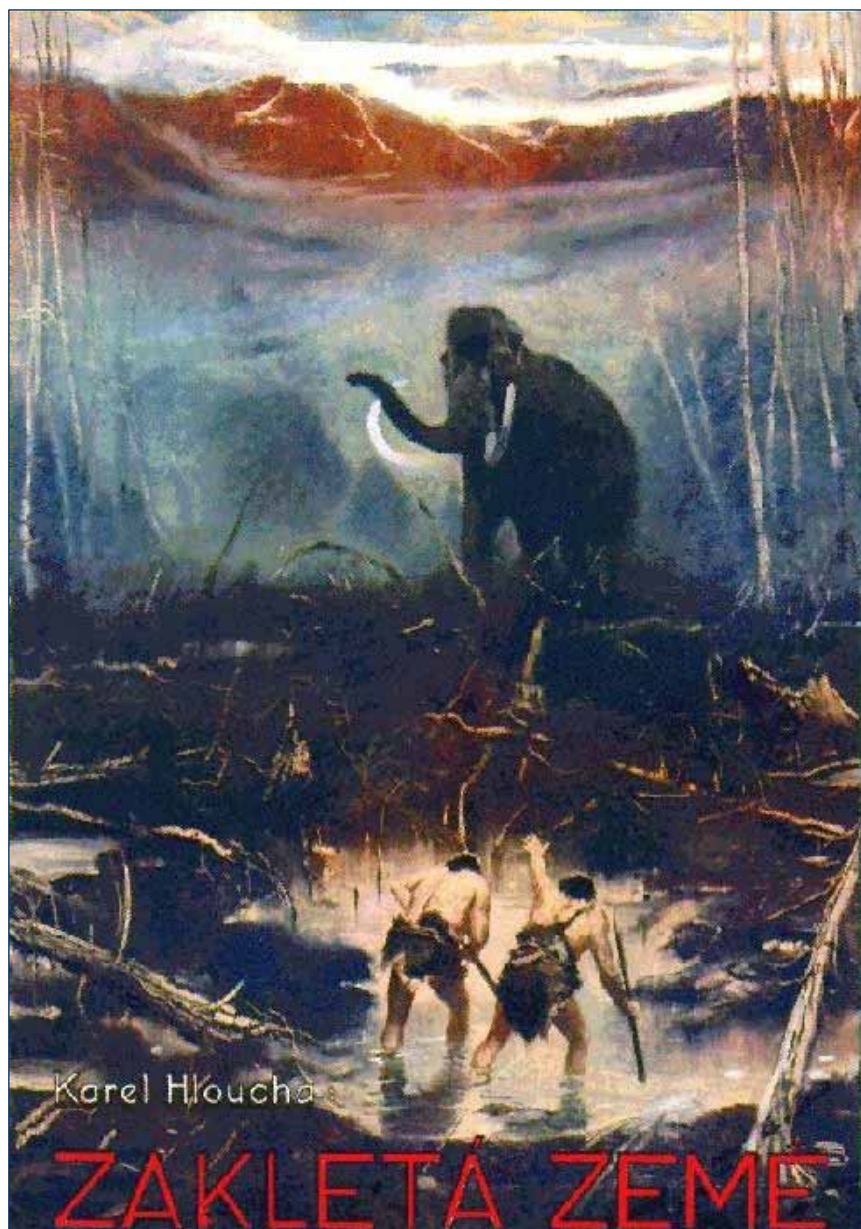
Salamandra P.V.V.

Глоух К.

Заколдованная земля: Фантастический роман (Затерянные миры, т. VI). Илл. Ф. Хорника. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 218 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XXXI).

Загадочная записка, привязанная к шее убитого эскимосом ворона, приводит датскую экспедицию в сердце замерзшей Гренландии, где исчез со своим циклопланом русский изобретатель-авиатор Сомов. С трудом преодолев опасности ледяной пустыни, путешественники оказываются в стране мамонтов и пещерных людей, где их ждут новые приключения. Книга чешского фантаста опередила «Затерянный мир» А. Конан-Дойля и подтолкнула В. Обручева к написанию «Земли Санникова».

Роман К. Глоуха продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций произведений, которые относятся к жанру «затерянных миров» – старому и вечно новому жанру фантастической и приключенческой литературы.

ЗАКОЛДОВАННАЯ ЗЕМЛЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

Как белое сказочное царство, вечно обвеваемое ледяным снежным дыханием, поднимаются к небу горы Гренландии, пробуждаемые только весной глухим грохотом лавин из своего глубокого сна. Высокие скалы причудливых очертаний, покрытые покровом мрачных лишаяв и окутанные туманом, возвышаются среди застывших равнин. Подземные потоки, вдруг загадочным образом вырываясь наружу, стремятся к морю, где ледяные глыбы плывут на волнах, как ослепительно белые лебеди, и где лежат одинокие острова, к аметистовым берегам которых льнут играющие зеленым и синим отливом волны. Зеркальные фиорды, окруженные лабиринтом зубчатых подводных скал, далеко вдаются в землю, получающую свою особую волшебную красоту от ледников. Одинаково недоступно величественны эти олицетворения вечности, у подножия которых теснятся облака, и тогда, когда они горят таинственным светом, озаренные полуночным летним солнцем, и тогда, когда зима торжественно воцаряется в Гренландии, которая в то время, закованная в непроницаемую ледяную броню, становится недоступной ни для какого экипажа, с конца сентября до июня...

Гренландия была открыта в 983 году норвежцем Эриком Рыжим, бежавшим в Исландию от преследования за убийство. Принятая, как земля норвежской короны, в 1397 году в унию с Данией и Швецией, она начала заселяться; но в половине XV века колонии, основанные на ней выходцами из скандинавских государств, подверглись разрушению со стороны флота, пришедшего из Северной Америки под начальством Шретингари. После того Гренландия совершенно исчезла из памяти исторического мира, и в 1727 году, при Фридрихе V датском, она была, так сказать, вновь открыта. Ее тринадцать колоний были разделены на два инспектората. В южной Гренландии лежат основанные в 1721 году Гансом Эдгером колонии Годгааб,

Суккертоппен (Сахарная вершина) и Юлеанегааб, а колония Икаминт относится к северной Гренландии. Каждая колония подчинена суперинтенданту и агенту, помощник которого обыкновенно женится на дочери своего начальника, если таковая имеется. В каждом округе есть доктор.

Двенадцать тысяч эскимосов, живущих рассеянно на безотрадных берегах Гренландии, жители западного берега, уже много столетий обращены в христианство стараниями и усилиями гернгутторских миссионеров; обитатели же восточных берегов приняли христианство всего три года тому назад. Все они кормятся, главным образом, рыбной ловлей и охотой на тюленей. Они закидывают сети в прозрачные воды бухты и получают обильную добычу мелкой рыбы. С своих, управляемых только одним веслом и легко накреняющихся лодок, каяков, сделанных из тюленьей кожи, они умеют ловко поражать гарпунами тюленей. Ежегодно в летние месяцы эскимосы с женщинами и детьми предпринимают большое путешествие, весь день отдаваясь рыбной ловле, ночь же проводя в палатках, которые они разбивают на том месте берега, куда им вздумается пристать в своих лодках и откуда они, при наступлении осенних бурь, уходят к себе домой, где наполняют кладовые привезенными с собою запасами. Зимой они коротают медленно проходящее время рассказыванием сказок. При этом все присутствующие располагаются в живописных позах на семейной постели, занимающей всю заднюю стену единственной комнаты, составляющей весь дом. Рассказчик сопровождает оживленными жестами, поднятием рук, как бы для заклинания, эти сказки, то трактующие величественные мифические сюжеты, то имеющие шутливо-юмористическое содержание и всегда заканчивающиеся словами: «А теперь сказка кончена, и зима стала на столько же короче».

Коптящие лампочки, в которых горит рыбий жир, освещают своим трепетным светом, борющимся с тенью, постоянно скользящими по стенам, эту живописную сцену, между тем как на дворе стоит непроглядная тьма, нарушаемая только на несколько секунд вспышками северного

сияния, и царит гробовое молчание, наполняющее душу грустью одиночества...

Гренландки укладывают схваченные широкой лентой волосы в виде короны, перевитой лентой — у девушек и имеющих детей, но незамужних — красной и зеленой, а у замужних и вдов — черной. На юбку из гагачьего пуха спускается пестрая, подпоясанная кушаком, кофта, украшенная монистами из пестрого стеклянного бисера. Короткие панталоны, украшенные вшитыми пестрыми кожными полосами, и высокие синие, желтые или красные сапоги из тюленьей кожи дополняют этот оригинальный костюм. Грация и гибкость их движений, их темные, необыкновенно глубокие глаза, плутовская улыбка, постоянно оживляющая их черты, придают им что-то нежно-поэтичное, что делает их очень привлекательными. Особенно в летние вечера, когда заходящее солнце заливает ярко-желтым светом этот белый мир, полный торжественной, как бы напряженно ожидающей чего-то тишины, и когда море, снежные и ледяные равнины и глетчеры горят яркими переливами красок во всех возможных оттенках до тех пор, пока светило не исчезнет безмолвно в надвигающейся со всех сторон ночи с ее молчаливой тайной сверкающих звезд...

В эту-то малоисследованную страну переносит чешский писатель Карл Глоух действие своего фантастического романа «Заколдованная земля», окружая несложную его фабулу декорациями своеобразно-живописной и величественно грозной природы Гренландии, метко прозванной «ледяной Сахарой».

Язык, которым написан роман, его короткие, отрывочные фразы не похожи на спокойное повествование, а напоминают форму дневника, в который автор, участник этой необычайной экспедиции, как бы день за днем заносит свои впечатления, наблюдения, переживания и ощущения.

Вл. А. Попов

Долог путь; далеки дороги, и далеко
простираются желания людские.

Эдда

I.

Директор датской колонии в Гренландии и его милая супруга весьма любезно пригласили меня и Фелисьена Боанэ отпраздновать Щедрый вечер — канун Рождества вместе с ними в их гостеприимном доме.

Метели и холодный ветер бичевали убогий Годгааб, а когда их бушевание прекращалось, термометр показывал 30° Ц. ниже нуля. В такие моменты нельзя себе и представить большей отрезанности от мира, чем та, в какой оказывается главное поселение Южного инспектората. Эта датская колония так же заброшена, как какой-нибудь неизвестный остров, затерявшийся в Тихом океане.

В добавление к этому, не воображайте себе, пожалуйста, Годгааба с электрическим освещением, оживленными улицами и блестящими выставками на окнах.

Около приветливой бухточки группируются несколько благообразных деревянных построек. Поодаль от них, на возвышении, стоит небольшой костел с острой колокольной — самое монументальное здание поселка. Остальное составляют несколько дюжин эскимосских хижин — земляных бугров с единственным стеклянным оконцем и узкой трубой из жести.

На берегу лежит ряд вытащенных из воды челноков: каяков и умияков. На запад отсюда тянется поверхность седого мрачного океана, которому редко-редко улыбается безоблачное небо, а на восток идут волны покрытых снегом холмов, переходящих в разбросанный альпийский пейзаж, и резкий ветер со свистом несется сюда из бесконечных, покрытых льдом пустынь центральной области края.

Но кто сегодня стал бы обращать внимание на неприятную погоду?! Кто стал бы заботиться о чем-нибудь там, на западе, а тем более на востоке, когда сегодня торжественный, так долго жданный день! С каждым мгновением приближается праздник Щедрого вечера — кануна Рождества.

И тут, на забытом конце света, разливает этот сказочный вечер благодатное тепло поэтического настроения.

В прошлом году провел я Щедрый вечер в Праге; неудивительно поэтому, что сегодняшние мои воспоминания возвращаются к старому, сумрачному, но столь любимому городу, который раскинулся со своими остроконечными башнями под мощным силуэтом рисующегося на тяжелом зимнем небе Града.

Получив очень лестное поручение от университета и минералогического отделения музея, уехал я вскоре после праздников через Копенгаген, Фареры и Исландию в Юлиенгааб. Криолитовые рудники Ивигута были первой станцией, где я провел несколько недель, изучая этот интересный, исключительно гренландский минерал.

Блестящие результаты семилетнего научно-изыскательного путешествия минералога L. Gieseck'a не давали мне спать, и я постепенно поднимался на север через Фридрихсгааб до Годгааба, где и остался на зиму.

Как зимняя станция на Гренландском побережье — Годгааб, действительно, превосходен. А обходительность и гостеприимство директора колонии и остального служебного персонала сделали очень приятным мое пребывание здесь. В чистой и теплой своей каморке я мог работать над статьей, предназначенной для сборника пражской Академии.

И как раз в Годгаабе встретился я с Фелисьеном Боанэ. Вскоре мы сделались друзьями.

Это был сухощавый, нежного сложения брюнет с голубыми глазами, всегда безукоризненно одетый.

Фелисьен представлял из себя интересное явление в художественном мире. То была новая разновидность репортера — репортер-художник.

Он изъездил почти целый свет. Его гениальные художественные, комические и экзотические эскизы наполняли известнейшие «магазины», ежемесячники и иллюстрированные журналы. Большие издательские фирмы спорили из-за него друг с другом, и заработок его был блестящ. Тем не менее, Фелисьен одним рисованием не удовлетворился.

Заполняя свой альбом эскизами, он не забывал и своей записной книжки, полной любопытнейшего «фольклора». Старые мифы, сказки и примитивные песни диких племен он заносил туда с одинаковым восхищением. Свободные же минуты он посвящал своей большой страсти — охоте, и с иронической серьезностью умел рассказывать невероятнейшие охотничьи приключения во всех частях света. Коротко говоря, живой темперамент Фелисьена делал из него прелестного компаньона. Он искрился остроумием. Самым увлекательным образом он мог рассказывать тысячи остроумнейших вещей.

Целый день в поселке царило необычайное движение. Праздничные приготовления были в полном ходу. Во втором часу пополудни все население собралось в костел, где производился экзамен школьникам. Затем всех зашитых в кожи эскимосских карапузов супруга директора одарила большими свертками со смоквой.

А когда колония восторженно пропела рождественские гимны, в домах чиновников и в хижинах туземцев пошли приготовления к празднику. Отовсюду неся приятный запах, и железные печи дымились вовсю. Годгаабские эскимосы не могут себе представить рождественского торжества без огромнейшего количества горячего кофе. Это их главный напиток, за который они готовы пожертвовать всем.

И на самом деле, невероятно, какая масса этого напитка истребляется здесь в течение рождественских дней. Хороший тон требует, чтобы в каждой хижине было заготовлено достаточное количество кофе, которым можно было бы угостить всех визитеров.

Вечером мы все сидели в доме директора колонии, в теплой, уютно освещенной комнате.

Сам директор, доктор Бинцер, пастор Балле, судостроитель Фредериксен, Фелисьен Боанэ и я вместе с тремя европейскими дамами колонии образовали общество около длинного стола. Разговор быстро принял веселое и сердечное направление.

Появилась хозяйка и села с нами, а нам не оставалось ничего иного, как воздать должную честь ее выдающемуся хозяйству и ее кулинарному искусству.

Телятина, олени окрока, жареные куропатки, овощные консервы и закуски, в доказательство этого, исчезали почти с магической быстротой. А когда, наконец, появилась рождественская елка, — рождественская гренландская елка, с трудом и искусством составленная из ветвей можжевельника, пристроенных к выкрашенному шесту, елка, искрящаяся огнями и блестящей канителью, — торжество достигло своего апогея.

Каждый из нас получил какую-нибудь мелочь на память об этом празднике. При пунше и черном кофе настроение поднялось окончательно. Фелисьен прямо-таки блистал своими причудами. Раздавались взрывы смеха. Наконец, Фелисьен, подняв стакан горячего пунша, встал, чтобы увенчать произведенное впечатление торжественным шуточным спичем.

Его прервал шум в передней. Явился какой-то запоздавший визитер, который не позволял себя спровадить. Он хотел лично говорить с директором колонии. Наконец, его пустили.

Эта сцена помнится мною до мелочей — так она врезалась в память. Ведь с этого момента, думаю мне, началась та невероятная и мрачная история, которую решаюсь я рассказать, не застрахованный от того, что ее примут за мистификацию.

Появился маленький, но коренастый эскимос. Башлык его тимиака (куртки) с головы у него был откинут, и из-под дикой чащи его смоляно-черных волос удивленно светились пара добродушных черных глаз.

Он был одет, как и все остальные охотники поселка, в штаны из тюленьей кожи и «каммикеры» — обувь из того же материала. Куртка около шеи и концы рукавов были обшиты черным собачьим мехом. Ну, конечно, это был всем нам хорошо известный Даниил, лучший охотник на моржей и тюленей в Новом Герренгуте.

И когда, моргая при свете рождественской елки, стал он тут, с круглым, блестящим от жира лицом, с неестественной и растерянной улыбкой на широких губах, я вдруг заметил, что он что-то держит в своей руке. Это был мертвый замерзший ворон. И теперь еще я ясно представляю его затянутые голубоватой перепонкой глаза, его перебитое крыло и растрепанные, смоченные тающим снегом перья. Добряк Даниил держал мертвую птицу осторожно за одну лапу и, казалось, был в страшном недоумении, что с ним делать.

Все общество собралось около эскимоса. Тем не менее, Даниил ни с кем, кроме самого директора, не хотел говорить. Когда, наконец, все затихло и директор спокойным голосом стал задавать вопросы, все мы вскоре узнали, что случилось.

Назад тому три дня Даниил отправился в Амералик-фиорд на охоту за дикими оленями. Он шел снегами, спустился по склонам и долго напрасно тратил силы в поисках добычи, пока, наконец, по счастливой случайности, ловким выстрелом из своей допотопной «бухалки» не застрелил большого, жирного «туттута». В награду он тотчас же на месте полакомился сырым содержанием оленьего желудка, — эскимосским деликатесом первого сорта.

Взвалив добычу на плечи, эскимос отправился назад, как вдруг увидел ворона, сидевшего на пригорке. Этот ворон начал делать какие-то невероятные движения и отчаянные скачки на снегу.

Даниил остановился, скинул с плеч оленя, приложился, выстрелил и увидел, что и на этот раз не промахнулся. Осторожно добравшись, он потихоньку поднял добычу.

Его удивление превратилось в ужас, когда он заметил, что ворон зацепился когтем одной лапы за что-то привязанное среди перьев на его шее. Все эти обстоятельства показались милому Даниилу очень подозрительными. Кто знает, что за чертовщину содержит в себе маленький мешочек, привязанный кожаным шнурком на птичьей шее?.. Даниил не хочет иметь с ним ничего общего. В конце концов, может быть, тут какой-нибудь домовый или другая нечис-

Эскимос держал в руках замерзшего ворона.

тая сила, какой-нибудь «тупилик», с которым шутить вовсе не полагается.

В первый момент Даниил решился было уйти, предоставив ворона самому себе, но потом, после короткой и тяжелой внутренней борьбы, пережив натиск суеверия, поднял ворона, не забывая, понятно, и оленя.

Это случилось назад тому три дня. Даниил сумел бы добраться домой к сочельнику, но пришлось запоздать ни с того, ни с сего, и Анна, его жена, дрожит теперь от страха в Новом Герренгуте над чашкой кофе и ломает голову, почему не возвращается Даниил.

Так вот какова была история.

Директор колонии взял мертвого ворона из рук Даниила, похвалил его за его добросовестность и сообразительность, и эскимос получил большой сверток конфет и винных ягод для своей Анны, чтобы сладостями вознаградить ее за горькие минуты ожидания. Потом эскимос отогрелся на кухне и исчез, сияя от удовольствия, как полнолуние, довольный самим собою и всем остальным светом. А мы стояли около мертвого ворона, лежавшего на столе у рождественской елки.

— Это маленький рождественский сюрприз, — сказал Фелисьен, — если только это не неуместная шутка. Но подобная шутка в сочельник была бы шуткой злостной.

Я был с ним вполне согласен. Затем уже Фредериксен перерезал шнурок, который был так затянут, что должен был мешать бедному ворону глотать крупные куски, если к тому у него представлялась возможность.

Мешочек был из желтой кожи, как раз такой, в каких продают карманные часы. Директор осторожно перерезал шелковые нитки.

— Бумага! — воскликнул доктор Бинцер.

— И исписанная! — добавил пастор Балле.

Показался белый исписанный листок, завернутый в промасленную бумагу. Он был исписан на обеих страницах несколькими строчками мелкого письма.

Нас охватило понятное возбуждение. Развернутый листок моментально очутился под непосредственным светом

лампы. Лицо директора сначала выразило удивление, потом разочарование. Но одновременно раздались два восклицания:

— По-русски!

— По-французски!

Это крикнули я и Фелисьен. Несколько строчек было написано нервной, старческой рукой.

Надежде Головиной.

74° 30' с. ш.

Упернивик.

Каманак!

Каманак!

И ни слова больше. Ни числа, ни месяца. И никакой подписи. Дважды повторенное слово, словно крик, о значении которого мы не имели ни малейшего понятия.

Весело горели свечи на рождественской елке. Пунш издавал приятный запах, но мы долго глядели друг на друга, не говоря ни слова, охваченные каким-то меланхолическим удивлением в разгар рождественского веселья.

II.

Из всех нас Фелисьен больше всего углублялся в загадочную записку. Бывшее в ней незнакомое слово возбуждало его воображение. Он утверждал, что этого слова нельзя приравнять ни к одному из известных наречий чукчей, эскимосов или индейцев Северной Америки. Что же означает оно? Откуда пришло это удивительное сообщение?

Если судить по географической широте, оно могло прийти с оконечностей Северной Азии, равно как и из Америки. Но для безошибочного определения места не хватало географической долготы. То были вопросы, на которые недоставало ответа.

Оставалось неясным также, откуда прилетел ворон, так несчастливо покончивший свою жизнь от пули Даниила. Вороны — крепкие, выносливые птицы. Возможно, что буря занесла его из очень отдаленного края.

Доктор Бинцер склонялся к мысли, что необходимо искать загадочное место там, где указанная параллель пересекает западные берега Гренландии. Он нашел достаточное число приверженцев.

Потратив даром массу остроумия для разрешения этих загадок, Фелисьен Боанэ обратил свою живую фантазию в другую сторону.

Письмо было адресовано женщине. Кто такая эта Надежда Головина? Молода она и красива или стара и дурна? Фелисьен пытался набросать в своем альбоме портрет ее, как он рисовал ее в своем воображении. Действительно ли адресатка находилась в Гренландии, на самой северной станции западного берега? Что ей там было нужно?

Что касается меня, то я постарался взглянуть на все дело самым трезвым образом. Я был убежден, что тут надо усматривать отдаленные признаки душевной болезни писавшего незнакомца. Однако, нельзя было отрицать и того, что во всей этой истории есть оттенок правдоподобия.

Директор припомнил, что по осени прибыло из местностей северного инспектората несколько каяков, и эскимосы рассказывали о каких-то чужеземцах, приплывших на рыболовном судне.

Сообщения их звучали, впрочем, неопределенно, а наступившая зима и непогода сделали невозможным сношение с северным береговым пунктом.

Говоря правду, со всем этим пока нам нечего было делать. Фелисьен видел, к своему сожалению, что не может лично отдать письмо адресатке, и на все лады изливал свою злость на то, что до сих пор не было установлено как

следует сношений со всеми станциями Гренландии при помощи беспроволочного телеграфа.

В последующее время я был сильно занят своими работами. Мною было предпринято несколько минералогических экскурсий, которые окончились с хорошим результатом.

Мы были вполне отрезаны от мира. Чтобы освежиться, мы предпринимали временами прогулки на лыжах в глубь фиорда и с наслаждением стреляли белых куропаток и псов. В стрельбе и ходьбе на лыжах Фелисьен был неоценимым учителем, и я быстро приобрел большую ловкость в обоих видах спорта.

Альбом Фелисьена также наполнялся превосходным образом. Короче, мы не теряли времени.

К концу марта и началу апреля погода начала становиться все хуже и хуже. Сильные снежные бури чередовались с резким ветром, делавшим невозможным пребывание на чистом воздухе. Ни одно судно не появлялось вблизи берегов. Казалось, весь свет забыл о нас. Мне очень хотелось оставить Годгааб, чтобы познакомиться с севером. Я не решался покинуть Гренландию, пока не исследовал еще вполне необыкновенно интересное побережье на север от семидесятой параллели. Фелисьен не хотел отставать от меня.

Мы намеревались воспользоваться ближайшей береговой шхуной Торгового общества, как только она появится у берега. Это стремление постепенно начало превращаться в манию.

Нашей аккуратной ежедневной прогулкой стало путешествие на холм, где на высоком шесте развевался красный датский флаг с белым крестом. Оттуда мы видели борющиеся с туманами каяки эскимосов, возвращавшихся с охоты на тюленей или убегающих от бушующего моря.

Свое скверное настроение лечили мы у милейшего доктора за черным кофе и сигарами, лечили картами или очень любимой в поселении шахматной игрой. Таким образом, у нас был основательный случай усовершенствоваться в терпении.

12 апреля, когда мы — не скажу, чтобы в наилучшем настроении — отправились на обычный наблюдательный пункт, с берега послышался долгий восторженный крик.

«Умиарсуит!..»

Во всей колонии настало страшное возбуждение. Выбежали из домов и хижин и в суматохе бегали по берегу. С полдюжины каяков с быстротой выстрела отделилось от берега и нырнуло в туман. И снова тот же крик:

«Умиарсуит!.. Умиарсуит!..»

Это эскимосское слово чарующе подействовало на Фелисьена.

— Судно! Слышишь? Радуйся, наконец-то судно!

Он чуть не задушил меня от восторга. Мы вернулись и спешили к берегу гораздо быстрее, чем обыкновенно.

Сквозь тонкий, еще не поднявшийся от воды туман мы увидели элегантный абрис приближающегося судна, прекрасной паровой трехмачтовой шхуны, черная с белой полосой труба которой оставляла за собою сливающийся с туманом хвост дыма. Вскоре потом послышался грохот приветственных выстрелов.

С равнины им ответил гордый выстрел из мортиры. Судно стало. Оно имело датский флаг, но, к великому удивлению всех, то не было судно торговой компании криолитовых копей и даже не китоловное судно.

А из последних осенних сообщений нам было известно, что на север не собиралось ни одной экспедиции ни из Европы, ни из Америки. И мы почувствовали себя обманутыми, когда удостоверились, что это судно частного лица. Наша надежда разом двинуться дальше на север начала основательно бледнеть.

Но случилось иначе. Когда через час собрались мы в директорском помещении, нас представили Христиану Снеедорфу, владельцу шхуны «Gorm den Gamle». Я увидел перед собой старика атлетического сложения, голубоглазого, смуглого, с сильно посеребренными русыми волосами, великолепный тип ютландца, с патриархальной бородой.

Пока я только знал со слов доктора Бинцера, — говоря мимоходом, доктор умел непостижимым образом давать

точные и аккуратные сведения обо всем возможном, — что Христиан Снеedorф был большим богачом.

В Копенгагене ему принадлежали два доходных пивоваренных завода, земельные участки на острове Фальстере и залежи фарфоровой глины в Рённе. Он был также акционером большого Северного Телеграфного Общества и криолитовых копей в Ивигуте. Вечно неутомимо-предприимчивый, хладнокровно-деятельный. Его глаза под густыми белыми бровями светились живой энергией. В них не было и следа старческой покорности или дряхлости, но большое выдержанное спокойствие, которое обнаруживалось им и по отношению ко всем окружающим. Приватно он занимался на философском факультете. Его увлечение, страсть — естественные науки и география. Он бездетный вдовец. Пресытившись удачными спекуляциями, он отдался в настоящее время путешествиям для удовольствия.

С собственником судна прибыл Нильс Киркегор, капитан шхуны, невысокий, рыжий, с веселыми серыми глазами, сухощавый, тихо улыбающийся про себя человек, основательно знакомый с северными водами моряк и очень снисходительный начальник.

Все население собралось приветствовать прибывших. Ведь они приносили поздравления с родины, большую почту и массу новостей из отдаленного шумного света!

Тотчас же, при обычном представлении Снеedorфу, я с удовольствием почувствовал, что мы понравились друг другу. Снеedorф знал хорошо мой край, так как он много путешествовал. Затем, я скоро заметил, что он был знаком с геологией, и это нас сблизило совершенно.

Обед, устроенный директором в честь прибывших, вполне заслуживал, чтобы его отметить. Во время горячих тостов мы узнали новую поразительную вещь. Перед нами были участники настоящей научно-изыскательной экспедиции, которая поставила себе целью глубоко проникнуть в область материкового льда и произвести целый ряд наблюдений. Это было смелое предприятие, и я был им прямо очарован.

Еще с детства чувствовал я стремление к необыкновенным путешествиям. С чувством глубокого наслаждения читал я серьезные описания путешествий и умел с поразительной точностью воспроизводить в уме картины отдаленных стран.

Как я только себя помню, я жалел, что наша земля так мала. Я завидовал другим большим планетам. С жалостью смотрел я, как исчезают, тая, словно снег на солнце, белые пятна, означающие на картах неисследованные края. Нет уже ничего, что могло бы поразить дух человека; все уже известно, кроме двух противоположных полюсов, которые, в сущности, являются лишь точками, без особых характерных черт, только математическими точками.

Вспоминается мне, как во время долгих гренландских вечеров говорил я об этом с Фелисьеном, и как веселый француз махнул рукою и с иронией произнес:

— О, ты прав! Все описано, все открыто! Бедные фантастические писатели: не остается им, если они хотят жить, ничего больше, как открыть какую-нибудь новую «Лапуту» добряка Свифта, повешенную где-нибудь в воздухе!

Но не смею дальше отклоняться от рассказа.

— Самые смелые экспедиции, — сказал Снеедорф, поставив бокал и указывая на карту Гренландии, — самые смелые экспедиции для исследования внутренних частей этих датских владений произвели иностранцы. Неудачные, примитивные экспедиции Делягера и Иенсена едва ли заслуживают упоминания. В 1883 году был здесь швед Норденшельд; в 1886 году — англичанин Пири; в 1888 году — знаменитый норвежец Нансен; в 1893 году — опять Пири. Но где же тут датчане? Нужно этот недостаток заполнить; я хочу вписать сюда свое имя. Я остановился в Годгаабе, чтобы пополнить запасы угля и провизии.

Присутствующие датчане были тронуты. Мы поднялись с пожеланиями успеха. Фелисьен поднял бокал и, против своего обыкновения, молча пригласил выпить здравицу. И мы выпили серьезно, с глубоким чувством.

Вскоре беседа сделалась сердечной и веселой, но вдруг Снеedorф, задумавшись во время разговора с директором, неожиданно спросил:

— Вы, господа, конечно, слышали об одной русской в Уперниевике?

Мы все сразу замолкли от изумления. Фелисьен вылетел в полном смысле этого слова из своего кресла.

— О Надежде Головиной? — воскликнул он.

Снеedorф созерцал неожиданное действие своего вопроса. Его спокойные глаза постепенно разгорелись, и он кивнул капитану. Нильс Киркегор, все так же молча улыбаясь, вынул из объемистого кармана своего сюртука старую коробку из-под консервов. Он медленно открыл ее и, к нашему величайшему удивлению, вынул из нее листок, точка в точку похожий на полученный нами в сочельник.

— Выловили мы ее, — сказал Нильс Киркегор, — на широте Фискернеза. Она была принесена безусловно с севера.

— Это, без сомнения, самые удивительные сведения, которые кто-либо и когда-либо вылавливал в море, — спокойно сказал Снеedorф.

Он предложил нам познакомиться с содержанием записки. Содержала она опять два столбца мелкого письма на русском и французском языках:

Надежде Головиной.

43° 6' 5" с. ш.

Уперниевик.

P-тору.

P-тору.

При этом никакой подписи, ни даты, ни слова пояснения.

Фелисьен Боанэ уронил столик, подскочил к библиотеке и бросил на стол объемистый атлас.

Директор нашел нашу записку и в нескольких словах объяснил дело нашему гостю. У нас была и широта, и долгота. Оставалось только найти на карте пункт, где пересекаются обе линии.

— Но это ужасно, это ужасно! — кричал Фелисьен, когда это было сделано. — Отвратительная мистификация. Видели ли кто-нибудь коробку, брошенную в море среди покрытой льдом равнины? Гнусная мистификация!

Что все мы были взволнованы, в этом надо сознаться. Все, кроме Снеedorфа. А Нильс Киркегор около него улыбался своей постоянной беззвучной улыбкой.

— В Уперниевике, — сказал старик, — узнаем больше. А потом, — продолжал он с постепенно усиливающимся ударением, — если окажется, что это не дело скверного остроумца, потом мы увидим...

Какое-то намерение созрело в эту минуту в его голове.

III.

«Gorm den Gamle» — великолепное судно, прочно построенное с применением всего опыта последних полярных путешествий. Шхуна невелика, так как многочисленные экспедиции уже давно доказали, что судно малого размера неопределимо в северных морях.

«Gorm den Gamle» построен по шотландской модели: ширина и длина в отношении 1:5,26. На постройку шли лишь белый дуб, оregonская и желтая сосна. Стальные плиты должны были защищать бока при ударах льдин. Паровая машина — Компаунд в тысячу лошадиных сил — вращала массивный тяжелый вал с винтом в 11 футов в диаметре на конце его. Грузоспособность судна — 1.500 тонн.

Судовая команда превосходна. Выбор ее служит к чести Нильса Киркегора: веселый, отважный народ, уже много

раз побывавший в тяжелых полярных экспедициях. А тут идет ведь дело только о том, чтобы проникнуть самое дальнее до эскимосской станции Tessiusack. Само собою понятно, что раньше мы сделаем остановку в Упернивеке. Там мы разлучимся с нашим ласковым хозяином.

А теперь мы плывем на всех парах к северу, и храбрый «Gorm den Gamle» час за часом сокращает расстояние в пространстве и времени от разрешения загадки. Собственно, путешествие немного рановато для весны, и путь более труден, но для успеха экспедиции прямо-таки необходимо достигнуть цели в апреле или первой половине мая, так как позже, в полный разгар полярного лета, путешествие по материковому льду встретило бы, пожалуй, непреодолимые препятствия.

Снеedorф, узнав о нашем намерении навестить Упернивик, пригласил нас воспользоваться его судном. Искушение было велико, и мы его не одолели. Мы трогательно простились со старыми друзьями и оставили Годгааб. Судно наше устроено с величайшими удобствами. Нельзя, на самом деле, даже желать более приятного путешествия. Такой исключительный комфорт и такое милое общество! На судне находится еще морской инженер — Петер Гальберг, уроженец Рённе на Борнгольме, молодой человек с энергичным, смуглым, гладко выбритым лицом.

Он участвует в экспедиции в центральные области Гренландии. Я часто разговариваю с ним на палубе. По временам он впадает в мечтательность и доверил мне, что в одном старом доме в Гаммерсгузе оставил он белокурую, с серыми глазами, мечтательную и преданную девушку, которая, по его возвращении, станет его женой. В Рённе оставлена им старушка-мать. И теперь обе эти женщины мысленно провожают молодого человека горячими воспоминаниями и добрыми пожеланиями. В своей каюте он показал мне две карточки в простых рамках, карточки, на которые он глядел с глубокой нежностью. Это славный человек.

Итак, мы образуем пятичленный кружок и не можем пожаловаться на скуку. Коротко говоря, только один чело-

век на «Gorm den Gamle» возбуждает во мне инстинктивное отвращение. Это слуга Снеедорфа. Зовут его Сив. Человек с кудрявыми волосами и бородой, с темной кожей и с дикими глазами. Ходит он тихо и эластично, как кошка, с головой, постоянно втянутой в плечи, словно все время он кого-то подстерегает. И когда он коварно усмехается, то показывает ряд острых и белых зубов.

Сив принадлежит к тому загадочному племени, которое кочует по ютландским вересковым степям. По всем вероятиям, то цыгане, смешавшиеся с местными бродягами. Датчане зовут их Nadmaendstock — «дачные люди».

Эти кьельтринги, как их еще называют, элемент весьма подозрительный. Они часто нищенствуют, но еще больше крадут. Прошлого нашего Сива было в таком же духе. Говорил он особой смесью из датского и немецкого языка со странными окончаниями слов.

Он отлично будто бы смыслит в котельном деле. Снеедорф нашел его при одной из поездок в степи полумертвого от голода, избитого, в плачевном виде, и из милосердия взял его с собой.

К своему господину Сив относится с преданностью бульдога, и я убежден, что, помимо своей верности, Сив, подобно этой собачьей породе, является собранием всевозможных дурных качеств, — человеком, за которым нужно смотреть каждую минуту.

Погода, сверх ожидания, благоприятна. В полдень большею частью светит солнце. Море блестит тысячами искр, а кругом величественно плывут полчища фантастических ледяных гор и льдин, несомых северным течением к югу вдоль западного побережья.

Это целый ледяной флот очень красивых, удивительно причудливых льдин. Громаднейшие горы с голубыми и зелеными пещерами, куда с шумом вливается и с пеной выливается море; льдины всевозможного вида и подобия; все те чудеса, столько раз подробно и вдохновенно описанные известными полярными путешественниками.

И все это является новым и новым в сумерки и при рассеянном свете, при вечерних облаках и при сером затяну-

том небе или под небом, меняющим свою окраску от оттенков яшмы до легкого налета нефрита.

Нильс Киркегор проделал в своей области артистическую работу, когда без всяких столкновений провел судно чрез этот ледяной лабиринт. А это было делом не безопасным, так как, избегнув прямого столкновения, судно могло пострадать и другим путем.

Так, однажды в полдень случилось, что одна из ледяных гор внезапно перевернулась безо всякой видимой причины, и могучая волна пролетела чрез заколебавшуюся корму. Но мы отделались только испугом. Могло пострадать судно и от обломков в тысячи тонн весом, которые неожиданно отрывались ют проплывающих поблизости ледяных гор, когда эти горы «телились», как выражаются моряки.

Иные из этих обломков снова разлетались, как от взрыва, на тысячи кусков. Величественные белые горы застревали в фиордах на мелях. Иногда прилив освобождал их, и они, слегка колыхаясь, выплывали во время прилива в море, — мощные великаны, спокойно вышедшие затем, чтобы раздавить маленькое судно, которое, дымясь, шло около родных им берегов.

Так и сям на невысоких льдинах грелись тюлени. Стадо касаток в линию пронеслось мимо, и их большие блестящие тела виднелись сквозь брызги разбитых блестящих капель. Чайки и другие морские птицы, белого или же голубовато-серого цвета, как и лед под ними, наполняли воздух оглушительным криком.

Мы сидели на палубе, делая долгие паузы в нашем разговоре. Снеedorф молча курил свою короткую датскую трубку. Далеко на востоке виднелась береговая полоса, за которой был вечный лед. Подолгу мы смотрели в том направлении, и я думаю, что то было неясное предчувствие будущего, которое наполнило нас тогда каким-то мрачным беспокойством.

Через три дня до отъезде из Годгааба миновали мы поселение Егедесмунде. Льды стали чаще. Мы должны были усиленно бороться за каждую четверть мили и, благодаря

этому, немного задержались. Наконец, мы бросили якорь в превосходно защищенной гавани Годгавена.

Годгавен — главный поселок северного инспектората, поселок того же рода, как и Годгааб. Лежит он на острове Диске, знаменитом своими базальтовыми скалами. Гренландское общество приготовило здесь с прошлого года заказанные запасы угля для шхуны.

Пока судно запасалось провизией, я воспользовался установкой для добывания окаменелостей и возвратился с богатой добычей и в превосходнейшем настроении.

Нет сомнений, что в отдаленнейшие века буйные тропические леса покрывали эти берега. Какая перемена!

На другой день «Gorm den Gamle» оставил гавань и направился к последней станции прямо на север.

Все мы, понятно, а особенно Снеedorф и Фелисьен стали наводить справки об иностранцах в Уперниевике, едва только выскочили из лодки на твердый берег Годгавена. И, к удивлению, вся та история, которую мы были готовы считать чистейшей нелепицей, начинала выступать в неясных очертаниях действительности.

Прошлый год, говорили нам, в конце лета вышли в Уперниевике два путешественника с американского рыболовного судна. Эскимосы, навещавшие Уперниевик, рассказывали, что это был старик в сопровождении молодой девушки. Старик проводил целые дни в большом деревянном сарае, который он велел себе построить по приезду и в котором он занимался каким-то тайным чародейством.

Наше любопытство было возбуждено этими сведениями еще в большей степени. Мы очень хорошо знали вошедшую в поговорку суеверность гренландских эскимосов, однако, и сам директор Годгавена подтвердил их сообщение. Больших подробностей, впрочем, кроме того, что оба иностранца — русские, как он узнал от туземцев, он нам сообщить не мог.

Слава богу, нам осталось уж всего три дня пути. Подул попутный ветер, и «Gorm den Gamle» мог воспользоваться всеми парусами. Постоянно меняющаяся погода служит признаком, что мы уже далеко на севере. Частые вьюги

внезапно закрывают горизонт, а изморозь бывает страшно неприятна.

С очень утешительными результатами мы стреляли тюленей и морских птиц, но это не удовлетворяло нашего честолюбия, и мы порешили, с общего согласия, что нам основательно «не везет».

До этого времени Снеedorф сохранял большую сдержанность, когда у нас заходила речь о путешествии на материковые льды.

Петер Гальберг во время одной прогулки по палубе высказал мне, что он мог бы сообщить об этом много интересного; но сам Снеedorф пока ничего не говорил. Между тем, наша общая дружба крепла с часу на час, и наши откровенные разговоры с собственником судна продолжались.

На другой день после того, как мы оставили Годгавен, мы сидели вечером в уютно освещенном салоне.

В первый раз после нашего знакомства Снеedorф подробней разговаривал о программе своей экспедиции. Он заботливо выбил пепел из выкуренной трубки, а Сив потропился набить новую трубку хорошим крепким табаком.

— Главная доля в успехе экспедиции, — сказал Снеedorф, — будет принадлежать Гальбергу.

Петер Гальберг слегка улыбнулся. Это был действительно скромный молодой человек, и такая похвала привела его в замешательство.

Карта Гренландии лежала на столе. Линии, проведенные на ней красками, означали пути прежних экспедиций. Первоначально экспедиции на материковый лед все время шли с западного берега. Таков был путь обеих экспедиций Норденшельда, а также и путь Пири.

Это была вполне несчастная мысль, раз дело шло о том, чтобы пройти Гренландию с запада к востоку, так как восточный берег ее со стороны моря, благодаря непрерывному прибою сала, неприступен и совершенно пустынен. Экспедиция должна была бы возвращаться той же дорогой по ледниковой поверхности, что было бы попыткой по меньшей мере безрассудной.

Поэтому Нансен в 1888 году, задумав пройти поперек Гренландии, направился в воды восточного берега; он бросил судно, пробился лодкой чрез пояс сала и, оставив, вместе со своими спутниками, берег и горы Умивика, перешел страну поперек до Годгааба. Там он нашел поселение, цивилизацию и убежище после ряда нечеловеческих страданий. Только таким путем ему первому удалось выполнить эту смелую задачу.

Экспедиция Снеедорфа не задавалась целью пройти поперек Гренландии. На высоте Упернивика она должна была вступить на лед, по параллели достигнуть 40° меридиана и потом вернуться к западу в Христианенгааб. Его гордостью было, что эта экспедиция будет первой в своем роде, и что он сам, при помощи Петера Гальберга, произведет точные научные наблюдения.

Прежде всего дело идет о том, чтобы определить толщину льда и климат центральных областей материка, где Гренландия имеет наибольшую ширину, и с достоинством поднять датский флаг рядом с шведским, норвежским и звездным флагом Соединенных Штатов.

Нансен блестяще воспользовался лыжами и санями, которые тащились людьми. Пири и Аструп — санями, в которые запряжены были эскимосские собаки. Теперь, когда техника моторов достигла такого значительного совершенства, неудивительно, что Снеедорф решил употребить сани автомобильные, или, если хотите, настоящий санный автомобиль, изобретателем которого был Петер Гальберг. Таким образом, время путешествия значительно сокращается: отпадают сложные заботы о провианте, и могут быть продолжены остановки для научных наблюдений.

Петер Гальберг сдувал пепел с сигары, и я убежден, что его мысли не блуждали далеко от Борнгольма...

У меня теперь уже является сильное желание стать участником этой экспедиции. Путешествовать с подобными людьми было бы наслаждением. Но это просто лишь неожиданная мысль. В Упернивике мы разойдемся; каждый направится к своей цели; для меня останутся мои окаменелости и образцы минералов.

Фелисьену будет также тяжело разлучаться с нашими друзьями. Он доверил мне, что и им овладевает та же мысль сделаться участником борьбы с ледяной пустыней.

Наконец-то мы в Упернифике!

Маленькое гнездо на островке, с очень убогой гаванью. Всевозможные вихри и непогоды могут распоряжаться в этом гнезде по их собственному желанию. Дюжина по-европейски выглядящих зданий; над ними на шесте полощется датское знамя.

Кругом — пустынная дикая полярная природа. Серый горизонт и серые и черные скалы с белой снеговой шапкой сжимают убогий маленький поселок. Идет холодный дождь. Каики с эскимосами прилетели на волнах и кружатся вокруг судна, между плавающими обломками льда.

Угощать туземцев водкой, как и продавать им ее, в Гренландии строго запрещено государством. Иное дело табак; и мы наделили эскимосов табаком, чем доставили им большое удовольствие.

Лодка была спущена без промедления, и чрез минуту мы плыли, в сопровождении каяков, к скалистому побережью, где собралась, между тем, небольшая толпа людей.

Начальник поселка радостно приветствовал нас, даже можно сказать, с пафосом. Он знал Снеedorфа, как самого влиятельного члена Северной Торговой Компании.

Нильсу Киркегору было сказано, чтобы он устроил все, что нужно к предстоящей разгрузке. Мы же отправились к начальнику поселка.

Добряк прямо-таки расплывался, обещая нам помогать, чем только может, во всех наших предприятиях. К удивлению, Снеedorф слушал с нетерпением его бесконечную болтовню. Он обратился к начальнику с вопросом, по-видимому, не стоящим в связи с предыдущим разговором.

— А Головина? Где здесь живет Надежда Головина?

— Она вышла ровно час тому назад на прогулку в горы, — ответил он.

— В такую погоду ?

— Она делает так ежедневно, за исключением больших метелей.

— Что же, она здесь одна?

— Одна. Алексей Платонович, которого она сопровождала, исчез отсюда в конце осени. — Начальник кончил иронически: — Изобретатель... авиатор... путешественник к полюсу! — Говоря это, он постучал указательным пальцем по лбу и провел в воздухе запутанную кривую, значение которой было понятно, и покачал головой.

— Что же, он сломал себе шею? — нескромно полюбопытствовал Фелисьен.

— Вероятнее всего. Да, пожалуй, вне сомнения, — ответил начальник. — Можно предполагать с определенностью. Но... — тут он пожал плечами и взглянул чрез окно на смутное небо, — кто знает, кто это знает?..

IV.

Через два часа после этого разговора я увидел в первый раз Надежду Головину. Она подходила к поселку. Белая эльзасская собака с веселым лаем сопровождала ее. Вот портрет Надежды Головиной:

Высокая, элегантная девушка, лет двадцати двух, с серыми глазами. Овальное, славянское лицо, нежное и серьезное, в рамке темных кудрей, лицо, которому прелестные глаза придают мечтательное или задумчивое выражение.

Она говорит приятным альтом, — немного, пожалуй, глубоким, но очень звучным. Она очень образована, воспитана, и я был сильно смущен, слыша в первый раз ее разговор, так как в этом эскимосском гнезде я никогда не мог предполагать присутствия подобной женщины. С какой энергией и бесконечным героизмом переносила она бесконечные дни скуки, тоски и печали арктической ночи!

Ее прелестные глаза раскрылись от удивления, когда она увидела наше неожиданное вторжение в поселок.

Мы вежливо и по-дружески приветствовали ее. Она покорила нас с первого же мгновения. Тишина наполняла комнату, шипел и пыхтел лишь большой самовар. Тайственная корреспонденция, найденная нами при почти фантастической обстановке, дошла, наконец, до своего адресата. Девушка деликатно взяла оба письма, благодаря нас удивленным и любопытным взглядом.

— Вести из Европы? — спросила она, а потом, когда она взглянула на письмо, крик и вздох вырвался из ее уст: — Дядюшка Алексей! Дядюшка Алексей! Так он жив! Несчастный дядюшка Алексей!

Я увидел, как погасли ее блестящие глаза и как появились на них слезы. Девушка отвернулась и зарыдала. Но когда через минуту она обернулась, энергия вновь светилась в ее глазах. Она положила руку на стол.

— Господа, — сказала она, — вы хорошие люди. И я считаю вас своими друзьями. Я должна вам пояснить некоторые вещи, о чем здесь до сих пор еще не говорила. А потом... потом я буду просить у вас помощи.

Свою беседу в доме начальника поселка этим мы кончили.

В салоне судна уселись мы кругом на диванах, а серебристо-белый пес Гуски свернулся у ног девушки, вопросительно поглядывая на нее своими голубыми глазами. И вот что рассказала нам девушка тихим, спокойным голосом.

— Я осталась круглой сиротой четырех лет от роду. За мое воспитание взялся дядя со стороны матери, старый холостяк — Алексей Платонович Сомов. Дядю уже смолodu считали за чудака и в своем семействе и у родных. Носил он, говорят, например, очки из зеленого стекла, а в его рабочем кабинете была привязана на цепочке громадная летучая мышь, которая наполняла отвращением и страхом добрые сердца почтенных граждан. Но дядюшка Алексей продолжал глядеть на свет сквозь свои зеленые очки, а мышь спокойно висела себе на шестике, головой вниз, закрывшись своими летательными перепонками и с наслаждением поедая свой корм.

Дядюшка Алексей сначала был преподавателем физики и химии в одном учебном заведении, и со страстью старого алхимика отдавался своим наукам. Его чудачества, а еще больше его либеральные взгляды, принесли ему много неприятностей со стороны начальства. Его споры стали принимать уже острый характер. Но в этот критический момент умерла какая-то дальняя его родственница и оставила значительное состояние, которое всецело перешло к дяде Алексею.

Тотчас он бросил свою должность, чтобы вполне отдался осуществлению своей мечты. От теоретического изучения он перешел к практике. Неудачные опыты поглотили большую часть состояния.

Засевшей у него в голове мыслью было устроить динамическую воздушную машину. С этой целью познакомился он с неким Реньцаковым, механиком, худым, чахоточным человеком, — гением в области взрывных моторов. Работали они оба вместе.

Я долго не догадывалась о намерениях дяди Алексея. Я училась в Москве и получала от него лишь редкие и рассеянные письма. Прошло два года. В одном из писем дядя уведомил, что Реньцаков умер. Я окончила курс и с дипломом вернулась домой. Тут все изменилось. Дядя приобрел в деревне дачу и приспособил ее для своих опытов. Он вырубил в саду деревья; на месте бывших яблонь построил сарай, и в нем стали работать под наблюдением дяди два человека.

Дядюшка Алексей встретил меня сердечно; он, действительно, любил меня, как отец. Но его идеи чересчур занимали его, и случалось часто, что он забывал о моем существовании.

Сначала я бродила по окрестностям; сидела за чтением под старыми яблонями, но, наконец, меня одолела скука. Во мне стал пробуждаться интерес к загадочной работе в таинственном сарае. Дядя со мною о ней никогда не говорил ни слова. На прямой мой вопрос о ней он ответил ученой лекцией о механических воздушных машинах и о но-

вых успехах в области усовершенствования моторов, и снова погрузился в свои чертежи и математические выкладки.

А вскоре после этого политические перевороты и бури зашумели над нашей страной; гроза дошла и до нас. С заслуживающей доверия стороны дядя получил предупреждение. Дело шло, как я догадываюсь, о каком-то политическом заговоре Реньщакова. Последние годы дядя жил с ним в интимной дружбе, не догадываясь, тем не менее, о всех его замыслах. Реньщаков, правда, умер, но дядя был здесь, а достаточно было и того, что он когда-то поддерживал отношения с революционером.

Время было страшно опасное, и дядя проснулся от своей мрачной замкнутости. Той же ночью два его помощника упаковали отдельные части машин и аппаратов в ящики, которые дядя и отправил. А на другой день, в дождливое утро, оставили мы дачу и счастливо переправились через границу.

Я была уже слишком привычна к дядюшкиным странностям, но в тот раз я испугалась. Ведь он вез меня в новый край, далеко-далеко, а я до сих пор еще не знала — куда. Ехали мы в Кенигсберг, потом Гамбург, затем Бремен. Здесь, в старом унылом отеле, ждали мы четырнадцать дней.

Но вот дядя получил письмо. Читал он его вечером, при свете лампы. Высоко вспыхивало пламя в камине. Дядя Алексей прочитал, и когда отложил письмо в сторону, весело потер руки.

— Все идет превосходно, Наденька! — сказал он. — Выедем отсюда на этой неделе.

— Куда? — утомленно спросила я.

— В С.-Джонс.

— В Америку?

— В Америку.

Дядя заботливо сжег письмо в камине. В конце недели мы были в открытом море. Вы знаете С.-Джонс на Ньюфаундленде? Ужасное место! До сих пор я еще чувствую отвратительный запах трески и сельдей.

Дядя Алексей нанял там старый брошенный дом за городом. Вскоре он снова погрузился в свои работы. Обо мне он забыл совершенно. Представьте себе, господа, какое это было для меня убийственное положение. Но я понемногу привыкла. Я становилась чудачкой и отшельницей, вроде дядюшки. Целыми днями я сидела за книгами, и это предохраняло меня от меланхолии. Дядюшку несколько раз навещал какой-то незнакомый человек мрачного вида, с пронизывающими глазами. Я видела его только мельком. Визит его затягивался часто на целую ночь. И утром, когда горизонт уже начинал светлеть, огонь еще светился в дядюшкиной комнате.

В это уже время со страхом я заметила у дяди первые признаки душевной болезни. Он часто уходил из дома и бродил не знаю где, иногда дня по три, возвращаясь домой голодным, усталым. А потом шли снова дни, полные ясного ума, энергии, бодрости.

Помнятся мне два события, которые его страшно встревожили. Первое — еще во время моего детства — день отлета шара Андрэ со Шпицбергена, и здесь, в С.-Джонсе — пришедшая весть о готовящейся экспедиции Вельмана.

Дядю охватило болезненное возбуждение. Тогда-то именно и был принят им таинственный визитер, и из дядиной комнаты слышались рассерженные голоса. Кто-то там кричал и доказывал повышенным голосом. Дядя отвечал с раздражением, и его гнев возрастал. Потом стукнули двери, и дядя вылетел вон. Вернулся он на этот раз лишь на четвертые сутки. Но в каком виде! Он притащился, как тень. Когда же отдохнул, то был спокоен, как никогда прежде. Он долго и нежно говорил со мною. С горечью он упрекал себя за то, что так безрассудно таскает меня по свету. Что следовало бы для меня устроить спокойное пребывание в каком-нибудь французском пансионе.

Наконец, он сказал, что его работы окончены и что он уезжает. Он, безусловно, не может решиться снова брать меня с собой. Я обняла его со слезами, так как его состояние возбуждало во мне большие опасения. Моею обязан-

ностью и моим твердым решением было ни в коем случае не отпускать его одного.

Он долго противился этому. Но я не уступала. Кто бы стал смотреть за ним? Кто стал бы охранять его от разных сумасбродств?

Итак, судно «Kite», отходившее на охоту за тюленями в залив Мелльвиль, доставило нас обоих в Упернивик. Это было осенью прошлого года. Начальник поселка был очень любезен. Вдобавок, дядюшка имел какую-то бумагу от датских властей.

Жила я у пастора Снеджа. Пасторша — наилучшая женщина на этом берегу Гренландии. Я ей очень благодарна.

Не откладывая дела в дальний ящик, дядюшка взялся за работу. Он велел выстроить сзади, за церковкой, деревянный ангар из тех материалов, которые привезло судно с С.-Джонса вместе с несколькими объемистыми ящиками. Я начинала кое о чем догадываться.

У меня снова появилась тяжелая забота о дяде. Я допытывалась осторожно. Но все попытки были напрасны. Я порешила бодрствовать с удвоенным вниманием.

Помешать ему силой или передать его в руки врачей я не решалась. Я понимаю, что это отчасти было слабостью, но я хорошо знала, что подобное вмешательство вызвало бы у него моментальную психическую катастрофу.

Минувшая осень здесь была очень сырая. Здоровье дяди было слишком расстроено. Целыми днями работал он в сарае, и отблеск огня через маленькое окошко проникал во мрак ночи.

К обывателям он не имел вообще никаких отношений. Все испытывали перед ним суеверный страх. В сарай он не пускал никого, кроме одного немого, бывшего искусным механиком.

Так прошло четыре недели. Наконец, дядя стал обращать на меня внимание. Он стал страшно заботлив, спрашивал о моих нуждах, был очень любезен. Он запер ангар и отправился в горы. Вернулся он поздно вечером. Вечер был прекрасен и тих, каких было мало в прошлую осень.

Вдруг дядя предстал предо мною. Глаза его возбужденно сверкали.

— Поди-ка, Наденька! — сказал он и повел меня к ангару.

Была ночь. Слабый свет фонаря падал на каменистую дорогу. Собака тихо следовала за мною.

Дядя Алексей долго возился со сложным замком. Я ему светила, дрожа в своей шубке от холода и волнения. Наконец, дверь отворилась и мы вошли. Сначала я ничего не могла разглядеть. Но вдруг вспыхнул ослепительный беглый свет, выходящий из небольшого аппарата, снабженного сильным рефлектором, и на некоторое время ослепил меня.

Когда я огляделась, то увидела перед собой что-то вроде чудовищной птицы с широко раскрытыми крыльями.

Я видела перекладки, изготовленные из особого дерева, блестящие части металлических рычагов; взглянула на тонкое строение мотора — медь, сталь, латунь; большие поверхности планов из какой-то неизвестной прочной материи.

Между планами блестела большая дутая ось, на которой были привешены два небольших, для трех-четырех лиц купе, закрытых окнами из асбеста или целлулоида.

Дядя Алексей не считал меня достойной детальных объяснений; он стоял выпрямившись и, подняв руку, с гордостью глядел на свое дело. Мы долго молчали.

— Душечка! — сказал потом тихонько дядя; его голос смягчился, стал нежным, каким я прежде его не слыхала. — Душечка, вот дело моей жизни!

Я помню, как в глубине у меня отозвалось живое и сильное чувство глубокого сострадания к этому бедному старому ребенку, голос которого дрожал от волнения и веры в свои силы. Я видела в душе тщетность его безумных начинаний.

А дядя Алексей продолжал:

— Наденька! Наденька! Ты мужественна душой. Ты любишь своего бедного, сумасбродного дядю? Ведь ты дозво-

— Вот дело моей жизни! — сказал дядя Алексей.

лишь ему на несколько времени оставить тебя, только на несколько времени, дорогая моя?

От испуга у меня перехватило дыхание. Я вскрикнула.

— Как, дядюшка! Что ты говоришь? Ты бы хотел? И один?

— Один, — глухо сказал дядя тихим, но решительным голосом, — машина, правда, поднимает четверых, но я возьму груз.

— Ох, дядюшка! Прими во внимание свой возраст! Тебе нужен покой, уход. А тут такие опасные опыты. Пусть хоть она и полетит, но маленькая ошибка, неосторожность, неосмотрительность, и ты заплатишь за это жизнью! — с горячностью заметила я.

— Никакой неосмотрительности, никаких ошибок, — холодно сказал дядя. Он был рассержен и оскорблен. — Я не боюсь даже и смерча, если он пойдет в том же направлении, как и машина. Э, да что ты знаешь, что понимаешь? Посмотри!

Он пошел, отворил настежь противоположные ворота и погасил свет. Мы стояли в глубокой темноте. Я видела только высоту небесного свода, усеянного большими блестящими звездами. Вдруг север горизонта ожил, запылал, море зеленых огней поднялось из-за отдаленных гор. Высоко, высоко протянулись они до самого зенита, погасли и снова родились из неизвестного источника, пропадая в глубинах небесного пространства.

Такого восхитительно-прекрасного северного сияния я еще не видала. И в этом странном зеленоватом свете резко вырисовывались контуры фантастической машины.

Дядя поднял свою худую правую руку.

— Лететь к таинственному северному сиянию! Подниматься в магическом огне, в огне, который не жжет! Коснуться того недоступного места, которое так не поддается человеческим усилиям! Ни Андрэ, ни Вельман! А я, я, Алексей Платонович Сомов!

У него вырвался неприятный смех, который заставил меня похолодеть. Я боялась припадка.

Но тут небесные огни погасли. Небесный свод был черен, как бархат. Звезды горели. Я обняла дядю и успокоила его. Он затих. Нежно поцеловал меня в лоб.

— Покойной ночи, Наденька! Обещай мне, что если что-нибудь случится, то ты пробудешь еще полгода в этом провонявшем смолой гнезде. Только полгода — не больше. Потом можешь свободно уехать, так как я не возвращусь, и для меня так будет лучше. Не ломай над этим голову. Да! Документы в железной коробке под № 2. Ключ здесь. Что осталось — мало этого, но на скромную жизнь тебе хватит. Ну, ну, успокойся, душенька! Ведь ничего не делает твой дядя сгоряча, ничего, иначе мог бы без нужды сломать себе голову! Хе-хе... Ну, покойной ночи, дорогая моя!..

Он поцеловал меня в лоб. Я почувствовала слезу, капнувшую на мое лицо, первую слезу дяди Алексея.

Я провела страшную ночь. На дворе было тихо — ни ветерка. Но в душе моей бушевала буря. Несколько раз хотелось мне искать дядю. Был момент, когда я ощутила такое живое чувство страха и угнетенного состояния, что вскрикнула. Зачем тогда я не послушалась голоса своего чувства?

Утром поспешила я к деревянной постройке. И те, и другие ворота ее были открыты. Кучка туземцев тихо толпилась в суеверном отдалении. Никто не решался заглянуть в ангар. С отчаянием я вбежала внутрь. Пусто! Машина исчезла, а с ней и Алексей Платонович. И вы знаете, что он не вернулся.

Итак, господа, я исполнила, чего хотел от меня дядя. Я ждала его. Каждый день новая надежда овладевала мною, надежда, что дядя Алексей появится на моем пороге.

В первое время я думала, что он разбился со своей машиной где-нибудь в окрестностях поселка. В сопровождении Качуа — немного механика, просмотрела я каждую пядь острова.

Потом явилась у меня мысль, что он пропал в море. Мы прошли местом прибоя. Эскимосы на каяках и умияках заботливо осмотрели залив. Ничего!

Я не нашла ни следа, ни каких-либо указаний. Исчез, словно пылающий горн северного сияния втянул в себя

воздушную машину вместе с соорудившим эту машину человеком, и поглотил его, как притягивает и уничтожает огонь ослепленного им мотылька.

Я представляла его себе одиноким, старым, больным в этой арктической пустыне! Мысли эти приводили меня в отчаяние! Ночью мучили меня страшные сны. Но потом это прошло! Явилась тихая покорность судьбе.

Несчастный старик исчез навсегда в пустынях полюса, и я уже оплакала его. Стала думать о возвращении в цивилизованный мир, так как послезавтра будет восемь месяцев с того времени, как исчез дядя. А теперь, когда я уже перестала надеяться, вы приносите эти его странные и непонятные письма. Когда он их писал? Я не знаю. Но он был жив, коль скоро их писал!

V.

История была, без сомнения, чрезвычайно фантастическая. Тем не менее, ничего не оставалось другого, как ей верить. Мы — не игрушки тяжелого сновидения.

Мы видели сарай. Посетили светличку профессора в доме эскимосского миссионера, где до сих пор валялись груды специальной литературы, смятые наброски и планы, а также инструменты и орудия, как в мастерской механика.

Фелисьен предпринял со мною и Надеждой прогулку на западный берег острова Упернивика.

Мы хотели посмотреть знаменитую птичью гору, величайшую в северной Гренландии. Тысячи, нет, — миллионы морских птиц селятся в отверстиях крутых скал. Целые облака их летают с моря к скале и обратно, и волны покрываются тысячами живых точек. Нырки, альки, пингвины образуют отдельные колонии, заселяющие определенный этаж скалы и с жаром отстаивающие свое становище. Стаи красивых гаг, чаек-буревестников издают отвратитель-

ный своеобразный крик, усиливающий суматоху этого птичьего Вавилона.

Туземцы в пору гнездования гаг собирают в огромном количестве гагачьи яйца и вывозят, чего не съедят сами.

Шум этой громадной птичьей колонии похож издали на глухое продолжительное ворчанье.

Дул сильный северо-восточный ветер, и по временам шел мелкий снег. Вчера ночью было 18° Ц. мороза.

Надежда была еще бледнее, чем обычно, и молчалива. Когда мы возвращались, она не смогла уже подавить своего волнения. Она обратилась во мне с просьбой:

— Я должна сегодня говорить со Снеедорфом. Не могли ли бы вы оказать мне небольшую любезность ?

— Все, что будет в моих силах.

— Я хочу кой о чем попросить Снеедорфа. Он очень любезен, вероятно, он не откажет... Но все же обещайте мне, что будете поддерживать мою просьбу.

— Обещаю вам.

Она поблагодарила тихим кивком головы. Я уже догадывался, чего хочет эта храбрая, удивительная девушка. Но вечером, прежде чем она заговорила, Снеедорф сам обратился к ней.

— Надежда, программа нашего пути вам известна. Небольшое отклонение для меня ничего не стоит. Я решил достигнуть того места, где встречаются географические линии, указанные в письмах вашего дяди. Это очень простая вещь. Обыкновенное любопытство.

Я с удовольствием обнял бы Снеедорфа. Фелисьен Боанэ заликовал вовсю. Девушка молча поклонилась и, прежде чем старик мог помешать этому, схватила его руку и поцеловала ее. Тронутый до слез естествоиспытатель поцеловал ее в лоб, как дочь. Он хотел отклонить от себя, как незаслуженную, всякую благодарность. Надежда подняла свою красивую голову с определенным решением. Ее глаза блестели отвагой и энергией, когда она сказала:

— И я... я поеду с вами!

VI.

«Gorm den Gamle» стоял на якоре в небольшом заливчике на северо-восток от Упернивика.

Материковый лед доходил здесь до самой воды. С правой стороны спускается к морю громадный зеленоватый глетчер — выдвинувшаяся частица бесконечного ледяного пространства.

На востоке стеною поднимается материковый лед. Если смотреть на него на известном расстоянии с моря, он кажется голубой отвесной стеною. Вблизи, однако, мы видим, что он спускается к морю постепенно, в виде мощных террас.

Долгое время Гренландия являлась загадкой. Лишь со времени экспедиции Нансена мнение о Гренландии установилось. Эта страна представляет собою сплошной ледник. Давно прошедшие климатические условия привели к тому, что обильные снеговые осадки заполнили все долины до самого верха гор.

Под ужасным давлением снег превратился в лед. Пласты льда росли, пока не исчезли под ними вершины. И весь край с его холмами и долинами, горами и равнинами лежит теперь глубоко под ледяной, весящей миллиарды центнеров, корой. Лишь узкий пояс западного побережья остался свободен от этого ледяного панциря. И там прозябают остатки эскимосских племен.

Чем дальше к северу, тем больше подходит к берегу материковый лед. Под давлением бесконечной тяжести, часто с довольно значительной быстротой скользит он по склонам и, достигнув моря, вдруг утрачивает почву. С громким треском отламываются от него ледяные горы. Массами плывут они в виде фантастических ледяных громад, постепенно разъедаемых и теплым воздухом, и морем.

Экспедиция Снеedorфа поставила себе целью двинуться по самому безутешному краю света, по ледяной Сахаре, страшной в своем пустынном оцепенении.

Но честь датского флага, научный интерес и возрастающее желание узнать, что за сюрпризы таит в себе пересечение меридиана и параллели — все это не позволяло отступать назад.

Загадочный пункт, указанный профессором Сомовым, служит неисчерпаемым предметом наших разговоров.

Вернее всего, по своем взлете, Алексей Платонович не достиг полюса, а был занесен куда-нибудь к востоку, был сброшен на гренландский ледник и оттуда уже послал свои отрывочные вести. Или же — и это лишь одно предположение — застрял в каком-то свободном ото льда оазисе.

— Ну, а бутылка, брошенная в море, — в море, понимаете ли, объясните мне это! — прервал с отчаянием Фелисьен Боанэ.

Да, море!.. Моря мы никак не могли объяснить. И эта загадка гнала нас всех немедленно отправиться в дорогу. Решено! Вместо того, чтобы лазать с геологическим молотком по прибрежным скалам, я участвую в экспедиции вместе с Фелисьеном Боанэ.

Мы пройдем, во что бы то ни стало, через снега и льды. Будем бороться с арктической пустыней, самой страшной из всех пустынь. Впрочем, я не знаю, как мы добились того, что Снеедорф согласился на наше смелое желание. Двое из команды «Gorm den Gamle», Педерсон и Эвальд, храбрые малые, которые были выбраны сопровождать экспедицию, должны были поступиться в нашу пользу своими местами. Я забыл упомянуть, что место геолога было в экспедиции свободным. Ерик Иогансен из Копенгагена, сопровождавший экспедицию с самого начала пути, захворал сердечными припадками и был высажен на Фаррерских островах. Я поступил на его место, а Снеедорф высказал, что он уже давно желал этого, но не решался только мне предложить.

Итак, список участников определенно установился: Снеедорф — глава экспедиции, Петер Гальберг — шофер автомобиля, Стеффенс — механик и помощник Гальберга, я — геолог, Надежда и Фелисьен — путешественники, Сив —

слуга Снеедорфа и повар экспедиции. Эскимос Эква, нанятый в Уперниевике, — проводник.

Я не могу отделаться от мысли, что присутствие Сива не обещает мне ничего хорошего.

Зато Эква — прелестный человек. Это живой, как ртуть, молодой, веселый, проворный, изобретательный малый. Китоловное судно привезло его беспомощным подростком в Уперниевик, и тамошний пастор взялся за его воспитание. Он выучил его также искусству бегать на норвежских лыжах — искусству, которым Эква бесконечно гордился и которое возбуждало удивление со стороны его туземных товарищей. Он единственный из эскимосов имел столько отваги, чтобы пуститься с нами в дорогу. Сам он, преследуя оленей, несколько раз вступал на окраины ледников и был артистом в охоте на белых медведей.

Между тем, разгрузка быстро подвигалась вперед. На берегу возникла целая маленькая колония. Тут есть несколько палаток из шкур, а из Упернивика прибыло сюда с полдюжины каяков и умияков.

Туземцы толпой следят за нашими сборами. Когда они узнали про наше намерение вступить на «Сормоксуак» — большой ледник, добряки были сильно перепуганы. У эскимосов существует суеверный страх перед опасным «внутриземьем».

Они всячески отговаривали нас, а когда увидели, что мы не обращаем на это внимания, пророчили гибель экспедиции.

В добавление ко всему, как раз за два дня перед этим, туземные охотники, снабжавшие наше судно свежим мясом, застрелили в горах белого оленя, а это, по поверью туземцев, означает большую опасность, ожидающую нас в тех туманных даях, куда мы хотим так дерзко проникнуть.

Подготовительные работы идут, между тем, превосходно. Части машин, сани, орудие и утварь группируются на черных скалах. В свободные минуты некоторые из нас навещают, в сопровождении Эквы, тот пункт, откуда мы начнем

свой путь. Проворному туземцу удалось найти очень удобное место для этого.

Сначала придется идти по склону длинной морены, которую образовал выступ глетчера; оттуда на твердый ледяной поток, который идет к западу пологим скатом.

Самая тяжелая работа, которая нас ожидает, это переправить по частям весь наш багаж вверх по склонам обвалов, по ступеням екал, через снеговые сутробы, на первую ледяную террасу. Отсюда мы начнем двигаться вперед на машине к северо-востоку. Состояние льда превосходно. Трещины, делающие летом край материкового льда почти непроходимым, заполнены снегом, превращенным выюгами в компактную массу.

Неделя трудной работы, наконец, закончена. Все мужчины должны были участвовать в ней. Эскимосы ревностно помогали нам. Благодаря саням и отважности носильщиков, им удалось преодолеть самые трудные препятствия.

Место для лагеря выбрано. Оно на высоте 500 метров над морем и в 4 килом. от берега. От этого становища можно видеть и отдаленный залив, и весь изборозженный морщинами ледник, по которому мы шли, — ледник, обтекающий, подобно реке, черные выступы скал и окаменевший по одному знаку могучего духа, поселившегося в земле страха и ужаса, которая, по верованию эскимосов, находится за этими ледяными стенами.

Глубоко внизу, в темном заливе, стоит на якоре «Gorm den Gamle», и дым из его трубы высоко поднимается к голубому небу. Вдали виднеется море, покрытое салом и громадными ледяными горами, которые блестят и искрятся.

Насчет погоды мы спокойны. До сих пор была только однажды сильная метель, засыпавшая место стоянки сутробами снега.

Петер Гальберг и Стеффенс, конечно, без промедления стали собирать машины. Им помогают механики и машинисты шхуны. Приятно видеть, с каким искусством и охотой работают люди. Ночи мы проводим в палатках. Мы приучаемся к будущим неприятностям и не боимся их. Но отходить от вашего лагеря небезопасно. Лучше всего при

каждом шаге внимательно палкой исследовать снег. При одной такой прогулке на лыжах мне пришлось убедиться, что безопасность ледяного покрова довольно сомнительна. В некоторых местах пласты снега образуют свод над трещинами льда. У сопровождавшей меня Надежды вдруг исчезла почва под ногами. Девушка осталась на весу над зияющей бездной только потому, что, не теряя присутствия духа, оперлась лыжным шестом о край открывшегося провала. Шест постепенно опускался, и девушка медленно скользила в пропасть.

Я моментально был около нее и поднял ее кверху. Даже крика не вырвалось у нее. С минуту стояла она, нахмутив брови.

— Вы не ушиблись? — спросил я ее в испуге.

— Нет, — сказала она просто. — А знаете ли, что вы сохранили мне жизнь?..

Я опустил глаза под ее серьезным и глубоким взглядом.

VII.

Машина собрана. Она стоит, готовая от одного движения рычага двинуться в дорогу. Она, конечно, мало похожа на автомобиль. Выглядит она как крытый тендер, как снеговой плуг с несколькими окнами и со стеклянной передней стеной.

Петер Гальберг усовершенствовал идею инженера Чарльза Берга из Миннеаполиса. Это машина лазящего типа с четырьмя винтами вместо колес на горизонтальной оси. Винты приводятся во вращательное движение, независимо один от другого, сильным мотором в 60 лошадиных сил, работающим спиртовым паром. Спирт, как известно, замерзает только при 40° холода, но тот, который мы везем с собою, приготовлен особым образом, составляющим тайну

Снеedorфа, и сопротивление этого спирта холоду увеличено во много раз.

Спиртовые пары сгущаются и могут быть снова употреблены для наполнения мотора. Части машины поставлены наилучшей фирмой Мерседес. Винты из стали, а их крылья имеют тонкие и острые края, как у коньков. И если винты с левой стороны вращаются в направлении, противоположном вращению винтов правой стороны, автомобиль движется вперед. Диаметр винтов значительно больше, чем предлагал Берг; благодаря этому, Гальберг достиг не только большей быстроты, но и большей сохранности мотора.

Направление машины зависит от движения винтов, укрепленных на особых коленях, и от двух стальных досок, в форме полумесяца, настоящих рулей, врезающихся в лед и снег и приводимых в движение сжатым воздухом. Машиной, построенной из удивительно легкого материала, можно управлять с необыкновенной точностью из будки шофера.

Имея в виду страшные морозы «внутриземья», инженер снабдил свою машину остроумными нагревательными аппаратами, используя с успехом старую, простую мысль японцев: чтобы холод не проникал вовнутрь, стены снабжены прокладкой.

Нижняя часть машины видом своим походит на днища прежних березовых челноков канадских краснокожих или же днища лапландских саней. По мягкому снегу автомобиль может скользить, по воде — плыть.

Испытание машины, сделанное прошлой зимой в Дании, дало изумительные результаты. Она удачно побеждает крутые подъемы и при благоприятных условиях может достигать быстроты 35 километров в час.

Внутреннее помещение автомобиля представляет из себя два купе с двумя спальными местами, как в спальнях вагонах. Эти купе будут предоставлены Снеedorфу и Надежде. Остальным участникам экспедиции придется ночевать в спальнях мешках в палатках, изготовленных из непромокаемой парусины и крепкой шерстяной материи. Но

ожидание этой неприятности нас не пугает. Пока поверхность ледников под нашими ногами будет прочной, мы будем двигаться вперед с удобством, так как все найдем место в автомобиле или в санях, которые автомобиль будет тащить за собой.

Сани наполнены всевозможными запасами. Тут пеммикан, сгущенное молоко, шоколад в таблетках или смешанный с размолотым мясом, консервы, шведский knökkensbrod, морские сухари, масло, запасы гороховой муки, чая, кофе, табаку, сушеной зелени и т. д. Для каждого участника отведено определенное количество запасов, и выбор их сделан так, чтобы не было нарушено соотношение питательных элементов: белков, жиров и сахара.

Не было, конечно, недостатка и в «примусовых» аппаратах. Что касается оружия, то имелось несколько добрых винчестеров с разрывными пулями на случай встреч с белыми медведями или оленями в прибрежных горах. Было еще два ружья крупного калибра, которые стреляли, в сущности, миниатюрными гранатами. Для меня сначала было непонятно, для чего собственно взял Снеedorф эти чудовища. Потом я узнал, что они были предназначены для моржей — громадных и крепких животных.

Хронометры, компасы, секстанты с искусственным горизонтом, анероиды, гипсометры, барометры, спиртовые термометры, подзорные трубы, фотографические аппараты с запасом пленок — также не были забыты.

Имелась целая коллекция наиболее важных инструментов для исправления машины и саней, топоры, ножи, лопаты; запасы спирта в жестяной посуде уложены были так искусно, что, составляя большую часть багажа, мешали менее всего. Снаряжение дополнялось целесообразно составленной походной аптечкой и каучуковым складным челоном. Шестнадцать пар норвежских дубовых лыж и три пары лыж канадских с соответствующим числом бамбуковых шестов давали нам возможность легко двигаться по снежной равнине.

Последние приготовления были окончены.

Трещины, как и повсюду на краях ледников, тянулись в разных направлениях; иногда они перекрещивались, но Эква отыскал удобную дорогу по твердым террасам ледяного поля. Снег был твердый, мерзлый, а в некоторых местах сильным ветром был обнажен лед.

Весь экипаж с «Gorm den Gamle» явился распротираться с нами. Мы устроили под открытым небом маленький банкет. Фелисьен превзошел самого себя в блестящих оригинальных тостах. А потом мы пристегнули лыжи и ждали сигнала к отъезду. В начале пути каждому было стыдно воспользоваться саними.

По знаку Снеедорфа на небольшом шесте появился датский флаг, который мы приветствовали троекратным «ура» и сниманием шапок. Между тем, автомобиль начал уже свое завывание. Вслед за тем взвился штандарт с гербом Гренландии: с поднявшимся на дыбы белым медведем на голубом поле. В этот момент внизу, в фиорде, послышались гулкие выстрелы, с громовым треском отразившиеся от скал. То был салют с «Gorm den Gamle». Нильс Киркегор начал быстро моргать, хотя на лице его была все та же тихая улыбка. Он явился в полном блеске и исполненный энергии. Но видно было, как его серые глаза начинают покрываться предательскою влагой.

— Да будет вам удача на ваших путях! — спокойно сказал Снеедорф.

— И будьте счастливы! — стискивая поданную руку, ответил милый капитан.

С искренней трогательностью мы расстались.

«Gorm den Gamle» должен был простоять в фиорде еще неделю на случай, если бы нам пришлось вернуться, благодаря непредвиденным затруднениям, в самом начале пути.

Автомобиль «переводил дух». Его мотор ровно и правильно работал. Петер Гальберг уверенно стоял в закрытом стеклом помещении, держа руки на рулевом колесе. По данному знаку винты начали свое вращение, и машина не спеша двинулась вперед. Веревка от саней натянулась. Гуски залаял, весело прыгая около машины.

Люди, стоявшие на месте бывшего лагеря, кричали и махали на прощание. Их крики затихали, фигуры уменьшались. Машина шла вперед и удалялась, взбираясь на ледяной вал, и вдруг исчезли из наших глаз и фиорд, и люди, собравшиеся на вершине ледника.

VIII.

Выглядели мы все поистине удивительно. Если в таком виде Фелисьен появился бы на бульваре, я думаю, что парижские обыватели приняли бы его за фантастического шофера, который не сумел как следует одеться. Башлык из прорезиненной материи, фуражка с наушниками и куртка из волчьего меха, наружу шерстью, громаднейшие перчатки, обшитые кожей, штаны из оленьей шкуры и, в добавление к этому, защитные очки.

Он, Стеффенс и Эква в своем эскимосском уборе составляли мохнатую троицу, которая, неожиданно появившись, могла бы наполнить страхом самые отважные сердца.

Особенно дико выглядел Сив. Запратав свою черную голову и все тело в белый косматый медвежий мех и скрыв свои коварно-непокойные глаза за стеклами очков, он был похож на странного зловещего зверя, с изумительной быстрой и проворством нырявшего среди сугробов снега.

Я предпочел шерстяную одежду, и мне никогда не приходилось раскаиваться в этом. Плотная нижняя исландская куртка превосходно служила во всякую погоду. Но я запасся еще и другой переменной из непромокаемой, легкой, превосходно-прорезиненной материи, удобной на случай выюги. Шутить было нечего. Надо было готовиться к холоду, необычайно суровому, страшному холоду высокого материка.

У всех нас обувь, изготовленная в Копенгагене, состояла из своеобразной комбинации снеговых гамашей с эскимос-

скими «каммикерами». Она тепла, удобна, и к ней легко пристегиваются лыжи. Снеговые очки, которыми пользуемся мы все без исключения, предохраняют нас от потери зрения вследствие снежного блеска. В солнечные дни они будут нам, безусловно, необходимы. Приготовлены они из темно-серого стекла и снабжены по сторонам тонкой проволочной сеткой как предохранительным средством против проникания сильного отраженного света.

Эква носит туземный сорт очков, — очков, изготовленных из черного дерева и снабженных узкой горизонтальной щелью. Так как во время бега на лыжах это приспособление мешало ему смотреть на землю, мы усовершенствовали его очки, снабдив их другой, перпендикулярной щелью, пересекающей первую под прямым углом.

У каждого из нас был мешок за спиной.

Мы двигались вперед медленно и осмотрительно, так как глетчеры и при настоящих, вполне благоприятных условиях небезопасны. Мы поднимались с террасы на террасу вверх по склонам, ложбинам, через холмы, бугры и отвердевшие сугробы.

С некоторых пунктов опять можно было видеть пояс черных береговых скал, отдаленное море, фиорд, а в подзорную трубку мы различали и небольшие движущиеся точки на поверхности крайнего глетчера — друзей, недавно оставленных нами.

Тусклый, слабый свет освещает ледяную пустыню. Приближается время долгого дня, и солнце, едва на минуту скрывшись за горизонт, снова поднимается на востоке, пробегая полный круговой путь.

Мы миновали несколько громадных трещин и заглянули в одну из них. Блестящие ледяные стены трещины терялись в черно-синей глубине. Трещина была шириной почти в 20 метров. Мы находимся на высоте 3.500 футов. Автомобиль работает безукоризненно. Винты кружатся и блестят при тусклом свете, как свивающиеся змеи. Бесконечная борозда в снегу и льду за нами отмечает наш путь.

Через пять часов непрерывного движения машина остановилась. Последние голубоватые отблески на западе исчезли.

Снеedorф и Надежда вышли. Надежда была так мила в своей кожаной с башлыком шапочке, в облегающей ее шубке, в теплых спортивных шароварах и короткой шотландской юбке. Мы начинаем разговор. Снова поздравляем Петера Гальберга. Потом мы ставим палатки. Спальные мешки уже готовы. Снег начинает таять в кипяtilьных приборах. Лагерь разбит. Воткнуты в снег лыжи и шесты. Фелисьен прибыл в довольно скверном настроении. В громаднейших перчатках, которые могли бы возбудить страх и ужас в городе, он гневно стискивает ружье.

— Что за земля здесь? Отвратительный край! Ни одного белого медведя! Ни одного песка, ни одного оленя! Нет даже несчастной белой куропатки!..

Действительно, широкая равнина, лежащая вокруг, пуста и мертва в морозном воздухе. Тихо, абсолютно тихо. Нигде ни живой твари, ни былинки. Это поистине ледяная пустыня.

IX.

Странное чувство охватывает нас, когда мы, незначительная группка смельчаков, проникаем в эту глухую, мрачную пустыню. Пустыня смыкается за нами и охватывает нас с каждым часом все больше и больше.

Лед теперь перед нами, как бесконечная, неизмеримая белая равнина, чуть заметно повышающаяся к востоку, — равнина под куполом светло-голубого неба. Куда приведет нас она, если мы будем постоянно подниматься?

Утром, когда край затянут мглой, приходится руководствоваться компасом на каждом шагу. Машина идет впе-

ред медленно, хотя область трещин и неровностей осталась далеко-далеко за нами.

Регулярно в полдень Петер Гальберг производит измерение широты и долготы. Сегодня барометр показывает высоту 6.500 футов, а одометр, — что машина прошла 60 кил. Научные исследования делаются, конечно, правильно и заботливо.

Сегодня отмечаю случайность, ясно иллюстрирующую, как неожиданны и коварны бывают опасности пустыни, и как малейший недосмотр может повести к катастрофе.

Юго-восточный горизонт был затянут. Я стоял на лыжах на широкой равнине. Я забежал далеко вперед, и машина представлялась мне, как неопределенное темное пятно на фоне белой поверхности края.

Я один среди бесконечной тишины. Эта тишина говорит, сказал бы я. Слышен шум собственной крови, пробегающей по жилам. Охватывает бешеное желание лететь на лыжах вперед, все вперед, дальше и дальше, без конца, без границы, только бы избежать чувства какой-то особенной угнетенности.

Вдруг я заметил, что на меня несется снежная буря. Мысль о грозящей гибели пролетела через мозг. Не теряя ни секунды, я понесся к автомобилю. Но было уже поздно. Бешеный юго-западный ветер налетел, как бес. Я едва улучил минуту накинуть на голову башлык. В одно мгновение весь край исчез. Вихрь выл и гудел. Потемнело. Я остановился. Снежная буря необузданно гналась по наклонной плоскости к морскому берегу. Она громоздила перед собой целые волны сухого и мелкого, как пыль, снега и кружила его. Пыль эта проникала повсюду, щипала, резала, замораживала тело. Она пробиралась и сквозь закрытые ресницы.

Буря стихала, умолкала и вдруг снова завывала еще сильнее. Я сделал два-три неуверенных шага, сопротивляясь свирепому ветру всем весом своего тела. Куда двигаться?

Я знал, к несчастью, слишком хорошо, что такие бури длятся часто и по несколько дней. Но в таком случае, — в

таком случае ясно, — я погиб. Дороги к машине я не найду. Ориентироваться в этой ужасной метели невозможно. Ни у кого также не хватит отваги искать меня.

Я почувствовал, как мои виски словно чем-то сдавило. У меня захватило дыхание, а потом сердце начало сильно стучать.

Словно насмехаясь над моей беспомощностью, буря завывала, и облака мелких ледяных кристаллов со свистом полетели мне в лицо. Я двигался, как пьяный, и лишь усилием воли победил первое замешательство. Пытаясь определить место, где находился автомобиль, я несколько времени растерянно крутился. Потом начал двигаться вперед в том направлении, которое казалось мне приблизительно самым верным.

Как мало имел я надежды!.. Через сотню шагов я убедился, что моя попытка безрассудна. Я был оглушен и утомлен. Голова у меня кружилась. А буря не переставала.

Я начал кричать. Вихрем вырывало каждый звук еще у самого рта и уносило в бушующую тьму. Час проходил за часом. Под постоянными ударами ледяного ветра я чувствовал, как мои члены стынут.

С большим усилием я успокоил снегом жажду и поплелся наугад в обратном направлении. Я боялся сесть. Не значило ли бы это замерзнуть?

У меня не было с собой огнестрельного оружия, чтобы дать знать о себе. Впрочем, кто мог бы поручиться, что выстрел услышат?

Удивительное спокойствие и покорность судьбе охватили меня. Я перестал размышлять и уже не думал и о самосохранении. Вдруг я заметил, что нахожусь с подветренной стороны сугроба, и стал механически снимать лыжи.

«Э... э...» — говорю вслух, без всякого повода. Думаю, что тогда я тихонько улыбался. Чувство смертельного утомления взяло верх над другими. Не отдавая себе отчета, я воткнул лыжи в снег, выгреб яму и свернулся в ней клубком. Метель нанесла снег кругом меня и на меня. И через минуту я был покрыт им, словно скорлупой.

В этом футляре было действительно тепло, а главное — спокойно и тихо. С наслаждением слушал я, как буря с шумом носится надо мною. Я то засыпал, то вскоре снова просыпался.

Я не могу точно передать того особенного состояния, в котором я находился. Меня поражали галлюцинации и полубредовые картины. Мне казалось, что буря прошла. Влажный и благовонный воздух над большим городом полон белесоватых испарений, сливающихся с синевой неба; жаркое утреннее солнце нагрело после прошедшей бури крыши города. Черепичные крыши блестят от влаги, и трубы отбрасывают резкие тени. Далеко за рекой, среди золотистых испарений, вздымаются бесчисленные башни, — так это, действительно, мой милый, милый город! Мне так свободно. Но картина постепенно исчезает, расплывается в тумане, а я впадаю в оцепенение.

.....

Что-то шероховатое, теплое касается моего лица. Я с трудом возвращаюсь к жизни. Где я? Что со мной?

Слышу сверху протяжные вздохи ветра. Долго не могу разобраться в положении. Какое-то хвостатое чудище стоит надо мною и наклоняет свою морду к моему лицу. Я гляжу на него в оцепенении.

Я хочу защищаться. Но прежде, чем я был в состоянии сделать попытку двинуться своими онемелыми членами, зверь с радостным лаем бросается ко мне на грудь.

О радость, да ведь это Гуски! Я хочу встать, — и не могу. Хочу обнять пса, — но он исчезает, издавая отрывистый лай. Так это была галлюцинация, призрак! Обман чувств, горячка... Я снова засыпаю. Метель прикрывает меня новым пластом. Я слышу, на самом деле, голоса людей? Ошибки быть не может. Лай, радостный лай. Гуски лежит у меня на груди, а чей-то взволнованный голос кричит:

— Здесь он, здесь! Скорей, скорей!

Мне кажется, что этот голос дрожит, и я вижу лохматую фигуру Фелисьена, с головы до ног покрытого снегом, на краю снежной ямы, в которой свернулся я. Он старается поднять мне голову. Маленький Эква бродит, утопая в сугробе возле него. Они относят меня, бессильного и спокойного. Тут я различаю, во время перерывов бури, сильное гудение автомобиля.

Через несколько времени я лежу под палаткой. Меня оттирают снегом и разминают. Кто-то вливает мне в рот что-то теплое, подкрепляющее силы. Я жадно глотаю и чувствую, как новая жизнь начинает быстро пробегать по моим жилам. Смутно различаю лицо Надежды, очень бледное, с выражением тяжелой заботы. Я пытаюсь улыбнуться, но впадаю в сон.

.....

Проснулся в теплом купе. Мы стоим. Через оконце ничего не видно. Покрывает его иней и слой снега. Я чувствую новые удары вихря, которые потрясают автомобиль. Так буря еще не прошла? Надежда сидит у моего ложа, как сестра милосердия. Ее тонкий профиль — это первое, что я замечаю. Видя, что я проснулся, лицо ее озаряется искренней радостью. Я чувствую себя крепким и здоровым, никакой боли.

— Благодарю вас, Надежда, вы лучшая девушка в мире.

Она задумчиво и серьезно улыбается, словно терпеливо слушает речь ребенка.

— Я был страшно неосторожен. Страшно глуп! Не будь вашей собаки...

— О, Гуски молодец, — ответила она. — Мы уже были убеждены, что вас больше не увидим. Отказались и от надежды.. А как убивался Фелисьен!

— Фелисьен... он хороший мальчик!..

Надежда поправила подушки у меня под головой. Э, да тут Гуски! Он сидит у постели с приподнятыми ушами; гла-

за у него так и играют от удовольствия. Я глажу славное животное, которое чувствует от этого бесконечную радость.

— Долго ли я был там? — робко спрашиваю я, обращаясь к замерзшему оконцу.

— Двое суток...

— Двое суток? И это возможно? Как же можно выдержать и не замерзнуть?

— Вы лежали, словно в снеговом футляре, где держалось немного вашего тепла. Настоящая, естественная снеговая хата! Когда буря спала, собака отыскала вас чутьем, разрыла снег и привела помощь. А знаете, где вас нашли?

— Ну?

— Меньше шестидесяти шагов к западу от машины.

— Так! Это называется погибнуть на пороге дома.

Мы замолчали.

Х.

Только на третий день к вечеру буря совсем успокоилась. Ветер выровнял поверхность снега, как эмаль. Вокруг автомобиля образовался громадный сугроб. Потребовалось несколько часов упорной работы лопатами, чтобы освободить засыпанную машину. А потом мы немедленно вновь отправились в путь.

Равнина все время повышается. Мы еще не достигли вершины плато. Ледяной панцирь, покрывающий Гренландию, представляется ученым в виде половины лежащего конуса, верхушкой обращенного на юг. Наибольшая высота этого панциря еще не известна. Достигнутая Нансеном высшая точка лежала в 2.718 метрах над уровнем моря. Очевидно, на севере ледяной слой поднимается гораздо выше. Некоторые говорят и о 4.000 метрах. На этом основании толщина ледяной коры достигает местами до

2.000 метров и давит на поверхность почвы с ужасной силой в 160 атмосфер. И если эта масса льда, благодаря своему весу, начинает двигаться по склону, — какая получается при этом сила давления; вот почему своей тысячелетней постоянной работой льды вырывают глубокие долины.

Мы находимся уже на высоте облаков. Барометр показывает 7.500 футов. Никогда я не забуду этой части пути.

Из далеких таинственных областей Гренландии, с северо-востока, вдруг появляются седые угрюмые облака. Слово чудовища, несутся они низко над самой ледяной равниной и моментально окутывают нас густой холодной мглой.

На минуту немного проясняется, но уже новые массы облаков движутся по белой равнине, чтобы снова окружить нас. И когда эти тучи уходят, вся машина, сани, люди и собаки — все покрыто слоем тонких нежных кристаллов. Есть в этом что-то такое, что наводит уныние.

Мы движемся в недра неведомой пустыни, от которой веет ужасом. Когда тучи уходят и печальное солнце начинает тускло освещать этот оцепенелый край смерти, нас охватывает какая-то тоска. Никто уже не говорит громким голосом. Через голубое или серое стекло наших очков этот край кажется краем другой планеты.

Слышно, как правильно дышит машина. Мерзлый снег скрипит и хрустит. Даже Фелисьен не решается произносить свои ядовитые замечания. Он сидит в санях, высоко на багаже, молчит, и во время остановок можно слышать, как он попеременно то зевает, то вздыхает. Снеedorф задумчив. О чем думает он? И Сив беспокойно ворчит.

По временам, когда небо ясно и печально, поднимается сильный ветер. В одно мгновение сыпучая, сухая снежная пыль начинает двигаться по всей шири равнины. Высоко белым пламенем взвивается она к небесам и мчится вперед, ложится и снова срывается с места. Бывает здесь и полярный самум. Его воздушные вихри образуют снежные столбы, которые, кружась, медленно двигаются по снеговой равнине.

Какой-то путешественник назвал центральную часть Гренландии ледяной Сахарой. Нельзя придумать более правильного определения.

Снежная пыль становится все более ужасной. Она проникает всюду, в самые малейшие отверстия, в поры кожи и причиняет настоящую пытку. Безветрие приносит нам полное облегчение.

Сегодня мотор вдруг остановился. Оказалось, у нашей «барышни», как выражаются профессионалы-автомобилисты, в первый раз случилась какая-то порча в карбюраторе.

Вскоре мы снова пускаемся в путь. Медленно, но неуклонно наши разговоры приобретают безнадежную мистическую окраску. В этой бесконечной, нигде не меняющейся, мертвой и грозной, беспощадно уничтожающей всякую жизнь пустыне мы должны найти живым Алексея Платоновича.

Где же следы какого бы то ни было свободного ото льда оазиса? Их нет. Напрасно Снеedorф смотрит в подозрную трубу. Он откладывает ее каждый раз усталым движением, полным разочарования.

Солнце начинает выбираться из туманов. Мы останавливаемся. Солнечный свет становится сильнее, и отблеск от снеговой равнины невыносим.

Утро. Вода начинает бурлить в кипятильниках. Все мы одинаково чувствуем усталость и утешаемся лишь при мысли о горячем напитке.

Фелисьен насвистывает какую-то задумчивую мелодию и вдруг, осторожно опуская в чайник небольшой кубик прессованного чаю и потрясая своей хвостатой шапкой, необыкновенно меланхолическим голосом восклицает:

— Э, друзья, друзья, нет никакого оазиса. Чего ждать? Ну, пусть профессор Сомов измерял географические широты и долготы в этой пустыне. А потом он просто-напросто улетел на своей машине куда-нибудь на западный берег и оттуда прислал свои записки.

Об этом-то мы и не подумали! Вся наша так красиво построенная теория о свободном ото льда оазисе является только миражом. А между тем все данные до самой пос-

ледней минуты доказывают справедливость утверждения Фелисьена.

Я поглядел на Надежду. Как она побледнела. Ее маленькая ручка сжалась. Глаза заискрились. Но как раз в этот момент Снеedorф осторожно вынимает изо рта трубку и, спокойно глядя на француза, говорит:

— А все же мы поедем дальше.

Все та же пустыня. Мы останавливались опять на полдня для небольшой поправки в машине, часто попадали в наносы зернистого снега, через который автомобилю приходилось пробираться с таким трудом, как сквозь сыпучий песок. По временам особые белесоватые туманы закрывают горизонт, и в такие минуты случается, что мы вдруг видим высоко в воздухе громадный чудовищный автомобиль, грознодвигающийся в облаках посреди окружающего его блестящего белого круга, — громадную движущуюся тень, закрывающую половину неба в сопровождении наших во много раз увеличенных фигур. Потом это явление бледнеет, расплывается, и только его светящийся ореол остается еще несколько мгновений на небе.

Неправильное повышение температуры меня очень сильно беспокоит. Несмотря на то, что мы неуклонно поднимаемся к северу, ртутный столб в термометре поднимается вверх. В силу каких загадочных влияний происходит это? И сегодня термометр повысился. Свежевыпавший накануне снег стал влажным, налипал на лыжи и сани и приводил нас в отчаяние.

Фелисьен показывает мне барометр. Его стрелка безумно бежит по циферблату. Мы смотрим на небо. На востоке, над самым ледяным полем, оно потемнело. Мы останавливаемся, зная, что это обычный признак бури.

Машина замолчала, и давящая тишина наполнила край. Уже издали видно, как поднимается снежная пыль. Тяжелые облака грозно двинулись на плато. Наступил мрак. Нас поглотила страшная метель, смешанная на этот раз с дождем.

Я услышал гневный крик; казалось, что две фигуры начали борьбу.

Но что же это такое? Раздается треск громовых ударов! Воздух наполнен электричеством. Из металлических частей машины выскакивают беловатые огоньки. На металлических остриях наших палок светятся зеленоватые шарики.

Каждая пушинка снега — светлый атом, искра холодного огня. При соприкосновении они издают треск, как маленькая молния, и причиняют колющую боль. В общем хаосе они крутятся сверху вниз и перелетают, как искры пожара. Потом пошел град — крупный и тяжелый, светящийся град. Каждая градина — миниатюрная лейденская банка.

В крошечной тьме это поразительно красивое зрелище. Длинные бесшумные молнии освещают тьму фиолетовым светом, а бешеная светящаяся метель с двойной силой сечет равнину. Я соскочил с саней и побежал к машине.

Двери заднего купе были открыты, и я увидел окруженную блестящим светом фигуру Надежды, которая, сложив руки, спокойно созерцала это волшебное явление природы.

Но едва я отошел, как другая фигура вынырнула из мрака. Я услышал гневный крик. Казалось, что две фигуры начали борьбу.

Кто же это такой? Я не видел никого из друзей, находившихся по другую сторону машины.

— Надежда! Надежда! — бешено крикнул я, поспешно возвращаясь назад. Одна из борющихся фигур бросилась кошачьим бегом и исчезла. — Надежда, — это был Сив?

Девушка схватилась за меня трясущейся рукой. Она тяжело дышала.

— Этот негодяй... Он осмелился... осмелился обнять меня...

В эту минуту вдруг прояснилось. Электрическая буря пролетела, как молния, исчезая на юго-западе, и тусклый свет бесконечного полярного дня снова озарил край.

XI.

Теперь только я припомнил различные подробности, которым до сих пор не придавал значения: как Сив кружился поблизости от Надежды, его преувеличенную услужливость, которую девушка считала лишь за старательность хорошего слуги; бросаемые украдкой пламенные взгляды, которыми провожал фигуру молодой девушки этот человек.

Я ничего не оказал Снеedorфу о поведении его слуги. Надежда сама потребовала от меня, чтобы я не вызывал сцены. Она просила у меня защиты, и я решил, что если Сив решится приблизиться к ней, ему будет худо...

Прежде чем мы двинулись снова в поход, я отыскал Сива, отвел его в сторону и сухо сказал ему:

— Я считаю все происшедшее за припадок невменяемости. Иначе я тотчас сделал бы то, что сделаю при повторении подобного случая. — Сказав это, я подставил браунинг к его носу. — Я застрелю тебя, как бешеную собаку.

Сив втянул еще более голову, съежился и без ответа отвел свои бегающие глаза. Но когда я уходил от него и внезапно оглянулся, я испугался его взгляда. Это был взгляд смертельной ненависти ко мне. Сив — мой враг, враг на смерть.

Необходимо быть настороже. Я не боюсь этой борьбы, но хорошо знаю, что приходится считаться с противником, полным коварства. Впрочем, у меня есть союзник. Этот союзник — Гуски.

Я уже давно заметил, что собака инстинктивно ненавидит Сива. Я должен был это принять к сведению. Нескольким раз Гуски отчаянно нападал на Сива и оставлял его лишь до приказанию своей госпожи.

Сив хорошо знал, что собака перегрызла бы ему горло, если бы он позволил себе в ее присутствии коснуться Надежды. Но как раз в роковой момент собака была заперта — случайно ли? — в другом купе.

Я чувствую себя в настроении, действительно, необычном; я взволнован, и мне хочется увидеть Надежду. Она вполне уже успокоилась и приветливо улыбается мне.

Весь день небо хмуро. Петер Гальберг в полдень не мог выполнить обычных измерений. Я заметил, что милый Петер за последнее время начинает задумываться. Он совершенно сторонится общества — и возится только со своей машиной. Если его спрашивают, он отвечает уклончиво. Но все же он не может желать большего успеха, чем тот, какого достиг со своим ледяным автомобилем.

В разговоре он высказался как-то:

— Сегодня ночью снился мне мой родной город Рённ... Я видел свою старушку-мать всю в слезах. — Его глаза с тоскливой задумчивостью глядели вдаль. Может быть, это было предчувствие несчастья...

Однажды я изучал в купе карты, когда меня обеспокоил выстрел. На этих морозных высотах он разнесся с необыкновенной силой. Я выскочил поспешно вон.

Бесконечная снежная равнина утопала в кровавом свете огненно-красных туч, из которых выглядывал желтый круг солнца. В этом магическом свете я увидел косматую фигуру, исполняющую, несмотря на сильный мороз, в сугробе настоящий медвежий танец. Фигура махала ружьем. А потом послышался голос, знакомый голос Фелисьена, в бесконечных вариациях повторяющий памятные слова: «Ура! замечательный выстрел! Да здравствует Алексей Платонович! Ура!»

— Что с тобою, несчастный? — бросился я к нему с вопросом.

Фелисьен Боанэ перестал напрягать свои силы, принял позу и поглядел на меня с гордым видом.

— Что? А вот что! — выдохнув столб пара, крикнул он. — Я только что сделал первый выстрел в этой отвратительной пустыне. Что ты на это скажешь? Вон лежит! Ворон, ворона, грач, — чего хочешь! Для меня все равно. Но я думаю, что эта птица принесла нам визитную карточку Алексея Платоновича!

На снегу действительно лежал подстреленный ворон.

Фелисьен сразу стал героем дня.

Случайно он увидел низко летевшую черную птицу, которая напрасно старалась мощными ударами крыльев бороться с сильным ветром. Фелисьен бросился к саням за ружьем и выстрелом сшиб ворона на снег. Очевидно, птицу занесло ветром с северо-востока.

Не направлялась ли она с самого восточного берега? Я сомневаюсь в этом. Но это живое существо, так внезапно появившееся среди мертвой пустыни, влило в нас новые силы. Так может быть, что сказки о свободной ото льда центральной части Гренландии окажутся правдой! Надежда, так уже упавшая духом за последние печальные дни, воспрянула снова с прежней силой.

Через несколько минут палатки были разобраны. Мы вскочили в машину и с криками «ура» и маханием флагов оставили памятное становище. Много данных говорит теперь в пользу успеха экспедиции..

В течение долгих минут молчания я думал об электрической буре, которая пролетела вчера ледяным полем. Где она возникла? Я не верю, что на ледниках. Дикая фантазия рисует у меня перед глазами странные картины. Насколько превзошла их, однако, действительность!

XII.

Туман. Уже вчера вечером стоял он грозно, словно подстерегая нас, на всем восточном горизонте. Теперь он пал на нас. Плотная, ледяная, серая пелена кругом. Может быть, это облако? Этот туман прямо-таки неподвижен. Ничего, кроме серой, влажной, тяжелой пелены, и возможность видеть лишь на несколько шагов пред собою. Жуткое чувство овладевает всеми нами. Что находится впереди нас?

Что касается меня, невероятная тревога душит меня, как кошмар. В голове засело какое-то навязчивое представление, что я слечу в какую-нибудь неожиданно появившуюся пропасть.

Но это обман. Ледяное поле кругом лежит плотной массой, и кажется, что пространство его бесконечно. Снеedorf издал строгий приказ не удаляться ни на шаг от машины. Мы беспрекословно повинуемся ему, так как одна мысль заблудиться в этом хаотическом пустынном сумраке, объятom суровым молчанием, — ужасна.

Двигаемся мы невероятно медленно, с крайней осторожностью. Я советовал сделать полную остановку... но остался в меньшинстве.

Ледяная равнина склоняется в этих местах к востоку. Возможно, что это только незначительная волнистость ледяной поверхности.

Мы так утомлены и измучены мглой, что не в состоянии придавать большого значения этому явлению. Но тут есть еще кое-что другое, — термометр, который заставляет любопытство перейти в ужас. Он стоит очень низко.

— Настоящая весна!.. — провозглашает Фелисьен.

Снег в некоторых местах влажен. Является ли это тепло следствием или причиной туманов? Мы молчим. Находимся в состоянии напряженного, почти болезненного ожидания. А кругом высится непрерывная глухая стена серых паров.

В тумане как-то странно звучит взволнованный голос Гальберга. Стеффенс что-то торопливо отвечает ему. Удары мотора становятся особенно звучны и отчаянно быстры. И вдруг совершенно умолкают. Я подхожу ближе и вижу, что автомобиль стал. Впрочем, «подхожу» — выражение неподходящее. Я бреду, в полном смысле этого слова, к машине по размякшему снежному болоту и сразу вижу, что машина глубоко опустилась в него.

Вперед двигаться в этом направлении мы не можем. Необходимо назад. Вышли те, кто был внутри машины. Мы устроили наскоро совет. Попытка высвободить машину при помощи ее моторов не удалась. Винты начали двигаться в

обратном направлении, но они вращались, к сожалению, безрезультатно, чмокая в размякшей снеговой каше.

Если остаться в таком положении до того времени, когда подморозит, мы покроемся льдом и замерзнем. Я гляжу на термометр с жутким чувством.

Настала хлопотливая работа в течение нескольких часов; лопатами отбрасывали мы мокрый снег; устроили целую систему рычагов и сделали попытку поднять машину из снежного болота.

Пот лил нас ручьями, между тем как туман душил нас, как кошмар. Петер Гальберг поднял кверху особым механизмом четыре толкающих вперед винта машины. Она лежала теперь на своем червеобразном дне. Мы принесли веревки. Наступила решительная минута. Мы запряглись все без исключения: от удачи опыта зависело наше спасение.

Восемь человек и собака до колени в снежном болоте выбивались ж сил, таща автомобиль. Веревки натягивались — до того, что готовы были лопнуть. Мы налегали на ляжки, скользили, падали и опять вставали; переводили дух, тяжело дыша, почти касаясь головой ледяного поля. Сив ворчал от возбуждения, и на лбу у него наливались жилы. Слаем Гуски бросался в постромках вперед и тянул так, что бока его быстро западали.

Представьте себе такую картину: покрытая льдом машина на бесконечной пустынной равнине, кругом машины клубок съездившихся, худых, покрытых сосульками мертвых тел, которые ближайшая метель покроеет слоем снега — и вы поймете, почему мы с таким отчаянным упорством напрягали последние остатки сил.

Автомобиль закачался; рычаги затрещали. Вот, кажется, он немного тронулся с места; в самом деле, он двигается вперед медленно, страшно медленно, но непрерывно.

— Ура! — слышатся кругом голоса из тумана.

— Ура! — отвечаю я и прибавляю силы.

— Идет! идет! — кричит Петер Гальберг.

— Ну, дальше! еще немного! — вздыхает Фелисьен.

Восемь человек и собака по колени в снежном болоте выбивались из сил, таща автомобиль.

Наконец, после трехчасовой, по меньшей мере, работы, машина на свободе. Неясно рисующиеся в тумане люди отдыхают от напряжения и оттирают пот со лба.

— Проклятье! — ругается едва видимый в двух шагах в тумане Стеффенс. Он дымит из своей обкуренной трубки так, что острый запах табачного дыма раздражает меня. — Что касается меня, — ворчит он, — я думаю, что мы еще хорошо не изучили этого проклятого льда, но начинаем его постигать.

Туман стал еще гуще. Наученные опытом, мы решили разбить лагерь. Нельзя лучше провести этого скучного ожидания, как во сне. Мы утомлены более чем достаточно, и немного погодя мы находимся в палатке в своих спальнях мешках и засыпаем один за другим...

Когда мы проснулись, — картина была все та же. Я увидел пробегающие около автомобиля серые тени тумана. Было шесть часов вечера. Я разбудил Фелисьена, с которым у нас общий спальный мешок.

Мы спешим к машине. Узнаем, что мороз усиливается. Вчера морозило чуть-чуть. Снежное болото замерзло; дорога доступна, и мы можем двигаться дальше; нам необходимо использовать подходящий момент, чтобы выбраться из этих коварных мест.

Эква осмотрел поверхность ледяного поля. Отважный эскимос пустился на лыжах в глубь туманов и, руководствуясь сигналами, возвратился назад с благоприятными вестями.

Почти все эскимосы обладают удивительным инстинктом, позволяющим им ориентироваться, и быстрота, с какой они ориентируются на широких однообразных снеговых полях или на морских льдах, поразительна. С трудом удалось мне выяснить и понять, что руководятся они при этом едва заметными признаками: окраской снега или льда, видом трещин, расположением незначительных наносов, контурами однообразного горизонта или разницей в зернистости снега, — признаками, которых я, не имея опыта, никогда не замечал.

Ползем мы теперь вперед шаг за шагом; «ползти» — это самое подходящее выражение. Двигаемся ощупью в тумане, между тем мы должны оставить как можно скорее область «мокрых мест», в которой мы при ближайшей оттепели могли бы безнадежно завязнуть.

А все-таки лучше было бы выжидать, пока не исчезнут туманы. Каждые десять шагов нам приходится прибегать к помощи компаса, иначе грозит опасность двигаться в кругу. Пневматический рожок автомобиля без устали издает жалобные звуки. Мы идем группой за санями. Эква идет впереди. Проходит полчаса; еще полчаса.

Тут из неясных побуждений я разбегаюсь на лыжах, догоняю Экву и молча иду рядом с ним. Мы вдвоем образуем авангард, руководящийся звуками гудка, да правильными ударами мотора.

Я начинаю разговор. Эскимос отвечает мне односложно. Его что-то беспокоит. Он рассеян, но глаза насторожены. Я вижу, как Эква начинает палкой исследовать снег. На его обращенном ко мне маслянистом блестящем лице ясно видно выражение бесконечного ужаса. Он оборачивается назад и кричит:

— Стой там! Остановить! Оста-а-новить!

Выхватывает свисток и дает условный сигнал. Но непосредственно за этим хватает меня за рукав и тащит вперед. С внезапным страхом, против воли, я повинуюсь ему. Мы пробегаем десять, двадцать шагов, пока эскимос не останавливается с глубоким вздохом.

Тут случилось нечто ужасное. Голос гудка оборвался, как обрезанный. Я услышал заглушенный треск и шум больших предметов, падающих куда-то в пучину, все глубже и глубже, как будто бы под нами, и вдруг... стало страшно тихо. Нигде ни движения. И покров тумана одинаково спокойно лежит на ледяном поле.

Эква стоит около меня, как окаменелый. Я ясно вижу, как он побледнел. Кровь отлила от его бронзового лица. Предчувствие страшного несчастья коснулось меня своим холодным крылом.

— Что слу-чи-лось? — прошептал я.

Эква при этом вопросе пробуждается от окаменения. Не говоря ни слова, он хватает меня за руку и осторожно возвращается по своим следам назад. Два, три, четыре шага. Вдруг я инстинктивно останавливаюсь. У меня появляется ощущение пустоты предо мной. Эква ложится на брюхо и погружает палку в туман под собою. Я делаю то же самое. Дыхание у меня захватывает: впереди нас — пропасть, заполненная туманом...

XIII.

Огромная трещина. Кто может сказать, как она глубока?...

Когда мы прикладываем ухо к краю, мне кажется, что я слышу глубоко внизу едва заметный отдаленный шум. Это вода?.. Звук такой, какой слышится из больших морских раковин.

Скорее всего, это обман слуха. Если бы только знать, как широка эта пропасть, которая так неожиданно отделила нас от наших друзей. Или, может быть... Не хочется допустить мысли... На материковом льду снежные бури создают через такие трещины снежные мосты. Эти снежные арки достаточно тверды, чтобы вынести тяжесть человека или легких саней. Благодаря переменам температуры снег спайвается, крепнет и позволяет по хрупкой своей поверхности переходить пропасть... Так это и случилось?!

В тумане подошли мы по равнине к огромной трещине, которой мы при данных условиях не могли предвидеть.

Мы пришли к такому коварному снежному мосту и перешли по нему, не предполагая, что справа и слева — бездонная глубь. Автомобиль въехал за нами на этот мост, проломил его и рухнул в пучину.

Волосы у меня стали подниматься дыбом. Что же случилось? Почему так тихо? Погибли все друзья? И Надежда!..

Я упал в снег на колени и, как сумасшедший, стал кричать в молчащий туман это дорогое мне имя.

Никакого ответа не последовало.

Я почувствовал упорное, злобное стремление броситься в пустоту перед собою. Я оглянулся на Экву, и то, что я увидел, вернуло мне немного соображения: эскимос удобно сидел на снегу, отстегнув лыжи, и хладнокровно поглощал кусок пеммикана. Его безмятежность подействовала на меня, как успокаивающее лекарство. Через минуту я мог уже логически мыслить.

Прежде всего мы должны были определить, что собственно случилось, взвесить размеры несчастья.

Перед нами выбор: чтобы перебраться на другую сторону, мы должны или обойти трещину, или воспользоваться другим снежным мостом.

Обойти трещину? Но кто знает, как она длинна. А в тумане, если мы отойдем далеко, мы безусловно заблудимся, упадем в другую трещину, не найдем никогда места, где находятся наши друзья. Ничего не оставалось больше, как решиться на второе.

Когда теперь я размышляю о нашем ужасном положении, я прихожу к твердому убеждению, что без Эквы я бы погиб безусловно. Несчастье, которое так внезапно и так ужасно пришло в хаосе туманов, лишило меня энергии. А маленький эскимос, подкрепившись немного пищей, готов был приступить к делу.

Руководствуясь своим природным инстинктом, он шел до края пропасти, — шел медленно и осторожно, часто останавливаясь. Мимо двух-трех выступов, углубляющихся в туман, он прошел стороною, исследовав предварительно их палкой. Мы не сказали друг другу ни слова. Я следовал за ним, как в гипнозе. Наконец он остановился, а вслед за тем лег на брюхо, показав мне, чтобы и я сделал то же. Он начал слегка двигаться вперед.

Отстегнув свои лыжи, я с отчаянной решимостью последовал его примеру. Я знал, что мы ползем по рыхлому снеговому мосту, который раскинулся над бездной. Сердце болезненно сжималось. Каждую минуту я ждал, что поле-

чу вниз, и, сжав зубы, сдерживался от крика ужаса. Пот выступал у меня на лбу. К счастью, туманная мгла, наполнявшая трещину, позволяла только чувствовать, а не видеть темно-синюю пустоту.

Целую вечность продолжался этот путь. Секунда следовала за секундой с жестокой насмешливой медлительностью. Я осторожно полз с лыжами за плечами. Время от времени я осмотрительно поднимался на руку, чтобы поглядеть на Экву, тусклые расплывчатые очертания которого виднелись впереди.

По истечении бесконечно долгого времени я увидел, что он встал. Задерживая дыхание, я дополз до него и стоял на коленях, обессиленный, покрытый потом, но проникнутый радостным покоем: у меня был твердый лед под ногами.

Что же теперь? Мы должны предполагать, что ближайшие окрестности полны другими трещинами, целой сетью их, которой вследствие тумана мы не можем разглядеть. Эква обратился ко мне с выразительным жестом. Я понял, что он задумал, и, вынув револьвер, два раза выстрелил в воздух. Мы ждали, задерживая дыхание. Я слышал, как билось у меня сердце. Будет ли ответ?..

Но тут откуда-то послышался звук сигнального свистка, пролетевший, как стрела, сквозь туманы.

Я не сумел ориентироваться. Словно загипнотизированный внезапной волной радости, такую же сильной, каким был и мой ужас, я дал себя вести, как маленького ребенка, эскимосу, который продолжал идти с мудрой осторожностью.

Мы давали знаки друг другу звуками свистков. Мы кружились, возвращались несколько раз назад, введенные в заблуждение туманом и обманчивыми отражениями звуков, прежде чем я увидел неопределенный силуэт.

Из тумана с яростным лаем выскочила собака и от радости прыгала мне прямо в лицо. С радостью обнял бы ее. Потом вынырнул из мглы передок наших саней, и я увидел Фелисьена и Надежду. Глубокий вздох облегчения вырвался у меня из груди. Никогда я не слышал, чтобы Фелисьен говорил таким задушевым тоном. Он так горячо по-

жал мне руку, что я этого никогда не забуду. А потом необыкновенно сухим голосом, словно его это совсем не касалось, сказал:

— Ну, милый, мы все тут. Машина где-то внизу, — довольно глубоко, думаю я, и... — тут его голос осекся. — Петер, а также и Стеффенс с ней.

Только теперь я увидел Снеedorфа, опершегося на сани и погруженного в размышление, и Сива, съжившегося у его ног. Больше никого не было.

Старик очнулся от своих мыслей только тогда, когда я коснулся его плеча. Взгляд, с которым он обернулся ко мне, не был взглядом сокрушенного судьбой человека. Нет, в этом взгляде скорее была упорная отвага, стремление бороться до последнего вздоха с неприязненным роком, который восстал против достижения намеченной цели.

Несчастье произошло именно так, как я предполагал. В автомобиле был только молодой инженер с механиком, остальные шли пешком по сторонам саней. Неожиданно собака стала обнаруживать беспокойство. Она села и стала ныть, удерживая Надежду за край платья.

Но тут же увидели, как исчезает машина, поглощенная ездной. Соединительная веревка оборвалась, и двое саней остались на краю пропасти. Оставшиеся были убеждены, что мост обрушился прежде, чем мы успели перейти на другую сторону.

При первом испуге они быстро отбежали на несколько шагов назад. Потом воротились и сообща оттащили сани на безопасное расстояние. Снеedorф при этом замешательстве с энергией водворил порядок; он запретил удаляться с места.

На скорую руку разбит был лагерь. Потом, оставив Надежду под охраной Фелисьена, Снеedorф отправился с Сивом к пропасти. Они кричали. Никто не отзывался, так как мы в это время пошли отыскивать переход. Ничего не увидев, они вернулись. Судьба наша казалась им поконченной. Только через два часа слышали они наш выстрел. И теперь мы были здесь, в тумане, среди ледяной пустыни, предоставленные на волю судьбы.

Мы были уже так далеко от берега, что о возвращении нечего было и думать. Почти все наши запасы исчезли с машиной, и если бы мы перешли даже на самые скудные порции и захотели вернуться назад, то должны были бы тащить на себе сани через бесконечную пустыню. И когда я обдумал это основательно, то решил, что мы погибли. И все хорошо знали это, но молчали об этом друг перед другом, пока Надежда не высказала своих заключений.

И мы решили идти на риск.

Но прежде, чем мы будем в состоянии двинуться отсюда, когда бы то ни случилось, должен рассеяться этот страшный туман. Он запирает нас, в полном смысле слова, на одном месте. Я убежден в том, что если бы погода прояснилась, поднялось бы и наше упавшее настроение.

Но сейчас улеглись мы все оцепенелые, почти без мысли, с безразличием отупевших, приговоренных к смерти людей.

Меня охватил тяжелый сон, во время которого я два раза вскакивал с криком.

Я встал утомленный, расстроенный. Высунув голову из спального мешка и отвернув полотнище палатки, я заметил, что туман немного рассеялся. Я увидел углубление равнины, вокруг которой нависли угрюмые покровы тумана.

Равнина немного опускалась и была усеяна темными трещинами различной ширины. Эти трещины во многих местах перекрещивались, и то здесь, то там над ними висели коварные снеговые мосты. Большая, до двенадцати метров шириною, трещина разверзлась перед нами, словно раскрытая пасть какого-то прожорливого чудовища, которое поглотило двух наших друзей.

Мы подошли к ее краю. Гладкий синеватый и зеленоватый лед исчезал в черной тьме. Куски льда, брошенные в глубину, пропадали в пустоте без звука. Но мы не хотели уйти отсюда, не убедившись прежде в том, что все надежды напрасны.

Мы бросили жребий. Он пал на Фелисьена. Француз молча предоставил привязать себя к длинной горной ве-

ревке. Он зажег ацетиленовую лампу и, не говоря ни слова, подал нам руку. Потом он легко скользнул через край. Мы начали осторожно опускать его в пропасть.

Он спускался вдоль гладкой стены и, медленно вращаясь, исчезал во мраке; и только виден был еще слабый свет его фонаря. Когда же веревка кончилась, мы молча держали ее еще несколько минут со стиснутыми зубами.

По истечении условленных десяти минут, мы стали вытаскивать Фелисьена наверх. Наконец, француз появился. Он был очень бледен. Мы вопросительно смотрели на него.

— Пустота, — сказал он. — Стены и на фут не сближаются между собою. Опустившись на сорок метров, я слышал среди мертвой тишины какой-то постоянный, едва различаемый шум. Вероятно, внизу течет вода. — Фелисьен отвязал веревку. — Я полагаю, что пропасть может быть глубиною до семи тысяч футов!..

Последняя слабая искра надежды погасла. Там, глубоко-глубоко под нами, опочил славный Петер Гальберг. Он будет лежать там, зачарованный в кристальном дворце, спокойный и неприкосновенный, пока наверху здесь время будет идти равнодушным непрерывным ходом.

Никогда уже старая мать не увидит желанного лица, а его милая невеста в Рёнке поседет от ужасных воспоминаний, от которых каменеет сердце. Есть у него, у Петера Гальберга, там и товарищ, товарищ молчаливый, дивной верности, постоянный навеки: Стеффенс не оставит его в его немом ожидании! Так пусть же легко вам спится, славные, добрые друзья! А вскоре и мы будем лежать тихо на замерзшей равнине, в облаках, которые приходят из таинственных далей и уходят неизвестно куда. Тяжело разлучаться с вами, товарищи! Не хочется обращать саней передками на запад! Мысль отупела; пламень энергии чуть тлеет, готовый каждую минуту погаснуть!

Мы долго сидели на санях с опущенными головами. Я не знаю, сколько прошло часов, когда я почувствовал дуновение на своем лице. С беспокойством я оглянулся.

Холодный ветер рвал туманы и клубами гнал их мимо нас к западу. Край прояснялся. Открылось небо, тихое, блед-

но-голубое. Снег стал блестеть сильнее. Я ощутил заметное физическое облегчение при мысли, что наконец-то мы будем избавлены от душившего нас туманного покрыва.

И вдруг я услышал голос старого моряка. Голос спокойный, полный победной уверенности.

— Эге! земля на востоке! эге!

Я увидел Снеedorфа, как он, выпрямившись, с седыми, дико развевающимися по ветру волосами и бородой, вытянутой рукой показывает да восток.

Ветер очистил воздух от последних паров. Страна лежала перед нами при такой ясной атмосфере, какая только может быть в этих широтах. Бесконечная белая поверхность, пределом которой был один горизонт, какой мы ее видели, ежедневно, — исчезла.

Перед нами были горы. Впереди вздымались разбросанные, покрытые снегом зубцы их, укрепившиеся в поверхности ледяной равнины. Темные тучи висели в расщелинах, а ветер рвал эти тучи и нес их обрывки над нашими головами.

Мы смотрели, порой затаив дыхание и словно в страхе, на это мрачное, великолепное зрелище. Это был слишком внезапный выход из состояния полной безнадежности. Нас охватил восторг, детский восторг; мы кричали бессвязные слова, махали руками. Когда же я обернулся к Надежде, я увидел, что она закрыла лицо руками, а плечи ее сотрясались от рыданий.

XIV.

Что же там, за этими горами?

Возможно, что это только «нунатаки», верхушки гор, погребенных во льдах и образующих печальные оазисы в беспредельной ледяной Сахаре. Пояс их, насколько можно было видеть, тянулся к северу, а на юге загибался к восто-

ку. Никогда прежде не находили «нунатаки» в такой отдаленности от берега.

Сердце билось у нас от сумасшедшей надежды. Мы должны во что бы то ни стало взойти на эти таинственные горы и оглядеть все, что только с них можно видеть.

И, несмотря на препятствия, мы двинемся в горах!

Чтобы дойти до них, мы должны пройти ледяным склоном, изборозженным трещинами и бороздами, прорезанным тысячами морщин и гребнями, острыми как нож.

Наши сани были усовершенствованными саними старых норвежцев; они лежат на широких, похожих на лыжи, полозьях, которые имеют то преимущество, что не врезаются в снег. Это были основательные сани из ясеневоего дерева, прочные и легкие. На постройку их не было употреблено ни одного гвоздика; весь остов был перетянут крепкими струнами и кожаными ремнями, так как металлы, особенно сталь, становятся при суровой зиме на этих высоких равнинах хрупкими, как стекло.

В саних, к великому нашему несчастью, было положено мало провизии. Дюжина коробок с консервами, несколько коробок с гороховой мукой, коробка сухарей, ящик шоколада и банка варенья. Но был также ящик пеммикана, которого, в худшем случае, могло хватить на несколько недель.

Остальной багаж состоял из двух палаток, трех спальных мешков, запасной одежды, складной лодки, футляра с флагами, трех лопат, ящика с шестью ружьями, патронов, веревок, сигнальных ракет, лыж, одного топора и одной примусовой машинки с жестяной бутылкой спирта. Все остальные наши вещи — научные инструменты, все оборудование исчезло с автомобилем в пропасти.

При ликовании и возгласах Фелисьена, появились его альбом и карандаши. Этого было достаточно для того, чтобы Фелисьен глядел в будущее с настроением, полным розовых надежд.

Мы произвели потом основательный учет всего того, что было при нас и в наших сумках и карманах. Выяснилось, что мы имеем: два карманных компаса, две кирки

для колки льда, три револьвера с небольшим запасом снарядов, четверо часов, два полевых бинокля, пять охотничьих фляжек; сверх того, у нас было шесть пар лыж с шестами, пара лыж канадских, кроме перочинных ножей, зеркал, спичек и мелочей, бывших в сумках. Это было теперь все наше богатство.

Но мы не имели времени заниматься печальными размышлениями. Мы должны добраться до гор и с их вершины оглядеть широкий край на восток.

Мы приладили постромки, охотно запряглись в сани и с отвагой пустились через ближайшую трещину.

Так как ледяных трещин, через которые нам пришлось переходить, было около трех десятков, я опишу способ, как мы это делали.

Прежде всего, эскимос старательно осматривал мост и быстро перебежал по нему на лыжах на другую сторону. За собою он тащил длинную и крепкую веревку, к которой был привязан. Потом осторожно отправлялся по мосту один из нас, поддерживаемый с обеих сторон альпийской веревкой.

Когда же половина нашей компании переправлялась на другую сторону, доходила очередь до саней. Тут требовалась величайшая осмотрительность.

Поддерживаемые и спереди и сзади на веревках, одни за другими переправлялись они через опасные места.

Однажды был случай, что в момент, когда сани должны были вот-вот коснуться противоположного края пропасти, мост рухнул, и, только благодаря веревкам и хорошей укладке багажа, удалось нам перетащить упавшие сани через край льда. Оставшиеся должны были потом обойти трещину или же искать другой мост и делать попытку переправиться через него.

Утомителен был обход трещин. Часто они тянулись на несколько верст; наши силы ужасно истощались, прежде чем нам удавалось достигнуть цели.

Двигались мы вперед с отчаянной медленностью, отклоняясь то вправо, то влево; когда же начался вечер, и мы сделали остановку, мрачные горы, озаренные синева-

то-красным блеском, торчали перед нами все в том же отдалении, поднимая к красному небу свои окровавленные зубцы.

Мы поставили палатки и, пока варилась гороховая похлебка, рассуждали о завтрашнем дне с таким жаром, как будто бы и не бодрствовали двух дней подряд.

Надежда с величайшей заботливостью взялась за обязанности хозяйки. Не думая о себе, она смотрела только за тем, чтобы скорее отдохнули мы.

Теперь наша спутница должна была довольствоваться для ночлега уделенным для нее спальным мешком. Это большая разница по сравнению с теплым купе автомобиля, снабженным всем современным комфортом. Но девушка и не думала об этом. Не говоря лишнего слова, отправилась она на покой.

Утром мы увидели, что погода изменилась. Дул непрерывный ветер. Он был похож на те фёны, которые дуют зимой в некоторых местах южной Гренландии. Он был немного влажен. Снег сделался мокрым и еще более затруднил нам путь. Мы должны были напрягать все силы, чтобы двигать сани.

Удивительная прозрачность воздуха создала жестокий оптический обман. Мы видели все подробности гор: их наполненные снегом овраги, борозды и зубцы и каждую грань их темно-серых и черных боков. Они казались нам так же близки, как и вчера, и, вместе с тем, так же недостижимы. Это был тяжелый экзамен нашему терпению.

Наконец, еще через несколько километров я уже не мог дольше бороться с своим томлением. Немного отдохнув, я устремился на лыжах вперед.

Ледяная равнина делала здесь выгиб кверху, к подножию гор. Под лучами солнца верхний слой снега таял, и небольшие ручейки стекали в трещины. Местами был виден лед очень пористый, покрытый теми криолитовыми отверстиями, про которые так много говорит путешественник Норденшельд.

Высоко надо мною поднимались к облакам темные массы скал. При поверхностном определении их вершины мог-

ли быть на семьсот или восемьсот футов выше ледяной равнины. На севере, казалось, этот сплошной ряд «нуна-таков» достигает еще большей высоты.

Я заметил там пик, острый как зуб, темный, поразительно похожий на Матергорн. Угрюмо торчал он в холодной вышине, окруженный в середине, как дымом, быстро бегущими облаками.

Я отстегнул лыжи, перескакивая через неровности льда, подбежал к скале и коснулся рукой холодного черного гранита.

Сильное чувство восторга охватило меня при прикосновении к камню, и мой взгляд о удовольствии и облегчением любовался его темным цветом после стольких дней ослепительного снежного блеска.

Надо мною висели каменные, растрескавшиеся от суровых морозов стены, и камни в тысячи тонн весом лежали внизу на льду, наполовину вмерзнув в него.

Мы оставили Сива с собакой для охраны багажа у подножья скал, а сами начали взбираться обрывистым ущельем вверх.

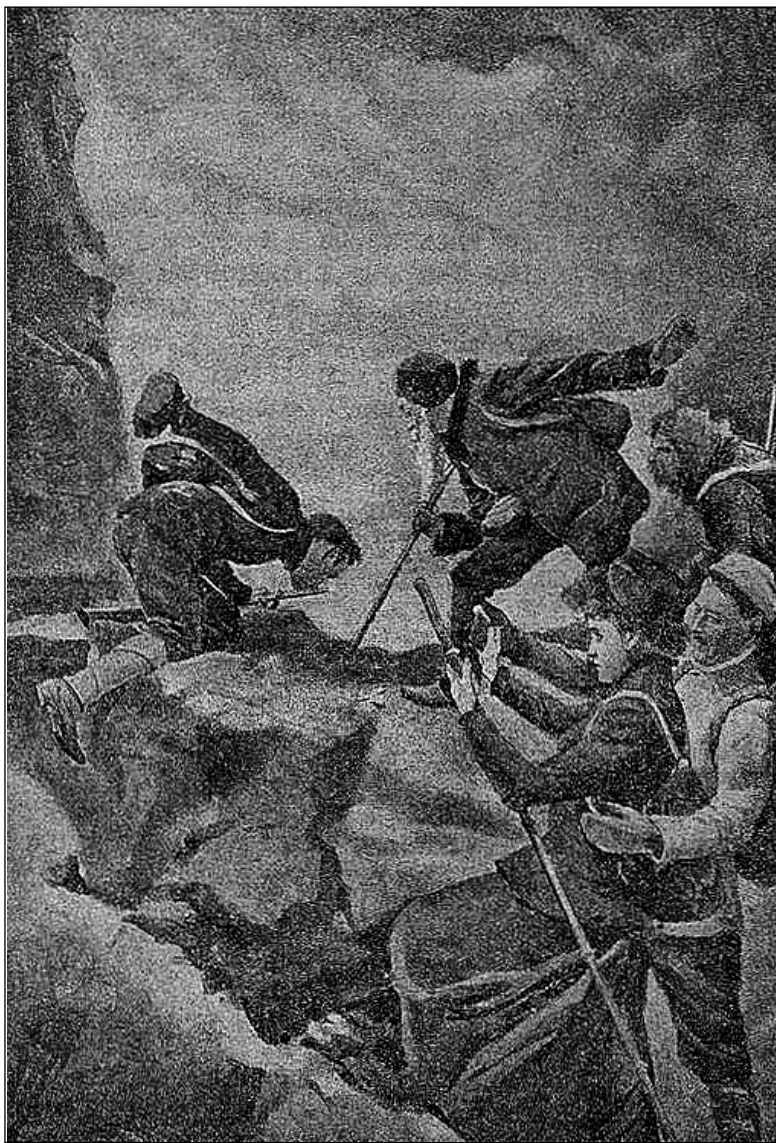
Это был тяжелый подъем. В ущелье лежал сыпучий снег, и мы погружались в него по пояс. Для большей безопасности мы были соединены друг с другом веревкой. С успехом воспользовались мы и крепкими, окованными на концах, лыжными шестами.

Вскоре нам пришлось подниматься по очень крутому горному склону почти на сто шестьдесят метров над лагерьем.

Много раз мы приходили в отчаяние, думая, что не найдем дальнейшей дороги, и, тем не менее, нам удавалось продвигаться вперед. Лед нависал над нашими головами. Сваливались снежные комья. Камни срывались и падали с грохотом в глубину.

Через три часа тяжелых усилий мы наткнулись на небольшой ледник, высеки во льду тропинку и осторожно миновали и это препятствие.

Тотчас после этого мы очутились в настоящем лабиринте каменных стен, камней и утесов. Это была верхушка

Мы нагнулись над краем огромной пропасти.

платформы, увенчанная скалистыми, абсолютно недоступными острями. Потом мы перебирались через груды камней, нагроможденных здесь от первобытных времен.

Когда же, утомившись, мы остановились, чтобы собраться с духом, небольшая птичка вылетела из какой-то расщелины и, чирикавая, уселась недалеко от нас на камне.

Это был снежный подорожник, неустрашимый маленький певец дикого севера. Вид его подействовал на нас, как нежный привет кого-то, особенно любимого нами. Милая птичка поглядывала на нас черными глазками и улетала, когда я стал приближаться к ней.

Уже два раза замечал я в расселинах лишайники и с трепетом думал об этом чуде...

Выше и выше! Еще несколько метров. Сделав последнее усилие, я вскочил на каменистую плоскость и втащил за собою Надежду.

Мы нагнулись над краем огромной пропасти и увидели море седых туч, свивающихся клубом и перекатывающих паров, которые поднимались вверх и через ущелья хребта уносились, захваченные ветром, в ледяную пустыню.

То там, то здесь зеленоватый ледник спускался в глубину, и снежное поле светилось сквозь туманы.

Мы стояли на краю какого-то гигантского скалистого стола, нависшего над бездной. Холодный ветер свистел вокруг нас, выл и гудел в каменных ущельях за нами. Тучи кружились, волновались, опускались и грудились одна на другую. И вдруг, как бы по приказанию жезла чародея, облака под нами разорвались. Тогда кто-то из нас сказал тихим голосом, полным сомнения и робкого вопроса:

— Лес?!

— Лес!!..

Глубоко-глубоко под нами ежился по склону гор угрюмый хвойный лес. От него поднимались туманы и ползли вверх по альпийским лугам, по ледникам, которые почти касались крайних деревьев.

Лишь на мгновение мы увидели эту чудную картину. Потом тучи сдвинулись, и под нами был только седой хаос,

какой-то огромный котел, наполненный кипящими парами.

XV.

Словно во сне вспоминаются мне следующие вслед за этим события: наш обратный путь — головоломная переправа саней и багажа через стену скал к склону горы. Наконец-то здесь было нечто определенное.

Предположение Норденшельда о существовании свободных ото льда оазисов среди материковых ледников Гренландии оказалось верным, хотя этот знаменитый исследователь и не добился подтверждения своих предположений.

Очевидно, что два его лапландца — Андерс и Ларе, высланные им как разведчики далеко вперед, не достигли этого места. Даже и Нансен не видел ничего, кроме страшной ледяной пустыни. Ведь эта огромная котловина, окруженная гренландскими Альпами, лежала далеко на север от изыскательных путей этих путешественников.

Вдобавок, достаточно отклониться на несколько километров в сторону, чтобы путешественник прошел мимо и ничего не заметил, если против него составили заговор туманы и метели.

Несомненно, что ученые откроют тайну происхождения этой земли: создали ли ее теплые атмосферные оазисы или, скорее, высокие горные щиты севера, которые отклоняли полярные ветры от их пути; было ли тут причиной меньшее количество осадков или же низменное положение центральной равнины этой чудесной земли, и т. п.

Бесспорно, что эта земля была здесь, под нами, закутанная до сих пор облаками, как великая полярная тайна. Она скрывала от нас свою загадку и загадку судьбы Алексея Платоновича. Отсюда посылал он свои таинственные вес-

ти. Жив ли он еще? Какое значение имеют его загадочные слова? И каким путем коробка с запиской могла попасть отсюда в море?

Эти вопросы оставались пока без ответа.

Теперь мы пленники этого оазиса, запертые в нем, как в самой крепкой тюрьме, отделенные бесконечной ледяной пустыней, которая окружает нас со всех сторон.

Кажется, что Снеedorф со всей своей энергией обдумывает, как бы овладеть положением. У нас было долгое и, к удивлению, спокойное совещание. Кажется, наше дело выиграно.

По крайней мере, мы не замерзнем жалким образом во льду и в снегах. Снеedorф основательно изложил все выгоды и невыгоды нашего положения. Он предложил прежде всего осмотреть незнакомую землю. Добраться до указанной Алексеем Платоновичем точки стало неосуществимой задачей, вследствие утраты секстантов и остальных измерительных приборов.

И вот мы спускаемся. После сотни неудачных попыток мы нашли, наконец, дорогу. Мы пользуемся для этого веревочной лестницей. Это хорошая веревка из манильской конопли.

По гладкому боку влажной скалы, около которой спадает под острым углом книзу морщинистый глетчер, спускаемся мы пядь за пядью.

Отдельные предметы багажа мы вынуждены спускать один за другим, что требует бесконечного терпения и усилий. Во многих местах спускаемся мы по одному по веревочной лестнице вдоль отвесной стены, часто на глубину до 155 метров.

Но наше горное снаряжение крайне недостаточно. Не хватает у нас «железа» на обуви. Очень сильно чувствуется недостаток в хороших кирках для льда. Все эти превосходные вещи поглотила трещина.

Временами отрывается выветрившийся камень и скачками исчезает в глубине с треском и с шумом. За ним катится поток мелкого щебня.

Когда мы спускались по отвесной расщелине скалы, из узкого каменистого прохода вылетели большие белые птицы и исчезли тихим бесшумным налетом. Если не ошибаюсь, это были снежные совы.

Мы уже глубоко «под уровнем» внешнего ледникового поля. Неужели земля там, под нами, представляет из себя низменность одной высоты с уровнем гренландского материка?

И пока мы, обливаясь потом, спускаемся, ползем и проделываем в течение одного часа сотни головоломных движений, тучи редуют, и уже на большем пространстве можно видеть скалистые щиты гор высоко над ними. Мы отдыхаем на каменном выступе, измученные невольной акробатикой.

Я люблю, как с острого утеса осторожно спускаются одни из наших саней. Они качаются на тонкой веревке, как чудовищный паук, лениво опускающийся на своей паутине.

Я так занят этим наблюдением, что невольно вздрагиваю, когда женская рука ложится на мое плечо и голос Надежды шепчет:

— Взгляните, дорогой друг, какая печальная красота! Ведь это — земля норвежских сказок!

Я быстро оглянулся, но тотчас подался назад, так как почувствовал головокружение. Я оперся о скалу. Тучи исчезли, и, куда только хватал взор, я видел перед собою обширную страну, словно рельефную карту.

Глубоко под нами темные леса покрывали подножия гранитных гор. Дальше и дальше к горизонту страна была покрыта холмами, долинами, оврагами, вся одета косматым плащом лесов, пока не пропадала в неопределенном седом тумане, скрывавшем эту мистерию севера.

С левой стороны, к северо-западу, горная область была пересечена глубоким проходом. И внешнее ледяное поле проникло в него, заполнив его до краев гигантским ледником, спускавшимся до самой подошвы гор.

Могучие темные морены окаймляли бока ледника, и он раскинулся веером, белый, с синеватым оттенком. И из его отвесной передней стены вытекала река.

Она несла свои грязные воды по каменному руслу к низине. Кипела, шумела и пенилась так, что глухой шум ее, когда, во время мертвой тишины, вдруг проносился порыв ветра, доходил и до нас.

У подножья всего венца пограничных гор, стоящих по краю снеговых полей, блестели небольшие озерца зеленой ледниковой воды. Всюду, как серебряные нити, струились водопады.

Итак, перед нами лежала таинственная Arktogaea — мистическая страна, существование которой столько ученых старались доказать и еще больше — отрицать.

Перед нами лежала заколдованная земля в оцепенелой ледяной пустыне Гренландии, там, где ее мыслили лишь самые смелые научные гипотезы.

Печальное солнце, стоя низко на южном горизонте, окруженное двойным венцом отблесков, словно мутное утомленное око, глядело на страну, раскинувшуюся под нами. Мы почувствовали печаль и неопределенную тоску.

Через восемь часов после этого, когда мы проделали опасный путь по грудам обломков, по лабиринтам камней, ощутили мы влажный ветер, насыщенный особым пряным запахом можжевельника.

Через старые выветрившиеся морены, по камням несмело проникала сюда растительность.

Уже на краю снеговых полей заметил я маленькие храбрые цветочки, которые высывали свои головки прямо из-под снега. Теперь появились здесь уже единичные небольшие оазисы мхов, травянистых стеблей, кустарников. Камни оделись плащом лишайников.

Вскоре оазисы эти стали приобретать большие размеры, соединяясь в целые цепи. И, наконец, перед нами лежала местность, вся покрытая моховым ковром. Представьте себе наш восторг и чувства, пробудившиеся в нас, когда после стольких дней окружавшей нас удручающей снеговой пустыни мы почувствовали под ногами мягкий мох.

Наконец-то могли мы совсем спрятать наши снеговые очки. Жадно вдыхали мы запах земли.

Известный сорт гренландского можжевельника, издающий опьяняющий острый запах хвойных деревьев, доставляет нам моменты настоящего наслаждения.

Сотни альпийских цветов вокруг нас поднимают свои пестрые чашечки, лапландские рододендроны, великолепный капфрский чай, пурпурная вшивица, ложечная трава, камнеломка, красные анемоны, золотые лютики!..

Больше того! То там, то здесь сначала островками, потом сплошными коврами или кустиками брусника и черники, обсыпанная крупными ягодами черно-синей с нежным белым валетом черники. Мы набросились на нее с жадностью.

Хотя температура не превышала 12°; однако нам казалось необыкновенно жарко. Тяжелое меховое платье должно было переселиться в багаж, на сани.

Как теперь свободно дышалось! А кругом нас жизнь была ключом! В воздухе жужжали мухи и комары. Эти маленькие бестии обрушились на нас с жестокой кровожадностью. Но будем ли мы теперь обращать внимание на какие-то укусы!

Два-три громадных ворона тяжело взлетели из чащи карликовых верб и полетели вниз к лесу. На берегу ручья перекрещивались бесчисленные следы зайцев. В брусничнике и карликовом кустарнике вокруг нас скрывались сотни снежных куропаток. Было слышно, как они, издавая свое кудахтанье, перебегали с места на место. Со всех сторон молодая полярная весна возвещала о себе оживленным движением.

Гуски то бросался со всего разбега в кусты и испуганный крик в поросли давал знать об улетающих птицах, то делал стойку.

Это был удобный момент достать к ужину свежего мяса. Свежее мясо!.. При этих словах слюнки текли изо рта, так как вечные консервы и сухари нам основательно приелись. Наконец Фелисен, дождавшись подходящего момента, выстрелил. Три птицы упали на землю.

Но тотчас же с правой стороны от нас поднялся шум. Моментально Фелисьен бросился на лишайник и положил ружье на левую руку.

Стадо штук в пятнадцать рогатых животных молнией вылетело из долины, где оно паслось. И когда они неслись, слышался особый трескучий звук вроде того, как проскакивают электрические искры. Этот загадочный звук в суставах производится при ходьбе только одним видом животных.

— Да ведь это олени! — крикнул я.

— Тугтут! Тугтут! — кричал наш эскимос и прыгал от восторга, так как олень — лучшая добыча всякого истинного эскимоса.

Послышался выстрел. Громадный вожак стада с густою белою гривой на шее и раскидистыми рогами сильно подскочил и упал на колени, на потом поднялся и исчез, вместе с другими, за возвышением почвы.

Фелисьен вскочил, отплюнулся, а когда повернулся в нам, то скорчил довольно кислую мину.

— Такие прелестные карибу! наикрасивейшие карибу, каких я когда-либо видел. Капитальные карибу!.. — С минуту тер себя за ухом и добавил потом с ужасным презрением: — ... И такой жалкий выстрел!

Ничего не поделаешь! На этот раз приходится отказаться от желания полакомиться свежим окороком и удовольствоваться куропатками.

— Хорошая земля, прекрасная земля! — в восторге твердил эскимос. — Олени, куропатки, олений мох. — Прекрасная земля!

Мы развели огонь, который весело трещал и дымил, оципали птиц и насадили их на можжевельные вертела. Не были они ни хорошо испечены, не были достаточно и посолены, но, даю слово, я никогда не ел такого великолепного жаркого, как в тот день. Подумайте только, как была вкусна при этом брусника и свежая холодная вода из ближайшего горного потока!

Очевидно, что от голода мы здесь не погибнем. Успокоенные и сытые, мы отправились спать на мох. И пока эс-

кимос первый стоял настороже, чтобы ничто неожиданное не нарушило нашего покоя, все мы погрузились в глубочайший сон.

XVI.

Много ли я спал? Судя из последующего, я полагаю, что сон мой длился около семи часов.

Я проснулся, когда кто-то потряс меня за плечо, и, протирая глаза, я увидел над собою лицо добряка Эквы, искаженное ужасным испугом. Остальные еще спали.

Гуски был на ногах; он стоял на склоне с горящими глазами и взъерошенной шерстью; он издавал глухое рычание и смотрел вниз по направлению к лесу.

Весь край был погружен в печальный полумрак. Тяжелые, потемневшие облака ползли низко над землею. Позади нас, над горизонтом леса, шел дождь. Угрюмая мрачная горная цепь, откуда мы пришли, исчезала, закутанная парами. Нигде ни звука. Ни одна ветка не шевелится. Куропатки и вороны исчезли. Насекомые скрылись перед дождем.

— Что такое? — спросил я и потянулся за ружьем.

Эскимос, делая усилие ответить, вместо этого только показывал рукою.

— Что там? Что там творится? — настойчиво спрашивал я.

Лес имел свой обычный вид. Но прежде чем я добился ответа, послышались звуки.

С края молчащих лесов несло какое-то демоническое рычание. Сначала это был какой-то хрип, клочкотание, которое вдруг изменилось в прерывистое рычанье хриплой трубы и оборвалось, как будто его обрезали. А потом снова, как позев разоспавшегося великана, храп, закончившийся ревом.

Должен признаться, что в последовавшей затем полной тишине я стоял добрых две минуты, совершенно подавленный странным чувством жути.

Я смотрел с тем же ужасом, как и эскимос, на косматый хвойный лес. Мне казалось, что между старыми деревьями происходит какое-то движение.

Верхушка одного из них на мгновение судорожно затряслась, хотя было полное затишье и остальной лее стоял не шелохнувшись. Что-то живое, неизвестное двигалось под ветвями.

Я стоял, наклонившись над обрывом, ожидая, что выйдет из-под крайних деревьев какое-нибудь существо, которое поразит меня ужасом. Но никакого движения, никакого рычания не слышалось больше, и лес был так же утрюм, как и прежде. И хотя я старательно рассматривал в бинокль, — я ровно ничего не видел. Гуски успокоился. Он начал скакать кругом меня, глядя на меня своими голубыми глазами и махая косматым хвостом.

Эскимос уселся на мох и тревожно смотрел вниз. Ему еще не верилось, что все обойдется благополучно. И мне, признаться, также.

Я уже больше не засыпал.

Новые и новые мысли приходили мне в голову. Я думал о тайнах этой новой земли, так ревностно охраняемой вековыми льдами. О человеческих существах, которые, может быть, в ней обитают. О случайностях или неприятностях, которые нас ждут.

Через полчаса настало утро. Мои друзья встали, набравшись сил и в добром расположении духа. Appetita у них решительно не убыло. Были вновь испечены куропатки и снова нарвана черника.

Я отошел со Снеедорфом в сторону, чтобы рассказать ему о последних событиях. Старик молча выслушал меня. Он попросил меня еще раз со всеми подробностями описать лесные звуки.

Выслушав меня со вниманием, он спросил:

— Тяжелые ружья на моржей у нас в порядке?

Действительно, они оказались в безупречном виде, ни капли не пострадав при головоломной переправе.

Снеedorф по виду был спокоен.

— Зарядите их, пожалуйста, и держите наготове!

Я обещал сделать это и сам вскоре почувствовал благотворное влияние этой предосторожности, так как ко мне вернулась прежняя вера в свои силы.

Через час после этого отправились мы к лесу.

Багаж, без которого мы могли обойтись, а именно двое саней, мы спрятали в подходящей выбоине.

Мы закрыли их непромокаемым плащом и заложили плоскими камнями. Сделали мы это в предохранение остатка наших драгоценных запасов от неприятных визитов лисиц или других четвероногих грабителей.

Мы наложили из камней целую пирамиду, а на верху ее воткнули сломанный лыжный шест с пестрым обрывком флага. Благодаря этому, депо было видно издалека.

Дорожные запасы и оружие было равномерно распределено между всеми членами нашей группы. Спинные мешки, вмещавшие массу мелочей, пришлось очень кстати.

После короткого совещания мы порешили, что предпримем поход с места нашего лагеря к центру неизвестной земли. Если найдем более подходящее место, то перенесем туда и нашу операционную базу.

Мы наметили себе течение реки, выходящей по левую сторону передней стены большого глетчера. Идя наискось, вдоль выдававшейся полосы леса, мы надеялись дойти до нее через пять часов.

Река текла прямо к северу. Возможно, что по ее течению мы скорее пройдем через лесные дебри к центру страны или же мы устроим плот и поплывем.

В верхних слоях атмосферы начиналось движение. Неподвижные облака отправились в путь. Далеко на запад между прорывами их видно было чистое небо. Фелисьен уже раньше сделал несколько удачных набросков великолепной окружающей панорамы. Он был тронут красотой открывавшихся перед нами картин и, сверх обыкновения, молчал.

Надежда безбоязненно двигалась вперед, погруженная в мечты, с ружьем в руке и с мешком за спиной. Смелость этой девушки, казалось, вливала в нас новую энергию.

Мы миновали одинокие кусты верб, ольхи и малорослых сосен, а потом, когда спустились ниже и прошли около нескольких небольших озер, увидели уже вблизи первое дерево. К удивлению, я заметил, что это сибирский кедр.

Немного дальше начинался сплошной лес. Здесь были великолепные деревья с прямыми стволами и густой и длинной хвоей, целый полк смелых и упорных, косматых великанов мрачного вида, в чаще которых был почти полный мрак.

— Тайга, — сказала полупшепотом Надежда. Это слово вызвало в моей голове представление о громадных первобытных кедровых лесах по рекам Оби и Енисею.

Сибиряк называет тайгой нетронутый лес, будь то угрюмый лес кедров или же вымороженный лес редких сосен и лиственниц на границе лесов.

В Сибири, именно сибирский кедр и образует великолепные леса в приморских областях. Это закаленное дерево выдерживает самые жестокие морозы. Кажется, что оно прямо-таки ищет сурового неба и близости ледников.

Здесь же, как мы убедились, кедр заполняет всю южную часть заколдованной земли и образует у подножья южных ледников вечно зеленый венок. И если в Сибири кедр доходит до 68° сев. шир., а леса лиственниц по Енисею даже до 70°, то эта тайга, выросшая при особо благоприятных условиях, меня не особенно удивляет.

Влияние долгой полярной ночи вознаграждается здесь непрерывным светом долгого дня. Сила солнечного освещения здесь более значительна, чем где бы то ни было. Для растений это очень важно. Свет заменяет им тепло.

Я убедился в том, что на этой земле растения весной развиваются еще под снегом, спеша, как только сойдет снег, вполне использовать короткое время тепла и света, какое предоставлено им.

С трепетным чувством вошли мы в лес. Здесь царили тишина и общий сумрак, увеличивающийся от заоблачно-

сти неба. Не шевелясь, стояли гигантские вековые лохматые кедры. Не слышно было и крика птиц.

Заплесневевшая хвоя ломалась под ногами. На сырых местах почва была покрыта густым мхом. Сваленные великаны исчезали под его покровом. Их стволы уже совсем истлели. Пни, поросшие черникой и папоротником, образовывали настоящие цветочные корзины.

То здесь, то там старые седые деревья были обвешаны лишайниками. Местами настоящее море черники и брусники образовало густую, покрытую росой поросль. Мы брели в ней почти по поясу.

И так медленно и молча продирались мы вперед. Только треск сухих ветвей, которые ломались под ногами, резко раздавался в тиши. Удивительно много было паутины. Ее белая, необыкновенно крепкая ткань тянулась от ствола к стволу. Я заметил, что соткана она была большими, серебристо-серыми пауками, лохматыми, как медведки, гнездящимися в отверстиях коры. Природа снабдила этих тварей настоящей шубой в защиту от сурового климата.

Изумительно было полное отсутствие в этом лесу муравьев. Позже я узнал, что в этой земле их нет вовсе.

Перебирая свои бедные ботанические познания, припомнил я, что сибирские кедры производят громадное количество шишек с съедобными семенами. Надежда, с которой я об этом разговаривал, назвала эта семена «кедровыми орешками»; они ароматичны и похожи по вкусу на миндаль. Ну, если дождемся того, когда эти шишки созреют, полакомимся же мы ими.

Чем дальше, тем путь наш становился труднее. Подумайте только, что при каждом третьем шаге у вас проваливается почва под ногами. Тут и прикрытый мохом истлевший пенёк, который при прикосновении обращается в труху; тут и коварные сучья, укрытые с такой изобретательностью, что при малейшей оплошности подбивают вам ноги; тут и холодные ручейки, текущие по узким ложбинам и исчезающие под корнями; тенистые водоемы — остатки высохших болот; острые камни под мхом; паутина, то и дело обвивающаяся вокруг лица.

Суровая важность старых, рослых столетних кедров в этом очаровательном уголке нас поражает. Мы оглядываемся с чувством невольного стеснения в сердце, так как эта чаща таит в себе что-то враждебное, грозящее. Мы чувствуем, что совершаем беззаконие, проникая сюда и нарушая вечную тайну.

Каждую минуту мы делаем остановки, производя контроль по компасу.

Как я помню, прошло часа три. Путь этот, в общем, очень непродолжительный, вполне истощил наши силы, так как дорога чем дальше, тем была хуже.

С нетерпением прислушивались мы, не услышим ли шума воды, — но ничего не было слышно. К одиннадцатому часу пред нашими глазами открылся странный вид.

Лес в этом месте на большом пространстве был значительно опустошен. Кустарники и брусничник были поломаны и истоптаны. Небольшие деревца были сломаны или вырваны. Ветки ближайших кедров были повреждены. Очевидно было, что какое-то значительного роста существо ломало с них молодые сочные побеги. На мху и влажной почве заметны были следы гигантских ног.

Поведение нашей собаки также обращало на себя внимание. Она возбужденно бегала вокруг, обнюхивала землю, а потом, поднявши морду кверху, начала выть, пробуждая кругом тоскливое эхо.

Я заботливо осмотрел всю местность. Остальные проявили также не меньше внимания. Но самым счастливым был Фелисьен. Немного погодя он прибежал с добычей, которую нашел на высохшей ветке кедра, на высоте двух метров над землей.

Я долго и задумчиво осматривал эту добычу. То был комок шерсти, состоявший из нескольких длинных волос, чуть-чуть волнистых и похожих на конские. Цвет их был рыжевато-бурый.

Вдруг в голове моей мелькнула догадка. Но моя мысль показалась мне столь чудовищной и смелой, что я не осмелился произнести ее вслух. Это рычание, выходившее из

лесной чащи, эти следы огромных ног, и, наконец, эта шерсть! Неужели это возможно?!..

Я поднял голову и поглядел на Снеedorфа. Взгляды наши встретились. И тут я увидел, что та же мысль появилась и у старого исследователя, мысль дикая, которую не решился высказать даже и он.

XVII.

Мы сделали короткую остановку, поели и отдохнули, потом пошли по более удобной тропинке, которая была выбита неизвестными громадными существами, населявшими эту тайгу.

Мы шли с ружьями наготове, но нигде не было и признака движения. Через час мы услышали шум воды. Деревья расступились, и мы увидели русло, полное камней и валунов, между которыми с шумом и гневом неслась грязная ледниковая вода. В этих местах через нее, по-видимому, переходили громадные животные. Следы их совершенно исчезали в воде между камнями.

Идя против течения к довольно крутому склону, мы увидели конец того гигантского ледника, откуда вытекала река.

Поражающе-удивительна была эта декорация. Гладкая голубоватая стена льда поднималась здесь отвесно до высоты, по крайней мере, 30 метров. Над землей виднелся выход из ледниковой пещеры, откуда с шумом неслась вода.

Ледник вздымался и увеличивался по направлению к горной цепи, пока не соединялся наверху, над тучами ущелья, с внешним гренландским ледяным покровом. Морены, которые образовал он, спуская в долину свои миллиарды тонн камней, выворотили леса у подножья скал. И нам ясно было видно наверху, на его хребте, несколько

огромных черных камней, которые были оторваны необузданной силой замерзшей воды от боков соседних гор...

В честь главы экспедиции мы назвали этот ледник именем Снеedorфа. А река, которая вытекала из ледника, была единогласно названа «рекой Надежды».

Куда нас поведет она? Хорошо, если она укажет нам дорогу, следуя которой мы могли бы изучить тайны оазиса и объяснить загадочную судьбу Алексея Платоновича, — тогда она вполне заслужит свое имя.

В то время, как мы отдыхали в разных местах на скалах, Сив и эскимос бродили по окрестностям.

По привычке я не спускал глаз с Сива, который теперь, будучи под строгим надзором, не решался даже глядеть на Надежду. Благодаря неясному предчувствию грозящей мне опасности от этого злого человека, я не уменьшал своей осторожности. Из-под опущенных ресниц я вдруг увидел, как на смуглом обросшем лице Сива вдруг появилось недоумение, потом радостное изумление. Он сделал движение, как будто хотел что-то поднять. Но вдруг, по-видимому, почувствовав мой взгляд, он вовремя овладел собой и стал продолжать свое безразличное шатание по берегу.

Не медля, я поднялся и поспешил к тому месту, где прежде стоял Сив. Долго и напрасно всматривался я в дикий хаос камней, пока у меня не вырвался крик изумления: передо мной наполовину в воде, наполовину на берегу лежал обломок рулевого колеса от нашего автомобиля...

Моментально я позвал других. Какая удивительная находка! Иначе и не могло быть. Вода, тая у основания материкового льда, прорыла себе дорогу, — ледяной туннель, заполненный потоком. Падение его по глубокому ущелью шло в том же направлении, в каком склонялся и ледник Снеedorфа.

Наша машина упала в трещину и, разбившись, была подхвачена на дне быстро текущей рекой Надежды, утащена и выброшена на берег этой неизвестной земли.

Где же остальные обломки? И где трупы Петера Гальберга и Стеффенса? С тяжелым чувством разошлись мы по берегам грязного потока.

Мы искали между камнями в русле, взбирались на скользкие, окруженные зеленой несущейся водой, обломки скал в пучинах, где кружилась пена, в наносах сыпучего, проваливающегося под ногами песка.

На месте, где наваленные камни образовали барьер поперек реки, я решил переправиться на другой берег.

Нигде ни обломка, ни винта. Только тот единственный кусок стали, который ничего не мог рассказать нам о ходе мрачной катастрофы, совершившейся в глубинах ледника.

Наше разочарование было ужасно. Пробужденное живое воспоминание о недавнем несчастье взволновало и омрачило нас. Я же так и не мог догадаться, почему Сиву хотелось утаить свою находку.

В моей голове рисовались картины катастрофы: как малина летит в бездонную глубь, ударяясь о стены и утесы, как она падает в подземный поток, который несется по гладкому ледяному тоннелю, и как потом она несется в бесформенном виде по этому ледяному тоннелю, увлекаемая все увеличивающейся быстротой потока. Затем становится светло, и она мчится через отверстие пещеры прямо в девственный кедровый лес. И стало ясным, что мы не можем надеяться увидеть которого-нибудь из своих друзей живым.

Возможно, конечно, что, направляясь по течению реки, мы найдем где-нибудь вдали запутавшиеся в корнях остатки до неузнаваемости обезображенных трупов.

После трехчасового отдыха, выступили мы в обратный путь по правому берегу реки Надежды, путь, который был полон невероятных приключений.

Вода часто образовывала здесь стремнины, пороги, водопады, широкими потоками устремлявшиеся между обломками скал. Вдоль русла во многих местах валялись вырванные стволы кедров, некоторые из них были покрыты еще свежим мохом; другие были выбелены водой и солнцем, как старые кости.

Тайга здесь по берегам пострадала от осенних бурь. Груды бурелома, разлагаясь, лежали в диком хаосе, а животорное весеннее солнце, словно чародей, создавало новую поросль — тысячи молодых кедров, выставлявших свои зеленые головки между телами павших великанов.

В других местах лес был не тронут. Хвостатые ветви простирались далеко над водою, а поросль тянулась до самого края подмытого берега.

Часто мы вынуждены были из-за обрывов обходить его. В печальной тишине леса слышен был заглушенный шум реки. Миновав обрывы, мы снова приближались к реке.

Являясь откуда-то с таинственного севера, благодаря влиянию неизвестных климатических условий, тепло переходило почти в духоту. Мутные, словно свинцовые туманы закрыли солнце. Весь лес стоял неподвижно, и единственным звуком, брошенным в мертвую тишину, был шум реки.

Но вдруг послышался страшный шум в лесу по правую сторону от нас. Молодая поросль ломалась, и земля тряслась под тяжелыми шагами. Одновременно с этим знакомый уже мне голос издал свое рычание так близко, что мы сразу стали, как окаменелые.

На него ответили другие голоса; поднялся бешеный рев как бы хриплых военных труб и гудящих тромбонов. Бедный эскимос подскочил, как сумасшедший.

— Коквойя!.. Коквойя!.. — закричал он каким-то неестественным голосом. — Это слово означало грозного демона инуитских верований, демона, у которого страшные черные щупальца.

Мы увидели при этом что-то вроде черной змеи, кружащейся на фоне серого неба между острыми верхушками двух низких кедров. И тут же началось с шумом и треском движение к реке громадных, неуклюжих, темно-рыжих, хвостатых, с огромными белыми клыками и сильным хоботом, гор мяса, от бега которых стонала земля.

— Торнагуксуад! Гигантская тень!.. Торнагуксуак!.. Дух!.. Дух!.. — закричал весело Эква.

Я глядел, как загипнотизированный, и словно издали слышал голос Надежды:

— Это мамонты!..

Мамонты выбежали из леса и бросились в реку, чтобы перейти ее. Их было пять штук, вел их громадный старый самец. Он был около пяти с половиной метров высотой, с громадной, почти черной гривой на шее и длинными бахромами на боках и брюхе. У него был высокий, странно выгнутый лоб. Его маленькие уши находились в нервном движении.

Между желтоватыми клыками косматый хобот свивался подобно толстому червю.

Мамонт вошел в русло, и вода с пеной стала разбиваться о столбы его ног.

За ним медленно последовали остальные животные: один молодой самец с мало еще развитыми клыками, и две самки, из которых одна нежно подгоняла хоботом молодого, всего лишь нескольких месяцев, косматого, круглого, неуклюжего, комически-милого детеныша.

Отчаянный крик эскимоса заставил мамонтов насторожиться. Вождь стада обернулся, свернул хобот и, затрубив тревогу, хотел перейти брод.

Но тут случилось, чего нельзя было и ожидать. Фелисьен с явным удовольствием следил с самого начала за неожиданно появившимися чудовищами. Он ничему не удивился, не ужаснулся, словно он привык ежедневно видеть до полудюжины мамонтов. Он схватил ружье и приготовился к выстрелу.

Я моментально понял, какая была бы это неосторожность. Решительно, мы должны оставить в покое этих толстокожих!

Я бросился к французу и закричал:

— Не стреляй! не стреляй!..

Он ответил со снисходительной улыбкой:

— Сколько центнеров свежего, хорошего мяса — и не стрелять!

Я хотел было выбить у него винтовку из рук, но было уже поздно. Грянул сильный выстрел, за ним другой, прокатившийся с шумом и грохотом по лесу.

Начался рев и оглушительные трубные звуки...

Два-три страшилища вскачь пронесли мимо нас назад, в лес, так что чуть не передавили нас. Они бежали, ломая молодую поросль, и скоро шум их бега пропал вдали.

Взглянув, я увидел громадного вожака, стоявшего посреди русла; он хоботом ощупывал небольшую рану на лопатке. Он чувствовал жгучую боль, так как ярость вспыхнула в нем, как факел. Грива его ошетичилась; глаза сверкнули, словно угольки. И прежде чем мы успели скрыться, с неожиданной быстротой он бросился на нас.

Я схватил Надежду и толкнул ее за ствол старого кедра, где хотя бы отчасти она была в безопасности.

Осторожно оглядевшись, я увидел, что и остальные спрятались по силе возможности, за исключением Сива. Этот несчастный выбежал чуть не на дорогу раненому животному.

В слепом бешенстве ринулся на него мамонт, чтобы размять его ногами.

Сив бежал, кружил, падал и вновь вскакивал. Но смерть насадала на него сзади. Казалось, что от страха он потерял последние остатки сообразительности. Он начал выть, как волк, так что страшно стало слушать.

— Стреляй, Карл! Да стреляй же, — закричал Фелисьен.

Тут я почувствовал тяжесть ружья в своей руке. Дрожащий голос Надежды повторял:

— Стреляйте скорее, скорее, а то будет поздно!

С величайшей сосредоточенностью, опершись о ствол кедра, прицелился я и спустил курок.

Колосс тихо пробежал еще десять шагов. Но пуля со стальной оболочкой точно выполнила свою смертоносную задачу. Мамонт остановился, судорожно свернул хобот, затрясся и с глухим шумом повалился, как оборвавшаяся скала.

Он лежал, как ржавый камень, между темной хвоей, и один его желтоватый клык грозно поднимался к небу. Пу-

Я прицелился с величайшей сосредоточенностью.

ля из моего ружья прошла ухом до мозга, и действие ее было ужасно. Это был истинный триумф новейшего оружия.

Несколько времени я стоял в немом изумлении над первобытным существом ледниковой эпохи и делювия, которое лежало предо мной, громадное и еще теплое, существом, за минуту пред тем неукротимо бесновавшимся здесь. Его могучий клык был семи метров длиной, — семи метров наилучшей слоновой кости, над которой затанцевал бы любой африканский охотник.

Я осмотрел боковые бахромы животного, его волнистый густой подшерсток и отдельные волосы его гривы, достигавшие одного метра длины.

— Его хобот — лучшее лакомство, — восторженно провозгласил Фелисьен, который на все это приключение смотрел с практической точки зрения. — Я читал об этом в книге какого-то африканского путешественника. Ну, мой милый, мы можем поздравить себя с крупной свежинкой! Эх, какой был бы тут запас для бильярда! — добавил он, постучав по торчащему клыку.

По приказанию француза, Сив, до сих пор еще бледный, моментально принялся за работу.

Он вырыл поблизости продолговатую, неглубокую яму и принес с реки несколько подходящих камней. Потом развел сильный огонь из сухих ветвей и сначала стал накаливать в нем плоские камни. Когда же они накалились добела, наполнил ими яму и положил на них обрезанный и очищенный хобот мамонта.

Вскоре жаркое было готово. Пир имел вид пира тропических. Но я должен сказать, что более нежного жареного, хрустящего и жирного мяса я еще не едал.

В этот момент явился эскимос, привлеченный приятным запахом; при виде неизвестного чудовищного животного он забился от страха где-то между древесными корнями и свернулся в клубок, едва дыша.

Целых два часа не давал он о себе знать. Мы уже думали, что он заблудился или его постигло какое-нибудь несчастье, когда неожиданно вынырнул он, совершенно нетро-

нутый, привлеченный вкусным запахом жаркого и со своим неизменным аппетитом. Эскимос поглощал невероятной величины порции, а его простодушное лицо в блаженстве пищеварения светилось, как полнолуние. Но все же, по его мнению, еще вкуснее был бы желудок этого столь вкусного животного, желудок громадный, наполненный самой нежной полупереваренной кашцей из разжеванной травы и молодой хвои.

Живыми красками описывал он преимущества желудка этого существа, которое он звал теперь «маматок», словом, которым он обогатил инуитскую речь; но, к его удивлению, мы устояли и остались глухи к его соблазнам и обольщению, очевидно, из уважения к своему собственному желудку, так как предписание эскимосской кухни требует употребления подобных деликатесов в сыром виде...

Только после сытного обеда мы стали обсуждать наше последнее приключение.

Фелисьен, сидя на камне, набрасывал дикую сцену табора у трупа мамонта. Я же снова подошел к толстокожему, измерил его и записал результаты осмотра. При этом я установил, что на задней лопатке мамонта имеются старые, давно заросшие следы ужасных ран. Что же это за животное, которое решается нападать на такого страшного зверя? Может быть, оно находится в этих же окружающих нас лесах?

И когда потом, покуривая, мы отдыхали около потрескивающего огня, я не решился упомянуть о своем новом открытии.

Между тем, облака над нами медленно начали двигаться. Но на севере открылось желтовато-синее небо, которое не обещало нам положительно ничего хорошего.

Пролетавший временами ветер был теплым. Почти жгучие лучи солнца непрерывно увеличивали электричество в воздухе.

— Этот печальный край, — сказал Снеedorф, выражая и мои личные мысли, — сохранил в себе все условия, господствовавшие в северной и средней Европе в ледниковую эпоху. Тогда и там по краям ледников бродили стада ма-

монтов. Потом эти существа отступали вслед за исчезающими ледниками, так как это были существа крайнего севера.

— Долше всего, — вмешался я в разговор, — удержались они в Сибири и на крайнем севере Америки. Потом стихийные катастрофы или же люди уничтожили последние стада. Возможно, что какая-нибудь новая повальная болезнь, мор, стерла с лица земли этих громадных, сильных животных. Только остаток их, вокруг которых замкнулось кольцо гренландских льдов, удержался в живых. Здесь не изменились условия их существования.

— Но и здесь, — сказала Надежда, сидевшая до сих пор молча, — но и здесь могли бы существовать самые страшные враги мамонтов...

Мысль о следах страшных когтей пролетела в моем мозгу.

— Кто? — беспечно спросил француз, не переставая делать наброски и выпуская носом две тонких струйки сигарного дыма.

Девушка на несколько времени замолчала и с заботой посмотрела на тайгу.

— Люди, — ответила она потом.

А так как мы все молчали, то она продолжала:

— Люди, которые ловили мамонтов в ледниковую эпоху. Те первобытные люди, которые вырезали изображение мамонтов и оленей на рогах и костях, найденных в пещерах в различных частях Европы.

После этой фразы настало какое-то гнетущее молчание. Наши взгляды с новой недоверчивостью обращались в глубь темного первобытного леса.

Да, были здесь, в этой удивительной стране, олени, были и мамонты. Может быть, был тут и человек или другое какое-нибудь существо, уничтожавшее этих животных. Что же за племя гиперборейцев живет в этой заколдованной земле?

— У-у-у, — завыл вдруг эскимос с внезапным испугом.

Что-то засвистело в воздухе и инуит схватился за грудь.

Он был единственным, не снявшим своего гренландского костюма. Стрела с кремневым острием, вылетев из темной чащи леса, прошла через его аноркан и тимиак и, сделав на груди небольшую царапину, торчала из прорехи его толстой одежды.

XVIII.

Это был красноречивый ответ на наш разговор. Мы схватились за оружие и согнулись под прикрытием, выжидая. Но никто не выходил из глубины леса.

А все же эту стрелу послала тетива лука, натянутого человеческой рукой. Тут были люди.

Наше положение сделалось критическим: незнакомый народ в виде привета послал нам стрелу. Что же будет дальше? По-видимому, мы окружены, заперты в кругу невидимых врагов.

Возможно, что нам удастся сойтись с ними. Нет дикарей столь упорных, чтобы обходительность и подарки не успокоили хотя бы на короткое время их злых побуждений. Но все же в нашем положении завидного было мало.

С трех сторон охватил нас лес; с четвертой текла быстрая река. Враг мог обрушиться на нас с нескольких сторон одновременно.

Снеedorф предложил как можно скорее найти новую, более надежную позицию, где бы при случае можно было защищаться и где бы кругозор не давал возможности врагу подползти к нам на слишком близкое расстояние. Он посоветовал занять верхушку ближайшего холма.

И так как из леса никого не появлялось, то мы решили, что одиночный дикарь или какой-нибудь соглядатай послал нам из чащи свою стрелу.

Холм, на который указал нам Снеedorф, до трех четвертей высоты был покрыт лесом; на верхушке его группа

небольших карликовых кедров образовывала странный хохол. Мы собрали багаж. Фелисьен, нужно сказать к его чести, не забыл захватить с собою порядочный кусок мамонтового хобота.

Мы шли, держа наготове ружья, за каждым стволом ожидая засады.

Вдруг все потемнело. Солнце быстро скрылось за тучи. Лес казался еще неприветливее. Чем выше мы поднимались, тем сильнее возрастало в нас чувство безопасности. И не будь стрелы, которую можно было ощупать, мы готовы были бы принять весь случай за пустую тревогу.

Через полчаса мы вышли из леса. Мы перешли через дуг оленьего мха, через склон, усеянный камнями и ямами, и остановились под тремя кедрами на верхушке холма.

Оттуда открывался широкий печальный кругозор. Волна за волной, по направлению к северу, вздымались холмы, поросшие тайгой.

Долины и овраги среди них чернели, как пучины; на юге потемневший край круто поднимался к Альпам. Горизонт над ними был озарен синеватым отблеском ледяного поля.

— Будет буря. — В голосе Снеедорфа звучала забота.

В самом деле, небо страшно менялось. Темные тучи, вестники бури, покрыли небосвод. Вся природа замерла как бы в ужасе пред тем, что должно произойти. Удушливая тишина пала на лес. Слышен был лишь глухой шум реки Надежды.

Мы быстро поставили палатку, веревки которой привязали к стволам самым заботливым образом.

Сив сходил за водой к ручью, внизу на склоне, и зажег примус. Немного погодя я услышал, как тонким голосом запел в котле кипяток.

Сумрак сгущался уже во тьму. На северо-востоке небеса осветились длинной бесшумной молнией. Буря надвигалась.

При этом в овраге послышались трубные звуки и быстро вскоре за тем умолкли.

Очевидно, чем-то напуганный мамонт предостерегал свое стадо. Затем послышались другие звуки внизу у реки, прямо под нашим бивуаком.

Место, где мы оставили труп мамонта, казалось, ожило. Какое-то неопределенное ворчание доносилось оттуда и раза два-три такой вой, от которого у Гуски вздымалась шерсть по всей спине. Мы молча сидели на верхушке своего холма, обратившись лицом туда, откуда надвигалась буря.

Вдруг громадная зеленая молния прорезала небеса, и в ее ослепительном блеске с удивительной резкостью на мгновение выступили неподвижно стоящие черные леса.

Немного спустя после этого, где-то над горизонтом загремел гром тяжело и глухо, как какое-то сказочное чудовище, скрытое за горами, которое готовится броситься на намеченную добычу.

Молнии следовали потом одна за другой. Удар за ударом. Буря рвет и гудит уже в непосредственной близости от нас.

Облака, разрываемые молниями и пролетающие до самых отдаленных лесов, имеют угрожающий вид. Под черными тучами крутятся клубами грозные синевато-серые туманы.

Но вот первобытный лес начинает гудеть. Местами целые площади его сгибаются, словно в конвульсии. Хвостатые верхушки старых деревьев качаются из стороны в сторону, нагибаются и ломаются, когда по ним пробегает вихрь.

К этому внезапно присоединяется шум ливня. Холмы сразу исчезают за его темным покрывалом.

Ливень, смешанный с градом, низвергается под косым углом на всю местность. Он спускается длинными темными полосами, которые бегут по склонам, наполняют долины, устремляются кверху, с шумом проходят между стволами ближайшего леса, и вот — они уже здесь.

Ливень обрушивается на наш лагерь с шумом, как наводнение. Потоки воды яростно бьют по полотну палатки, в которой, пригнувшись, оглушенные, сидим мы.

Бешено барабанит град. Кедр, к которым привязаны палатки, трещат; так и кажется, что вихрь вырвет их с корнем и унесет вместе с нами.

Вдруг сухой удар с треском потрясает землю.

Кажется, что небо соединяется с землею занавесом из огня и воды.

Каждую минуту мы боимся, чтобы палатки, подхваченные ветром, не улетели в пространство.

Через несколько времени я, действительно, вижу, что одна из веревок развязалась. Как только ветер со всей силой ворвется внутрь, он сорвет палатку. Веревку необходимо укрепить во что бы то ни стало. Я быстро накидываю на себя непромокаемый плащ. Осторожно выставляю голову.

Дождь продолжает идти с бешеной силой. Я вылезаю и укрепляю веревку, как можно лучше.

Но неожиданный порыв ветра сбивает меня в сторону. Я хватаюсь за сучок. Он ломается, и я скольжу по размокшей глине. Утратив равновесие, махаю руками в воздухе. И через секунду я стремглав уже качусь под гору и сваливаюсь в промоину, к счастью, на мягкую подушку пропитавшегося водой лишайника, совершенно не разбившись.

Я вскакиваю и оглядываюсь кругом. Бешенство бури уже миновало. Дождь медленно прекращается. Но все еще царит полумрак. Грязная вода несется вниз сотнями ручьев и каскадов.

Я бегло осматриваюсь, как лучше пробраться назад; цепляюсь за мокрые стебли брусники и клюквы. Уже вижу палатку. Я слышу, как гудит гром в долинах.

Но что это? Крик! Я осматриваюсь и замечаю какие-то фигуры, быстродвигающиеся в тумане, который поднялся после дождя.

Прежде чем я в состоянии был крикнуть, около двадцати этих загадочных существ бросаются на палатку. Слышен шум короткой борьбы, двукратный лай! И я вижу, как эти существа — я могу различать лишь их силуэты — тащат свою добычу к лесу и исчезают в нем.

XIX.

Я остался совершенно беспомощным и одиноким в наводящей ужас, молчаливой, враждебной стране.

Пронесются еще черные разорванные облака, но между ними уже проглядывает голубое улыбающееся небо.

Даже тогда, когда я заблудился на ледниковой равнине и стоял одинокий среди ревущей бури, даже тогда я не чувствовал такой тяжести и такого беспомощного состояния. Никогда на меня не нападало столь сильного страха, как после этой внезапной катастрофы.

Что это за существа, которые напали на лагерь? Взяты ли мои друзья в плен или же убиты? Что будет с ними, если они в плену? Ведь множество ученых утверждает, что человек ледниковой эпохи был людоедом.

Признаюсь, что в первое время я думал только о Надежде. А последовавшая сильная душевная боль выяснила для меня самую приятную и вместе с тем страшную действительность, что я люблю эту смелую девушку. Я понял в один и тот же миг, что люблю ее и что она потеряна для меня. Я бросился лицом в мох и зарыдал.

Когда я взошел под кедр, на вершину холма, там не было уже палатки: все исчезло и следы борьбы смыл дождь. Нигде кругом не было видно ни одного живого существа.

Я малодушно оперся на ствол дерева и пробыл так несколько долгих минут без движения.

Постепенно возвращалась ко мне энергия. Я выпрямился, полный решимости. В браунинге у меня было только два последних заряда, в карманах — коробка спичек, компас и большой перочинный нож. Но я не колебался. У меня был определенно выработанный план.

Я должен был сначала спуститься вниз, к мамонту, отрезать себе в запас мяса, а потом отправиться к нашему депо, чтобы там основательно снарядиться, имея единую в данное время цель — узнать судьбу своих друзей.

Я снова осмотрел всю верхушку холма, каждую пядь земли, напрасно отыскивая следы.

С револьвером наготове, я спустился в овраг. Осторожно пробираясь лесом, я прислушивался.

Сильное карканье заглушало шум реки Надежды.

Осторожно выглянув из чащи, я увидел кружащуюся, мечущуюся во все стороны сплошную массу черных птиц. Они покрывали и труп мамонта. С кусками кровавого мяса взлетали они на ветви соседних деревьев и снова бросались книзу. Тут было несколько сот больших воронов. Из их беззаботного поведения я понял, что окрестности безлюдны.

Тогда я вышел, вооружившись длинной, сухой веткой.

Я заметил еще двух больших животных, когда они бесшумно бросились в чащу. Они были белого цвета и походили на овчарок.

Птицы с неудовольствием оставили богатую трапезу. В первую минуту они сделали на меня настоящее нападение, и я должен был веткой энергично отгонять их. И только когда я у нескольких птиц перебил крылья, остальные отступили и усадились на ближайшие деревья, злобно каркая и глядя на меня злыми глазами.

При первом же взгляде я увидел, что труп мамонта привлекал и других гостей. Куски мяса, оторванные мощной лапой от огромных костей, и разорванные внутренности животного свидетельствовали о том, что какой-то сильный зверь принимал участие в дележе добычи.

В тине, на берегу, я нашел след, который показался мне следом медведя.

Потом я убедился и в том, что тут были также какие-то люди. Одна из задних ног мамонта была отделена надрезами какого-то орудия и ее доставало.

Воспользовались для этого, вероятнее всего, кремневым топором, так как я нашел в ране кремневый осколок. Это побудило меня к новым розыскам возможных следов, но кончилось это, как и прежде, без результата.

Тогда я выбрал себе подходящую порцию мяса и решительно принялся за работу. Лишь чрез полчаса напряжен-

ных усилий удалось мне, наконец, своим ножом отодрать намеченную часть; я сел и тотчас же съел несколько сырых кусков, причем за каждым куском черные птицы следили алчными взглядами. Остатки мяса я завернул в кожу. Напившись из реки, я отправился в путь.

Едва я вошел под покров деревьев, смерч каркающих птиц обрушился на оставленный труп, чтобы продолжать прерванный пир.

Чаща охватила меня. Руководствуясь компасом, я направился прямо на юго-восток. С косматых ветвей падали капли блестящей дождевой воды. Небо совершенно разъяснилось, и летнее полярное солнце начало сверить со всей своей яркостью. То там, то сям между кронами деревьев падало немного света и на печальные, молчаливые стволы. Белая паутина тотчас начинала тогда блеснуть, а косматые пауки принимались энергично бегать, ища защиты от ослепительных лучей. Белый лишайник, покрывавший некоторые деревья длинными бахромами, казался белой бородой.

Я шел, отдыхая временами, в продолжение трех часов. То тут, то там я узнавал тропинку, по которой мы направлялись к реке Надежде.

Миновал я несколько протоптанных мамонтами троп. Я прошел чрез пояс брусники и черники. Была тут и морошка, и голубика, и клюква, и эти милые славянские слова, которыми называла ягоды Надежда, снова пробудили в моем сердце острую боль.

На одной прогалине, выкорчеванной вихрем, я увидел двух великолепных оленей. Они спокойно паслись.

Услышав меня, смелый самец поднял рогатую голову и стал разглядывать мою фигуру. Самка же спокойно продолжала пастись. Несколько секунд я глядел на животных. В первый момент инстинктивное чувство побуждало меня застрелить оленя, но, подумав о куске мамонтового мяса, я отбросил эту мысль, как излишнюю кровожадность. Олень нагляделся досыта, издал рев и мягкой рысью побежал с прогалины в сопровождении своей подруги.

Я заблудился. Погруженный в мысли, я забыл про компас и вдруг, выйдя из леса, увидел свое отражение в чистой воде небольшого круглого озера, лежавшего на дне долины. Поток, выходящий из под снеговых полей — высоко на горах, — тонкой струйкой поил его. На зеленоватой воде плавало несколько диких гусей.

Растерянно стал я осматривать окружающую местность. Здесь и там на склонах, покрытых толстым ковром лишайников, в краю, озаренном спокойным солнечным светом, паслись олени. От гор к лесу в бесконечной выси летело колеблющимся медленным полетом несколько воронов. Где же я?

Осматриваясь, я прикрыл глаза рукою. И тотчас почувствовал укус. Тонкий звенящий голос раздался около уха. Комары!

Они напали на меня, как разбойники. Я начал отгонять их, махать руками, отчаянно сражаясь с этими маленькими яростными насекомыми.

В конце концов, побежденный ими, я бросился стремглав бежать. Целая туча ненасытных кровопийц далеко преследовала меня, и только тогда, когда я оставил сырые окрестности озера и очутился на холме, удалось мне избавиться от этой пытки.

Стоя на холме, можно было ориентироваться. И какая приятная неожиданность! На правой стороне я узнал знакомый край: холмы и склоны, морены и долины, которыми мы спускались к лесу. Сзади, в туманной атмосфере, тянулся голубоватый ледник реки Надежды. С тайги поднимался пар.

Солнце нагрело после дождя ее темную поверхность, и беловатые пары поднимались, как дым, и уносились свежим ветром к горам. Наше депо должно было быть тут, совсем недалеко.

И действительно, после короткого осмотра, я увидел пирамиду из камней. На лыжном шесте весело развевался лоскут материи. Все было в том же порядке, в каком мы оставили два дня тому назад.

Никто не подходил к нашему запасному магазину, кроме нескольких лисиц, следы которых я нашел кругом. Но в эту пору года они, конечно, достали где-нибудь без труда достаточное количество пищи и поэтому не особенно старались добыть из жестяных коробок сухари и пеммикан. В пору же зимней нужды они, наверное, постарались бы добраться до них.

Я облегченно вздохнул. Находился я тут в приятном, защищенном от ветра месте. Поблизости мною было спугнуто целое семейство снежных куропаток; цыплята, пища от страха, скрылись в поросли карликовых верб. Значит, действительно, я был здесь единственным человеком.

В один из находившихся здесь мешков я уложил заботливо выбранные пищевые продукты, особенно пеммикан. Наш пеммикан состоял из 50% говяжьего и 50% конского сушеного и размолотого мяса, в кусках по полкилограмма. Вкус его был превосходен, а еще большее значение имело то, что его можно было есть как сырым, так и вареным. Он представлял замечательно подходящую пищу для дальнего пути. Теперь у меня было и оружие и запасы.

Наступила ночь. Нежно-розовые солнечные лучи залили долину. Как небольшие зеркальца, блестела тихая гладь озер между холмами. Горы отбрасывали длинные тени. Склоны холмов, вполне высушенные солнцем и покрытые оленьим мхом, приобрели опять уже свой характерный белый цвет.

Эти холмы — остатки морен. Большие валуны, настоящие каменные ядра, лежали на обнаженной поверхности скал или же на дне каменных котлов, образованных водопадами, низвергавшимися когда-то здесь. Это так называемые *ледниковые мельницы* или *чертовы горшки*.

И здесь, в этой местности, сидел одинокий путник, выброшенный сюда, в среду делювиальной эпохи, из культуры двадцатого века.

Сидел он здесь, Робинзон страны оленей и мамонтов, на мху, у небольшого костра, дым которого тонкой струйкой поднимался к чистому небу, неясно освещенному зарею летней арктической ночи.

Неодолимое утомление охватило меня. Я наскоро испек себе кусок мяса, надев его на ольховую ветку, и нарвал на закуску брусники. Свернувшись с подушкой из мха под головой у подножия каменной пирамиды, я заснул беспокойным сном.

Замечу здесь, что прежде чем улечься спать, несмотря на кажущееся крайнее равнодушие к своей судьбе, я осмоторительно снял шест с флагом, чтобы этот видимый знак не привлек врага.

Так же заботливо осмотрел я окрестности, и только тогда, успокоившись, лег спать.

Я засыпал и снова просыпался. Вздыхал и вертелся с боку на бок. Но потом я вдруг очнулся от предчувствия непосредственно грозящей мне опасности. Осматриваясь, я поднялся на локтях. И вдруг тяжелый камень просвистел около моей головы.

Я хотел выскочить, чтобы укрыться, но кто-то бросился на меня. Это был человек!

Он сшиб меня на землю и пытался схватить за горло. Я слышал, как он тяжело дышал и хрипел.

Я начал отчаянно защищаться. Мы катались по мху с сопением и стонами туда и сюда. Мы рычали, душили, кусали и царапали друг друга. Потом, при одном сильном повороте, я увидел на мгновение лицо нападавшего и... рассмотрел бородатое лицо Сива. В его глазах, сверкавших диким, жестоким огнем, светилась ненависть.

Со всею силой я оперся на локти и, страшно рванувшись, сбросил противника на землю, а последующим, быстрым, как молния, движением обрушился ему на грудь.

Я разыскивал глазами камень, кусок дерева или еще что-нибудь, чем бы я мог оглушить злодея. Про свой револьвер, к удивлению, я в этот момент забыл.

В то же время я почувствовал такую резкую боль в руке, что вскрикнул. Сив, как бешеный хищник, впился мне зубами в руку, которой я придавил его к земле.

Кровь брызнула ключом. Я выпустил негодя. Он вскочил, метнулся в сторону и поднял камень. В тот же момент

я нащупал браунинг. Я поспешно вынул его и выстрелил без прицела.

Убегавший Сив вскрикнул, завыл и начал хромать. Он упал, поднялся и молча продолжал свой бег, припадая на одну ногу. Только один раз он повернул голову, и напоследок я еще раз увидел его лицо, смертельно бледное, искаженное от боли, и дикие, налитые кровью глаза. Он исчез.

Тут только напряжение борьбы и сильное волнение сказались на мне, и я упал со стоном и дрожью на колени.

Кровь, вытекающая из раны, окрашивала мох. Я подошел к ручейку и вымыл рану. Указательный палец левой руки был почти прокушен и запястье разорвано. Я сделал из платка повязку и старательно затянул ее, чтобы остановить кровотечение.

Сив, значит, также избежал плена. Убежал он, во всяком случае, без оружия. У него явилась та же мысль, что и у меня: найти депо. Кто знает, не заметил ли он меня и не полз ли за мной уже в тени тайги. Он увидел, что я предупредил его. Нашел момент подходящим для сведения счетов. Его ревность воспламенилась. Спрятавшись, он выждал время и, видя меня спящим, поторопился устранить с дороги ненавистного соперника. Но это ему не удалось.

Серьезно ли я ранил его? Погибнет ли он от голода в этой безжалостной пустыне или же его поймают хищники? И, как случается у некоторых характеров, моя злость начала превращаться в соболезнование и сострадание.

Если же он поправится, — думалось мне дальше, — мне не ждать от него пощады. Этот человек будет следовать за мной по пятам с упорством дикаря.

А что у него на уме? Кто может сказать, что он не хочет добыть для себя Надежды, вырвать ее из плена?

Я стал сожалеть, что не прицелился в Сива лучше. Перспектива коварного выслеживания, самая мысль о том, что Сив свободен, что он здесь, на этой земле, недалеко от меня, не давали мне покоя. Я уже не думал о сне.

Я взял ружье, запас патронов, примус, бинокль и мешок с провиантом. Прежде чем уйти, старательно спрятал остальное оружие в другом месте.

Подкрепившись после этого горячим супом из гороховой муки, не мешкая, я двинулся в путь вдоль небольшого ручья, который вытекал из озера и направлялся прямо на север, где он соединялся с рекою Надежды.

Я оглянулся назад, на поднимающийся кверху вал гранита, гнейса и сиенита, и при мысли о страшном кольце льдов, которыми защищена и так заботливо навсегда отделена эта земля от остального мира, мороз пробежал у меня по коже.

XX.

Следующие дни были днями долгого пути. Главной моей мыслью было найти следы своих друзей. Кроме того, я решительно желал, наконец, увидеть лицо здешних туземцев, познакомиться с их страной и с тем, какие тайны скрывает она за областью тайги. А надо всем высоко стоял образ Надежды, придавая мне несокрушимую энергию.

Там, где я шел, возле потока, лес был редок. Много деревьев было сухих и истлевших; тем не менее, каким-то чудом они держались; но это была одна видимость: от одного моего прикосновения они рассыпались в груду трухи.

В чистой воде потока гонялось множество красно-пятнистых форелей. А лес все время был, как заколдованный лес сказки: тихий и все же полный таинственной жизни.

Волны холмов вздымались все выше и выше к новому гребню. Я уже не мог идти по течению потока, так как крутые обрывы падали до самой воды.

Руководствуясь компасом, направлялся я все время к северу через горы и доли.

Отдыхал я под прикрытием кустов и камней, у костра, который поддерживал из страха перед дикими зверями.

На следующий день, после нескольких часов ходьбы, я достиг верхушки гребня. Я сделал несколько шагов среди

чащи и отпрянул назад. Предо мной раскрылась пропасть. Лежа на животе и отстраняя рукой карликовые кедры, я глядел в головокружительную глубину.

Это был каньон, глубиной до ста футов, прорытый в красноватом песчанике. Внизу, в тени, катилась черная река Надежды. Три мамонта на берегу утоляли жажду. С этой высоты они казались тремя рыжеватыми жуками.

С течением веков вода, ветер и морозы изъели песчанниковые стены и образовали сотни фантастических зубцов, башен и силуэтов. Узкие трещины доходили донизу. Здесь и там у боков скалы поднимались одиночные столбы, увенчанные несколькими, словно нарочно посаженными на них, деревьями. Скалы представляли собой сотни странных фигур, людских и звериных профилей, а красный песчаник, прорезанный в разных местах полосами темно-зеленой хвои, представлял дико-очаровательный вид.

Через редкий лесок на окраине противоположного обрыва проглядывало чистое небо. Летняя погода теперь уже установилась. С моего становища открывался замечательный вид на запад и север. Когда же я осмотрел местность при помощи бинокля, — у меня вырвалось тихое восклицание. Я увидел дым! Да, голубоватый кудрявый султан дыма, поднимавшегося над вершинами леса в нескольких милях на северо-запад, в почти уже равнинной местности.

Вид дыма страшно подействовал на меня. Там был огонь! Огонь, который мог развести лишь человек!..

Кто же находится там? Какие существа сидят там вокруг трещащих ветвей, жаря олений окорок или ребро мамонта? В первый момент волнения я подумал, что это мои друзья. Вероятно, это они убежали из плена. Но эту догадку пришлось отбросить, когда я увидел еще два дымка. Один из дымков поднимался высоко при полном затишье из долины реки Надежды.

Я решил идти в этом направлении. Такое решение меня немного успокоило.

Во мне проснулось упорное любопытство: чем кончится вся эта сумасбродная авантюра. Впрочем, мне казалось уже вполне естественным, что я нахожусь в самом сердце

Гренландии, что мамонты вот здесь, подо мною, приходят пить воду из шумящей реки.

Я много думал о реке Надежды. Куда она несется? Здесь, за этим хребтом из песчаника, начинается ровная местность. Я полагаю, что найду там большое озеро.

В этот день к вечеру солнце, скрывшись за контурами гор и закрывшись белой вуалью пара, покрыло небеса какой-то особенной лиловой зарею.

Купол небес, спокойный, озаренный дивным светом, бледным и приятным, уходил в бесконечность. С наступлением ночи небо на юге окрасилось в желтые тона, на севере же стало розоватым. Лес противоположного гребня выступил, как черное кружево.

В чаще слышалось завывание волков. Низко надо мною с карканьем пролетела одинокая черная птица, направляясь в югу, в лес, через который я проходил. Каньон наполнился полумраком. Я различал лишь неясное поблескивание текущей внизу реки.

Вдруг какой-то ужасный звук вывел меня из задумчивости. Он доносился из глубины каньона.

Я пополз снова к краю обрыва, но ничего не мог разглядеть. Чу! что-то тяжелое бежит вскачь около бушующей воды. Ревет, хрипит и трубит. Издало рычание боли! Кто-то его преследует. Я различаю три-четыре тени, которые исчезают прыжками и сливаются с полумраком. Но что это? — настоящий человеческий крик, — крик, от которого холод пробегает по телу, крик смертельный, отраженный скалами и расплывшийся в бесконечном пространстве.

Охотники с копьями, нападающие на мамонта! Не те ли, которые напали на наш лагерь? А возможно, что много орд этих дикарей бродит по Стране?

Еще долго смотрел я, задерживая дыхание, в захватывающую дух глубину. Но звуки дикой охоты давно заглохли в поворотах ущелья. Не было больше никакого движения.

Я находился здесь, поблизости от какой-то населенной местности. Меня окружали загадочные существа, которые и здесь и там по всей стране вели дикую, незнакомую мне жизнь.

После краткого отдыха, я оставил свой наблюдательный пункт и вновь отправился в путь.

Песчаниковая преграда, как я уже сказал, отделяет горную местность от равнины. Холмы за нею становятся более низменными и постепенно сливаются с равниной.

На северо-западной части неба выступают серые полосы. Хорошая погода скоро кончится, и снова будет нахмуренное дикое небо, дымящиеся облака, ветер и дождь.

Лес становится все реже и мельче. Кедровые поднимаются здесь, словно жердочки, с редкою хвоей; они перемешаны тут с карликовой елью. Попадаются одиночные скрученные и недоразвитые экземпляры ивы и ольхи.

Осенние ветры, должно быть, злобно распоряжаются в этих краях. От некоторых деревьев уцелели только остовы, голые пни без ветвей, с грубо обломленной верхушкой, словно ее срубил топор дровосека. И тут и там багрово-красные трясины. Прелый запах истлевших листьев. Сыро. Потом большие отдельные поросли странных обтрепанных деревьев.

Настоящий трамп среди лесного населения, бродяга, который решается доходить до самой непроходимой северной границы — сибирская пихта — растет здесь же.

Тут действительно настоящие дебри арктической Америки, где лес, как передовая рать бойцов, борется с беспощадной полярной пустыней. Начало тундры. Эта местность должна быть настоящим раем оленей и лосей.

Далеко, далеко передо мною на севере поднимается отдельная гора. Она встает неожиданно в виде узкого колокола. Я направляюсь к ней. Многочисленные дымки, поднимающиеся со всех сторон, говорят о том, что я приближаюсь к заселенным местам. Я удваиваю осторожность.

Мне хотелось сварить себе рыбу, пойманную недавно в ручье. Прислонив ружье к ближайшему дереву, сложил я свою ношу и, взяв примус, хотел принести воды. Но едва я сделал два-три нерешительных шага, как почва исчезла под моими ногами. Раскрылось черное отверстие, я вскрикнул, полетел в какую-то яму, тяжело ударившись виском о что-то твердое, и потерял сознание.

XXI.

Первое ощущение, которое я начал испытывать, когда пришел в себя, было ощущение сырости. Водяная пыль падала на меня через узкое овальное отверстие, в которое проникала также жалкая полоска пепельного полусвета.

Потом я инстинктивно почувствовал, что я не один. Повернув голову, я увидел два блестящих зеленых глаза, глядевших на меня из мрака.

Я попытался подняться, но почувствовал боль в правом плече и тяжесть в голове. Но что меня беспокоило больше всего, когда я немного двинулся всем телом, — это тупая боль в колене правой ноги.

Я увидел, что лежу на дне искусно выкопанной ямы, глубиной до двадцати футов, с суживающимися кверху боками. Среди ямы были врыты два крепких, заостренных кверху кола. Яма была прикрыта с удивительным искусством крышкой из ветвей, листвы и мха, на которые был насыпан тонкий слой земли.

Дикие охотники этой страны вырыли ее для ловли крупных зверей, вероятнее всего, мамонтов. Утомленный, в состоянии отупения от долгого пути, я не заметил приготовленной ловушки и слетел в нее.

Я упал прямо подле кола. Еще бы пять сантиметров, — и я повис бы на нем. Я вздрогнул, поглядев на торчащее острие, покрытое старыми засохшими следами крови.

Потом я обратил внимание на два горящих глаза, все время без устали неподвижно глядевших на меня из противоположного угла. Мое зрение понемногу уже свыкло с полумраком, и я разглядел, что это был большой волк, настоящий арктический волк, почти белый, с густой шерстью и высокими передними ногами, благодаря которым некоторые натуралисты дали ему название полярной гиены.

Я искал взглядом оружие, но его здесь не было. Падая, я разжал руки, выронил браунинг, который я нес в руке. Только большой примус с треском слетел со мной в ловушку.

Мое неожиданное падение и грохот примуса действовали на хищника так, что он не решался напасть на меня, пока я лежал без сознания.

Нельзя было и думать выйти из ямы без чужой помощи. Но не мог я рассчитывать и на то, что кто-нибудь из охотников придет осматривать ловушку прежде, чем я не умру с голода или не буду растерзан изголодавшимся зверем.

Я думал, что необходимо покончить с волком, чтобы его мясом поддержать свою жизнь. Да и само животное чем дальше, тем будет голоднее, а с голодом будет расти у него и отвага.

Я осторожно поднялся и сел. При этом я снова почувствовал сильную боль в колене.

Мой компаньон, казалось, обеспокоился. Он выгнулся, съежился. Потом приложил уши, ощерился и показал ряд зловещих зубов.

Я пододвинул к себе единственное оружие — свой примус, который лежал от меня на расстоянии руки. Замечательная мысль блеснула у меня в голове. Как только волк впадал в беспокойство и проявлял намерение оставить свой угол, я тотчас начинал брэнчать и барабанить в несчастный примус, — барабанить с таким воодушевлением, как негритянский фанатик, и результаты были поистине великолепны: с поджатым хвостом неприятель затихал в своем углу.

Эта игра сначала меня развлекала, потом стала утомлять. Я страдал от жажды, а колющая боль в колене давала себя знать все чаще и чаще. Я заметил, что дремлю, а очнувшись, вдруг увидел своего компаньона крадущимся ко мне, словно тень, с ошетилившейся шерстью и горящими глазами.

Возможно, что волк был в яме уже несколько дней, и голод донимал его.

Я понял, что находиться дальше в том же положении невозможно. Необходимо на что-нибудь решиться. Прибли-

жается момент, когда брэнчание примуса — единственное мое средство самозащиты — изменит. Зверь привыкнет к нему. Самым лучшим будет разбить этим аппаратом в удобную минуту зверю голову. Это будет отчаянная попытка, но в сущности не остается ничего больше.

Грязные струйки текли со стен; было сыро и холодно. Мне вздумалось кричать, чтобы обратить на себя внимание какого-нибудь живого существа, находящегося поблизости.

Прошло уже много длинных часов; целых полдня; начиналась другая половина. Мне было холодно.

Одно время я слышал какие-то тяжелые шаги вблизи ямы. Земля тряслась, кусты ломались. Какое-то существо сопело и фыркало, как будто со злобою обнюхивая землю. Вдруг все утихло.

Напрасно я ломал голову, как мне выбраться отсюда. Я до сих пор не решался встать на ноги, так как меня беспокоило колено, и я боялся, чтобы не бросился на меня волк.

Вдруг я вздрогнул всем телом — волк ни с того ни с сего принялся выть. Он сидел, прижавшись к стене; подняв голову, с закрытыми глазами и напряженным видом издавал он жалобный вой. Я в отчаянии схватил кусок глины и бросил ее в проклятого музыканта.

Опять прошло несколько бесконечных часов. Я снова впал в тупую оцепенелость. Но тут поведение зверя обратило на себя мое внимание. Им овладело беспокойство.

Он поднял свой нос к отверстию ловушки и ошетинился. И тогда, не слышав пред тем ни малейшего шелеста, я увидел, как кто-то появился в светлом кругу на краю ямы.

Это была человеческая голова.

Никогда, даже в самом страшном сне, не видел я такого лица, да и не увижу уже больше. Дикая путаница косматых черных волос, под которыми исчезал низкий лоб. Плоский широкий нос и большой выдавшийся рот с толстыми губами. И почти полное отсутствие бороды. — Вот что заметил я при первом взгляде. Но самым удивительным были глаза. Они сидели глубоко, как в темных пещерах, жгучие и беспокойные, а над ними выдавались два сильных полу-

Никогда, даже в страшном сне, не видел я такого лица.

круга надглазниц. Чем-то невыразимо звериным веяло от этого темно-бронзового заросшего лица. В действительности это лицо не было человеческим, но оно не было и звериным. Мы глядели друг на друга две долгих секунды. Никакой мысли я не подметил в глазах, которые смотрели на меня. Никакого движения в лице.

Потом покрытое шерстью лицо вдруг исчезло; раздался свист, и кремневая стрела влетела в яму.

Полярный волк, раненый в горло, подпрыгнул и издал резкое рычание. Стрела вонзилась до половины. Зверь начал кружиться; он зашатался, как пьяный, и потом свалился, вытянувшись в последней агонии.

Минута шла за минутой. Волчье тело коченело; глаза помутнели; одна из задних ног торчала вверх. Кровь, вытекающая из раны, образовала небольшую лужу.

По временам я глядел на часы. Оживленное, неутомимое их тиканье производило на меня приятное впечатление. Оно действовало ободряюще.

Часы показывали ровно три четверти восьмого, когда я услышал тихий шелест. Какие-то глухие голоса неясно долетали до моего слуха. Очевидно, приближалось много людей. Вскоре появилось семь фигур. Я увидел небольшие луки и копья, которые держали в руках эти люди.

С минуту они поглядели на меня со спокойным вниманием, причем обменялись между собою короткими словами на незнакомом языке.

Речь их была странная, грубая, полная гортанных звуков, произносимых своеобразно, как бы с напряжением, и похожих на крик диких лесных животных.

Потом дикари притащили ствол кедра, с которого ветки были обломаны так, что он образовал первобытную лестницу, и спустили его в ловушку.

Это было немое приглашение лезть наверх. Я колебался.

Решив все же, я хотел сделать попытку встать. Но едва я поднялся и сделал шаг, боль в колене возобновилась с такой силой, что я упал бы на месте, если бы вовремя не схватился за один из вырытых в яме кольев.

Скрипя от боли зубами, я попробовал повторить опыт. Я собрал всю энергию, на какую только был способен, и достиг того, что поднялся до третьей ступеньки, перенося адские муки. Но потом я потерял сознание и бессильно свалился на землю.

Когда я очнулся, я увидел, что охотники вытащили меня из ямы и положили на мокрый мох.

Тяжелая мгла пала на землю и покрыла ее густым покровом. С хвой падали холодные капли. Во мгле около меня двигались фигуры диких людей.

Все они были среднего или, скорее, даже малого роста, но во всяком случае выше, чем эскимосы, костлявые, почти худые, но с сильной мускулатурой. Их черные, дико разбросанные волосы падали им на лицо. Губ не было видно в редкой, но жесткой поросли усов. Все были одеты в шкуры, небрежно переброшенные через одно плечо и стянутые у пояса при помощи сухих звериных жил, и на ногах не имели никакой обуви.

Кожа этих людей имела темно-бронзовый оттенок, и все они были покрыты волосами каштанового цвета, образовавшими на груди густую гриву. Этой особенностью они напоминали айносов.

Лицо их! Пока жив, я никогда не забуду лица обитателей этой заколдованной страны.

Рот с толстыми губами, по-звериному выступающий вперед, выдававшие лицевые кости и громадные надглазницы придавали трудно описуемое выражение профилю их лица. Так должен был выглядеть первобытный неандертальский человек!

Глава дикарей были похожи на раскаленные уголья, и мигнувшими казалось, что они затягиваются голубой пленкой, а потом они снова загораются диким блеском глаз хищных животных, зеленоватым беспокойным блеском, который завлакивается и моментально гаснет.

Придя в себя, я увидел, что четверо занимались приготовлением носилок из ветвей, росших по склону деревьев. Три остальных стояли около меня на страже; из них один держал копье с ольховым древком у самой моей головы.

Другой издали равнодушно следил за работой своих товарищей, временами почесывая свою гриву.

Он был немного постройней, чем другие, одет в волчью шкуру, за поясом у него был заткнут каменный молот с длинным упругим топорищем.

Убитая самка оленя и вытащенный волк лежали около носилок. Я понял, что будет дальше. Меня положат на носилки и отнесут. Куда?

Мужчина в волчьей шкуре взглянул на меня рассеянным взглядом. Видя, что я очнулся, он обратился к другим и сказал им что-то.

Носилки были готовы. Двое из этих странных дикарей взяли меня своими крепкими руками и скорее бросили, чем положили, на ветки, не обращая ни малейшего внимания на мои болезненные стоны. Они подняли носилки и двинулись вперед. Два охотника взяли изогнутый сук и привязали в нему оленя и волка. Третий мучился с моими вещами и оружием, которых не хотел касаться руками из суеверного страха. Веткой сгреб он их на разостланную кожу и эту большую ношу тащил на плечах.

Мы двинулись в поход среди тумана в направлении, которого я не мог определить.

Лежа навзничь на носилках, я рассматривал лицо заднего носильщика, смотревшего на меня с таким равнодушием, что у меня начинала закипать кровь.

Я старался угадать степень культурности странного народа, в руки которого я попал, и имена Мортилье, Флоуэра, Гепбёрна и других известных антропологов начали так неотступно всплывать в голове, что прогнали мысли о неопределенном будущем.

И так несли меня, безоружного и хромого, неспособного в отпору и осужденного ожидать без движения развязки всей этой странной истории.

Стоял густой туман. То там, то здесь раздавалось хриплое карканье ворона.

Мы миновали ольховый кустарник, влажный от окружающей сырости, и карликовые вербы, не превышавшие роста человека.

Во многих местах почва прорывалась и под ногами несших выскакивали пузыри грязной воды. Упругий слой почвы, казалось, плавал на поверхности скрытых вод. Вдоль нашего пути тянулись обширные мочаги.

Я вскоре имел случай убедиться в существовании новой неожиданной опасности, которыми так богата эта страна.

Совершенно неожиданно послышался поблизости топот тяжелых ног, чье-то фыркание и сопение и треск кустов. Одновременно с этим было видно, как охотники страшно заволновались. Они начали кричать, и в их крике повторялось несколько раз странное слово:

«Пгруу! Пгруу!»

Они жалобно завывали и разбежались во все стороны.

Мои носилки закачались, словно на взбудораженных волнах, и полетели под охрану вербных кустов. Обернувшись на бок, я увидел громаднейшее существо, которое молнией вылетело из клубящихся паров. Это был носорог невиданных размеров, с почти полутораметровым рогом, — носорог, покрытый косматой рыжеватой шерстью, влажной и заиндеветшей, что придавало ему фантастический вид.

Я угадал в нем эламотерия — носорога, жившего в первобытной сибирской тундре.

Он сделал нападение по способу своей родни, нагнув книзу голову и приготовив свой страшный рог.

Животное было разъярено и мчалось с слепым бешенством. Учувя нашу процессию, оно напало на нее внезапно и без всякой причины. У меня промелькнуло сожаление, что нет в руке ружья, чтобы показать дикарям, как можно уничтожить такую скотину разом, одним нажатием пальца.

Из кожи охотника, который тащил мои вещи, с шумом вылетел мой примус и покатился по земле. Бешеный носорог, не видя в слепой ярости другого предмета, на который он мог бы излить свою злость, бросился на несчастный примус, который дикари вытащили со мной из ямы.

Кремневые копыта и стрелы ничего не могли бы поделаться против твари с такой толстой кожей. Поэтому охот-

ники удовольствовались тем, что спрятались в ближайших кустарниках.

Туман закрыл от нас носорога и в то время, как мы быстро уходили, было слышно еще сопение громадного животного и жалобное треньканье несчастного примуса, который звенел под ударами его страшного рога.

XXII.

По моим предположениям, поход наш продолжался около двух часов. Потом охотники остановились и развели огонь.

Они сделали это не так, как разводят огонь примитивные народы нашего времени, а также и эскимосы, трением двух кусков дерева различной твердости; они высекли искры из двух кусков кремня на особый сорт гриба, который растет в этой стране на деревьях, мицелий которого составляет им отличный трут. Огниво и трут носит каждый охотник в кожаном мешке на шее.

Сухая трава занялась; ветви затрещали. Тут впервые я заметил, что эти дикари каждое разведение огня сопровождают каким-то обрядом.

Когда вспыхнуло первое пламя, все они молча ударили ладонью левой руки о землю.

Возможно, что этим они изображают удар молнии, — огня, падающего с небес.

Люди эти необыкновенно молчаливы. Они могут сидеть долгие часы без движения и мрачно смотреть на огонь. С удовольствием узнал бы я, что делается в их примитивном мозгу в течение этих долгих периодов молчания.

Лежа на своих носилках, я мог спокойно наблюдать за их деятельностью. Они искусно разделили на четыре части оленя и жарили окорока.

Прежде всего, они очистили кости с мозгом; выпекли их на огне, разбили камнем и высосали, как лакомство, их содержимое. Они с удовольствием ели горячий мозг. К сожалению, я убедился, что они имеют общую с эскимосами северную привычку — пожирать сырым содержимое желудка убитого зверя.

Ели они медленно, основательно разжевывая пищу сильными челюстями. Зубы их были белы, а клыки сильно развиты. Они молча подали мне часть внутренностей, которые еще дымились, но я отстранил их с выражением отвращения. Тогда они принесли мне кусок полуиспеченного, обгорелого и покрытого пеплом мяса. Я быстро, с жадностью голодного, съел его.

Тело дикарей было покрыто седым инеем от осевшего тумана, шкуры покрыты росой и дикая путаница волос пропадалась влагой.

Их черные ступни были твердыми и нечувствительными, а множество полузаживших, скрытых шерстью язв доказывало их равнодушие к физической боли.

Самым симпатичным из всех был молодой дикарь менее зверского обличья. Его глаза были спокойны. Ел он с меньшей жадностью, чем остальные.

Когда туман стал сгущаться, троглодит перебросил черную бахромистую шкуру через оба плеча и скрепил этот плащ при помощи сухой оленьей жилы с двумя деревянными шпильками на концах, которые он протащил через отверстие, провернутое в куске оленьего рога.

Подобные куски костей и рогов я видел часто в музеях. Эти куски изукрашены разными изображениями зверей и ошибочно обозначены как знаки начальнической власти. Это не что иное, как запонки и застёжки.

Мои дикари носили с собой запас больших кремневых стрел просто за поясом, сделанным из высушенных кишок. Копья их кончались обломком, высеченным из кремня или агата, острым, как бритва, прикрепленным к ивовому древку крепким переплетом из сухих жил. У одного из дикарей был каменный молот. Другой, имевший особенно страшный вид, косматый великан, покрытый струпьями и рана-

ми, засунул себе за пояс нижнюю челюсть пещерного медведя. В сильной и искусной руке она, вероятно, должна была представлять страшное оружие.

Не имея до сих пор случая познакомиться с их изделиями и образом их жизни, я не решался точно определить степень и тип их культуры. Но все же мое научное любопытство было возбуждено. Я ждал с нетерпением увидеть их быт и нравы.

Достаточно насытившись, охотники взяли носилки и остатки мяса, после чего энергично двинулись вперед. Носилки начали снова свое однообразное качание.

Влажность тумана пронизывала меня. Я дрожал от холода и лихорадки, которую вызывала у меня боль в колене. Несмотря на это, все же от меня не ускользала ни одна подробность этого странного путешествия.

Два или три раза с шумом вылетали почти из-под самых наших ног стада куропаток. Охотники не обращали на них внимания. Как я потом убедился, они вообще не бьют птиц.

Мы перешли через несколько потоков и несколько покрытых камнями полей. Почва тут была сухой и твердой. Болота остались у нас позади.

Я как раз думал о горе, похожей на колокол, которую я видел с гребня Красного каньона, когда мои мысли были прерваны продолжительным воем, доносившимся из мглы.

Процессия остановилась. Один из дикарей быстро исчез в клубящихся парах. Мы ждали. Потом, хотя я и не заметил никакого сигнала, мы снова двинулись в путь.

Но вот я почувствовал едкий дым горящего сырого дерева, который шел сквозь туман. На меня пахло отвратительным запахом гниющих отбросов.

Обернувшись со стоном на бок, я увидел проникавшее сквозь мглу расплывчатое сияние огня. Мои носильщики направились прямо к нему.

Вдруг из-за серой завесы выступила песчаниковая скала. Верх скалы образовал в нескольких метрах над землею навес. В нише горел огонь. Несколько странных, покрытых шкурами фигур, сгорбившись, сидели вокруг тлеющих ветвей.

Увидев нашу процессию, они остались равнодушными. Два-три лица обратились в нашу сторону, и я заметил угрюмый свет в их суровых глазах.

Мы продолжали наш путь. Но вот носильщики споткнулись о какое-то препятствие. Это были огромные кости, выбеленные, обглоданные, громадные кости ужасных тварей, остатки диких пиров. Почва была усеяна черными пятнами старых огнищ. Звериные черепа глядели на нас своими пустыми глазницами.

Едва огонь, горевший под навесом, исчез, как впереди, сквозь туман, засветилось новое сияние. Мы шли вдоль скалы, загибая вокруг острых углов и обходя громадные камни, когда-то свалившиеся с гор.

Нам встретилось снова несколько фигур, на этот раз согнувшихся под разостланными на камнях кожами.

Загурчал ручей. Между голышами тек неглубокий кристальный поток, и от его холодной воды поднимался пар. И хотя мои носильщики выполнили трудную дорогу с действительно тяжелой ношей, они не казались усталыми.

Проворно перескакивали они с камня на камень, поднимаясь каменистой дорогой в пору, — и свет приближался. Мы подходили к какому-то оживленному центру.

Скала склонялась к земле уступами, и у самой земли виднелось низкое и темное отверстие пещеры. Около него горел огонь, окруженный вооруженными охотниками. Изпод свода пещеры лениво выползал едкий дым.

Мы остановились, и носилки опустили на землю. Мои провожатые разошлись. Только двое из них — старый великан с медвежьей челюстью и молодой воин в волчьей шкуре — остались около меня. Они обменялись несколькими непонятными словами. Но тут легкими тихими шагами со всех сторон стали подходить дикие охотники.

Молча и нахмурившись осматривали они меня. Слышалось ворчание, в котором чаще всего раздавалось слово «могак». Но охотники не занимались мной долго. Скоро они равнодушно разошлись.

Но вот опять кто-то приближается ко мне. Идет быстро и с мягкими движениями. Это молодая женщина.

Она эластична и стройна. Ее бронзовое тело, закутанное в черный мех, гибко, как тело хищного зверя. Надетое на нежную шею ожерелье из конских зубов и обломков нефрита, нанизанных на оленью жилу, издает треск при каждом ее движении. Ее левое плечо татуировано рядом черных точек. Длинные иссиня-черные волосы в диком беспорядке спадают на низкий лоб и на молодую бронзовую грудь.

Чисто женским движением отбрасывает она с горящих глаз пряди жестких кудрей. Я вижу лицо, которое, к моему удивлению, улыбается.

Ее глазные впадины меньшей величины; скулы выступают не так сильно; раковины ушей прилегают к голове и нежны; волосы на лице подобны легкому золотистому румянцу; зубы иссиня-белые. Я хорошо вижу их, так как девушка смеется. До сих пор я еще не видел улыбки у жителей этой страны; не видел я ее и после ни у кого, кроме детей.

Тепло этой неожиданной улыбки согрело меня.

Я тоже улыбнулся и невольно посмотрел на своих сторожей. Но те не обращали на нас внимания. Один из них испытывал пальцем острие стрелы, другой уселся на камень и, казалось, дремал.

Девушка склонилась надо мною. Поток непонятных звуков полился из ее широкого улыбающегося рта.

Речь странная, как я уже говорил, произносимая как будто с напряжением. Когда я прислушался, мне показалось, что в ней слышится подражание звукам природы: шуму и стону ветра, голосам зверей, журчанию воды, треску огня.

«Мо-гак! Мо-гак!» — повторяло дикое создание.

И тут же я вспомнил слово, — слово, которое знакомым звуком ударило по слуху, — «Каманак!» — загадочное название в письме Алексея Платоновича.

В голове моей закружились сотни странных мыслей. Здесь я на пороге разгадки тайны. Я поднялся на локоть и сказал, стараясь подражать странному акценту ее речи:

«Р-тору! Р-тору!»

Она развела руками от удивления и громко засмеялась, почти без устали повторяя: «Р-тору! Р-тору!..»

При этом она начала ходить кругом, подражая тяжелой ходьбе и показывая с таким искусством качающийся и свертывающийся хобот, что я вскрикнул от удивления.

«Но ведь это мамонт! Это мамонт!» — и опустил на свои носилки. Мое болезненное движение обратило внимание смеющейся девушки на то, что я ранен.

Она снова наклонилась надо мною и моментально угадала поранение колена. Нахмурившись, она погрузилась на несколько времени в размышление.

Мне было любопытно, что она придумает. Но она тотчас же вернулась к прежнему беззаботно веселому состоянию.

Показывая на себя, она повторила несколько раз: «Каму! Каму!», пока я не понял, что этим именем она называет себя.

Тогда я, оглядываясь кругом, как бы ища какой-то предмет, с ударением выговорил мистическое слово, которое так пугало нас в наших снах:

«Каманак».

Каму поняла. Она развела свои бронзовые руки, описала ими круг, показала в туман во всех направлениях, а потом очень торжественным движением коснулась земли.

И я понял, что первобытное племя диких охотников так называет эту заколдованную страну.

XXIII.

Хотя люди этой страны находятся на очень низкой ступени человеческой культуры, том не менее, речь их, кроме какого-то особенного напряжения при произношении, при всей своей примитивности, далека от криков животных. Очевидно, что, хотя тут и имеются признаки неандерталь-

ской расы, но все же жители Каманака стоят в своем развитии ступенью выше.

Каму охотно продолжала бы взаимные объяснения, если бы высокий троглодит, одетый в черный мех, какой я несколько раз уже видел здесь, не помешал нам.

Троглодит этот имел такое волосатое лицо, что только два раскаленных угля его глаз светились оттуда. Он молча дал знак; носилки поднялись, и мы вошли в пещеру. Каму шла около меня.

Ручей вытекал из пещеры, оставляя лишь узкую полоску для прохода. Когда мы вошли, нас охватил тусклый полумрак. Здесь было тихо, безветренно, тепло. Пещера тянулась вглубь, выбитая водой в черном миоценовом песчанике.

Процессия двигалась по мягкому красному песку. Свет огня делал стены кроваво-красными. Под сводами ее стлались облака дыма. Свод этот постепенно повышался. Коридор расширялся в просторный зал с высоким потолком. Источник пропадал где-то в стороне, в глубокой и узкой расщелине между камнями.

Кругом костров сидели здесь группы диких нагих фигур. Они жарили мясо, испускавшее острый запах. Одни из них обивали куски кремня. Другие выскребивали кожу каменными скребками. Женщины, и старые и молодые, носили топливо; старые имели ужасный вид. Их поседевшая шерсть, лохматые волосы, отвислые груди и звериные, обезображенные возрастом лица, — все это придавало им вид призраков. Голые ребятишки о криком бегали друг за другом и дрались.

Я молча осматривал это местопребывание троглодитов, когда мои носильщики проходили мимо многочисленных углублений, небольших боковых пещер, где на сухой траве, мху или шкурах, скрючившись, спали едва различаемые в полумраке человекоподобные существа.

Дети, как только увидели нас, перестали драться и сбежались с громким криком. Они стали скакать кругом нас, как грязные чертенята, смело ощупывая меня и храбро размахивая предо мною небольшими молотками и копья-

ми, которые сделали для них старики. Вскоре образовалась из них целая процессия.

Каму никак не могла отогнать этих назойливых зверенышей. Шутя она трепала их за волосы так, что они издавали пронзительные крики, или угощала их такими хорошими шлепками, что спина у них гудела.

Так прошли мы через все обширное пространство пещеры, пока не подошли к отверстию нового коридора, ведущего в недра скалы.

На пороге этого коридора дети, охваченные каким-то страхом, совершенно покинули нас. Через несколько шагов осталась сзади и Каму.

Мрак поглотил нас, но теперь мы направлялись к огненной точке, появившейся в глубине скалы. Песок тихо хрустел под ногами носильщиков. Потом я увидел небольшой огонек и неясную фигуру, сидевшую около него.

Носилки были положены около самого костра. Оба носильщика молча и с непонятной поспешностью отошли в сторону.

Я пытался пронизать взглядом царивший полумрак. Так длилось две-три секунды, и потом я увидел какой-то ужасный призрак. Он сидел здесь, наклонившись, неподвижно, как бы оцепенелый.

Это был старый-престарый дед, побелевший от старости; сильно всклокоченные волосы и борода заставляли только предполагать о звериных чертах его лица. Его обнаженное тело было подобно скелету, обтянутому пергаментной кожей; весь он был сморщенный, маленький.

Среди путаницы волос, спадавших на лоб, светился один страшный глаз, который неподвижно уставился на меня. В широком пространстве вокруг костра были разложены всевозможные странные вещи: блестящие друзья лилового аметиста, прозрачные, как вода, кристаллы, странного вида раковины, коренные зубы мамонта, окаменелые аммониты, рога, — одним словом, вещи, способные привлечь к себе любопытство ребенка или дикаря.

В эту минуту все мое внимание обратил на себя один неожиданный предмет. То было металлическое кольцо око-

ло семидесяти сантиметров в диаметре. Я с удивлением рассмотрел его. Очевидно, оно не было из наших вещей. Может быть, это была одна из частей машины Алексея Платоновича?

Но разрешить эту задачу нечего было и думать, так как устремленный на меня страшный глаз все время вызывал во мне чувство невольной жути.

Меня притащили сюда, как на выставку, к этой живой мумии, и я должен был волей-неволей терпеть это.

Этот ужасный глаз смущал меня. Когда же я представил себе, что это старое страшилище сидит, вероятно, долгие годы в глубине этой песчаниковой скалы, в тяжелом молчании и густом мраке, который старается задушить голубоватое пламя и раскаленные уголья костра, — я начал чувствовать себя неловко. Какие примитивные мысли тлеются в этой старой голове, пока там, на воле, светит солнце, режут стада животных, бушует буря, кипит жизнь?

Это существо, очевидно, пережило уже несколько поколений. У этих людей нет еще колдунов, — ступень почитания людей им еще незнакома. Они чувствуют пред стариком только какой-то суеверный страх. И хотя они не признают — как я после узнал — никаких начальников, но все же предоставляют Одноглазому разрешать особенно запутанные дела.

И я лежал тут, с любопытством ожидая, какую судьбу уготовит мне Одноглазый.

Ползли бесконечные минуты. Потом старик сделал движение. Он склонился вперед надо мною, и я почувствовал, как холодная сухая рука двигается по моему лицу и груди.

Я вздрогнул при этом отвратительном прикосновении, но не решился оттолкнуть ее. Я чувствовал, как рука ощупывает мое горло, потом проходит по моей одежде.

Вдруг рука остановилась на кармане, в котором тикали мои часы. И такова была тонкость чувств этого старого троглодита, что осязанием он почувствовал их скрытый звук.

Прислушавшись с задержанным дыханием и трепещущим сердцем, услышал их звук и я, — услышал тиканье

Я вздрогнул при этом отвратительной прикосновении.

увеличенное, сильное, металлические удары, бегущий топот металлических копыт!

...И часы тихо оставили мой карман. Они заблестели при свете огня и улеглись в кругу между мамонтовых зубов и кристаллов аметиста.

Одновременно с этим Одноглазый испустил хрюкающий стон, хрип, ворчание. Оба носильщика послушно двинулись из мрака. Носилки поднялись, повернулись, и меня понесли обратно.

Мы прошли темным туннелем и снова очутились в центральной пещере среди шума и движения. Но меня несли куда-то дальше, в другое место.

Здесь лес толстых песчаниковых столбов подпирал своды. Мы пробирались в полумраке, так как сюда едва достигал тусклый свет костров.

Появилось отверстие нового коридора. У входа стояла и сидела группа вооруженных охотников. Они занимались резьбой на оленьих рогах.

Охотник в черной шкуре, присоединившийся к нам на пути, что-то сказал им. Они молча посмотрели на меня и молча же пропустили нас.

Коридор куда-то загигался. Лежа на спине, я заметил громадные камни, грозно торчавшие из свода. Потом я вдруг был ослеплен сильным светом многочисленных смоляных факелов, вставленных в трещины скалы.

Послышался голос:

— Кого это тащат? Кто это? Милые мои! Да ведь это-Карлуша!

Все мои друзья были здесь здоровыми и невредимыми. Я протянул к ним руки. Обернувшись, я искал и нашел побледневшее лицо Надежды и ее великолепные, блестящие от искренней радости глаза.

XXIV.

Мы заключены в недрах скалы. Нашей тюрьмой служит круглая пещера с теряющимся во мраке сводом. Большой костер горит в нише, и дым выходит через трещину. Около стены приготовлены постели из мха и шкур. Факелы, всунутые в трещины, наполняют диким красным пламенем эту песчаниковую тюрьму. Здесь проводим мы бесконечные печальные дни.

За входом зорко наблюдает вооруженная группа троглодитов. Мы же совершенно безоружны. Никто из нас не смеет сделать шага в центральную пещеру.

Шесть арестантов жмутся здесь на шкурах, — шесть, так как с нами здесь и... Алексей Платонович.

Он сидит тут на камне, — маленький, худощавый человечек с физиономией Адольфа Менцеля. Надежда неясно улыбается ему и говорит мне просто:

— Это дядюшка Алексей!

Изобретатель одет в лохмотья кожаной одежды и в авиаторскую шапочку.

Надежда, пересиливая волнение, шепчет мне:

— Он очень, очень болен...

Алексей Сомов, очевидно, страдает душевной болезнью. Он сидит, улыбается, глядит в огонь и лепечет, как дитя:

— Да, да, — да, да.

Его болезнь — амнезия, потеря памяти. Выражение его лица усталое, с оттенком саркастической усмешки; один зрачок сужен, другой — расширен. В его глазах — отсутствие какой бы то ни было мысли.

— Ваш дядя страдал частыми припадками головной боли?

— Ужасными, — ответила Надежда. — Иногда он не мог работать по целым дням. Почему вы спрашиваете об этом?

— Мне известен случай, когда амнезия произошла от употребления антифебрина против головной боли.

Взгляд серых глаз Надежды с выражением глубокого сострадания остановился на больном.

Несчастный профессор! Его сумасбродная экспедиция кончилась, когда воздушная машина была сбита вихрем с дороги над материковым льдом и его занесло в полную тайн область Каманака. Алексей Платонович покинул свой аэроплан, и все, что потом случилось, покрыто непроницаемой тайной.

Троглодиты взяли в плен несчастного старика, но не сделали ему вреда. Как и все дикари, они чувствовали таинственный ужас перед душевнобольными.

Прошлого для него не существует. Он ничего не знает о своей прежней жизни. Не узнает Надежду. Он совершенно забыл про все, даже забыл про свою машину. А как раз эта чудесная машина начинает приобретать в наших глазах огромное значение. Нельзя ли бежать на ней из этой заколдованной страны?

Но где же эта машина? Может быть, ее разбили троглодиты, а, может быть, она лежит где-нибудь забытая, предоставленная порче и разрушению.

Ничего не кажется нам проще, как исправить машину, сесть на нее и выбраться из окружающих нас опасностей. Дайте заключенному самую маленькую надежду выбраться из заключения, и он судорожно ухватится за нее, хотя бы это граничило с безрассудством.

Прежде всего, нам необходимо выйти из пещеры, которая нас душит. Мы должны добиться свободы действия. Долгие дни тянутся отчаянно. Мы нервно ходим взад и вперед, как звери в клетках, или же сидим, согнувшись, без единого слова, погруженные в тяжелые думы.

Мы спим или делаем вид, что спим. И вдруг нас снова охватывает прилив энергии. Мы устраиваем собрание и энергично совещаемся. Мы придумываем сотни способов, как выйти отсюда, и тотчас же снова их отвергаем. наших тюремщиков много, а нас мало. Фелисьен все время твердит, что некоторые из их стрел отравлены ядом...

Что, собственно, думают троглодиты сделать с нами? Убить нас при каком-нибудь ужасном торжестве? — мы буквально ничего не знаем.

Одно только ясно, что все наши попытки добром добиться свободы, договориться с троглодитами, все попытки сойтись с ними разбиваются о мрачное равнодушие дозорных. Остается только выжидать с покорностью судьбе.

Фелисьен принялся за лечение моей раны с неподдельным, искренним состраданием. Он прикладывал без усталы холодные примочки, делал врачебный массаж, и я надеюсь, что через несколько дней буду в состоянии ходить.

При этом Фелисьен имеет общинную помощницу — Каму. Эта красивая дикарка свободно, без препятствий, приходит и уходит, навещая нас в тюрьме. Все ее необыкновенно полюбили, а особенно Фелисьен. В шутку он называет ее Венерой из Брассенпуи — по известному вырезанному из кости женскому торсу, играющему большую роль в анналах палеонтологии. Действительно, Каму — Венера среди остальных страшных фигур.

Каму с преданностью льнет также и к Надежде. Обе девушки ухитряются понимать друг друга и оказывать друг другу любезности. Трогательно видеть, как молодая дикарка с благодарностью принимает нежные слова и ласку.

Каму приносит нам самые разнообразные лакомства: чернику и грибы, известные ей съедобные корни, очень ароматичные и нежные; кедровые шишки из прошлогоднего запаса. Она снабдила нас искусно сплетенными корзинами и посудой из оленьих черепов. Надежде принесла она ожерелье из зубов и несколько мягких шкур.

Она приводит иногда с собой какого-нибудь из тех маленьких чертенят, которые наполняют визгом центральную пещеру, согнувшегося под основательной вязанкой дров. В воде у нас нужды не имеется. Небольшой чистый ручей вытекает из задней стены наших сеней и теряется в какой-то трещине.

Каждый день к нам входят два диких охотника с кусками кровавого мяса. Они кладут его на камень и молча уходят.

Фелисьен с Надеждой занимаются стряпней, а мы молча смотрим. Так проходят наши дни...

Хотя научная экспедиция Снеedorфа потерпела на этом острове крушение, но это не отняло сил у ее начальника. Он нам придает бодрости. Энергия этого старика удивительна.

Я рассказал Снеedorфу о Сиве. Он был взволнован. Он не ждал такой низости от своего спутника, но думает, как и я, что судьба Сива решена. Мы не говорим больше о нем.

Есть тут еще Эква. Толстый инуит одержим одним постоянным страхом: у него засела в голове мысль, что его убьют и съедят. Чуть живой сидит он, свернувшись в углу пещеры. Он день ото дня худеет, — и это уж скверно.

У Надежды нет здесь ее верного сторожа. Гуски погиб при нападении на лагерь. Он с воем впился в горло дикаря, схватившего Надежду. В этот момент другой дикарь пронзил его копьем. Троглодиты, не зная домашних животных, сочли Гуски за волка и поступили с ним, как со всякой другой добычей: испекли его и съели.

Дни идут однообразно одни за другими. Нога моя почти уже зажила. Мы не перестаем каждый день повторять попытки добиться выхода из нашего плена. Но стража бдительна и неумолима.

Ночью — а разве у нас есть день? — когда другие забываются беспокойным сном, Фелисьен приходит к моему ложу. Он долго сидит молча и глядит на огонь, потом вдруг оборачивается ко мне, поднимает палец кверху и глухим голосом говорит:

— Машина!..

Я не отвечаю.

— Машина! — повторяет он, как упрямый ребенок, который готов заплакать. — Необходим летательный аппарат. С крыльями или без них. Моноплан или биплан. Все равно.

Я отвечаю бессвязным бормотанием.

— Возможно, — говорит Фелисьен, как бы про себя, — что такая машина скрыта здесь где-нибудь за углом. Готова для нас. Только лететь. Сесть, взять руль...

Это начинает допекать меня. Я сажусь против Фелисьена.

— Ну, к чему все это ? Разве ты не видишь, что это пахнет навязчивой идеей. Вдобавок, что тебе далась эта машина? Сумеешь ты управлять ей? Знаешь ли ты, что она годна для полета? Знаешь, сколько она поднимает людей?

И когда я уже думаю, что милый француз совершенно уничтожен потоком моих слов, я нахожу, что ему не повредило бы и более разумное наставление. С видом очень основательного человека я пускаюсь в рассуждения.

— Если размышлять о вещах хладнокровно, мы должны согласиться с тем, что прежде всего и лучше всего надо нам найти...

Но Фелисьен перебивает мою речь с жестом безграничного пренебрежения и доканчивает ее голосом глубокого внутреннего убеждения:

— Машину Алексея Платоновича!..

XXV.

Один я в глубине души, может быть, доволен своей судьбой. Ведь Надежда все время около меня. Я понимаю, что это страшно эгоистично, но я хочу быть откровенным.

Наши разговоры с нею вполголоса продолжаются; мысли наши дополняют одна другую, и мы часто замечаем, что отвечаем на вопрос, которого другой еще не задал.

Иногда мой взгляд или тон голоса выдает меня, так как я вижу, как ее глаза в смущении вспыхивают огнем и как пробегает румянец по ее лицу.

Я уже совершенно здоров, и ко мне вернулась прежняя энергия. Теперь и я, в минуты совещаний, пытаюсь помочь нашей беде каким-нибудь советом.

Однако напрасно мы ломаем головы. Прежде, чем мы добрались бы до выхода из скалы, мы были бы уничтожены подавляющей силой дикарей.

Наше беспокойство увеличивается со дня на день.

Только Фелисьена наша судьба, кажется, не беспокоит. Он повествует о таинственном, сказочном торжестве, при котором мы будем принесены в жертву, и забавляется при этом, болтая с Каму. А Венера из Брассенпуи объясняется с ним на диво хорошо. Вид этой пары прямо великолепен. Восприимчивый француз умеет уже произносить ряд слов троглодитов.

Он приходит ко мне и с торжеством объявляет:

— Жители Каманака называются *гак-ю-маки*. Оленя называют они *дуйоба*. Воду — *сакака*. Медведь зовется *бумуба*. Бумуба, дружище, это будет тот человек, который не видит, что Каму — очень милое существо...

Прошло уже одиннадцать дней, как я был принесен в пещеру, а в нашем положении ничего не изменилось. Но в последний день неважное обстоятельство внезапно решило вопрос о нашей свободе.

Как бывало ежедневно, — пришла с визитом Каму. Фелисьен ожидал ее уже с приготовленным альбомом — единственной вещью, которую, по странной случайности, оставили ему дикари. Он придал девушке живописную позу, чтобы в четырнадцатый раз увековечить ее любопытный профиль. Но беспокойная Венера из Брассенпуи не стала сидеть, а подошла к нам и высыпала перед нами на пол несколько странных вещей, назначение которых мы не сразу разобрали.

Фелисьен подбежал ко мне с вопросом:

— Коренья! Ягоды?

— Ничего подобного! Погляди!

— Черт возьми! Это как будто ракета. Ее принесла Каму.

— Ну, конечно. Это из запасов автомобиля. Голубые сигналы. Магниевые мельницы. Целый фейерверк.

— Так что же! Не будем же мы здесь устраивать венецианской ночи?..

— А почему бы и нет? Попробуем. Подействуем на все чувства дикарей. Поразим их колдовством! Если они и почитают что-нибудь, то почитают огонь. Они еще не знакомы с эффектами современной пиротехники. Испытаем это,

только не спеша и осмотрительно. Уговори Каму принести завтра еще несколько сигнальных ракет.

Фелисьен, действительно, постарался и уговорил Каму достать еще ракет и фейерверков. Мы разработали план, а когда настала благоприятная минута, то взялись за дело.

В конце туннеля стояла неутомимо-бдительная группа дикарей. В центральной пещере копошилась почти вся орда. Все благоприятствовало нам.

С зажженным фейерверком в руках, непоколебимо, серьезно двинулась наша процессия к ворчащей группе с пением заклинаний.

С шипением и воем взлетели голубые огнистые полосы к своду пещеры; горсти радужных шариков разлетелись с треском и тихо и медленно падали на землю. Сильный, резкий огонь магния вспыхнул и наполнил отверстия скал ослепляющим белым светом. Затрещали разноцветные ракеты, долетая до самых отдаленных логовищ.

И среди этого адского треска и столь неожиданных разноцветных молний стоял Фелисьен Боанэ, в позе богатыря, держа в каждой руке высоко поднятый трещащий белый источник света.

Какой настал тут переполох! Троглодиты, выскочив из своих укромных углов, смотрели как окаменелые на это сверхъестественное явление.

— Каяра! Каяра! — ревели некоторые из них.

Тут одни бежали, не будучи в силах выдержать этого, другие бросались, как мертвые, лицом на землю.

Сторожа, препятствовавшие нашему выходу, исчезли, и мы направились по дороге вниз, к подземному потоку. А когда все погасло, и последняя цветная звездочка упала со свода во мрак, и снова тускло засветил горевший костер, — здесь уже никого не было, кто бы препятствовал нам.

Сумрачно смотрели на нас пораженные лица как-ю-маков, и в глазах этих существ показалось нечто вроде суеверного страха. Они молча признали за нами свободу.

Ведь мы были людьми, могущими приказывать молнии, солнцу и звездам, чтобы они сияли в глубине их скал! Мы вышли вон, и после стольких дней мрака и убийственной

"

Среди этого адского треска и молний стоял Фелисьен Боанэ.

неопределенности нас охватил свежий воздух и дневной свет. Мы были свободны.

XXVI.

Словно Гибралтар, поднимается мощная обнаженная скала из песчаника прямо с равнины. Низко летящие облака разбиваются об ее вершину.

Кажется, будто рука какого-то великана бросила этот одинокий камень через леса и реки от гор в равнину. И все это каменное образование внутри страшно изъедено, подобно каменной губке или осиному гнезду с бесчисленными ячейками. Троглодиты, населяющие каменные трещины, называют скалу Катмаяк, что означает «Большая Пещера». Позже мы определили, что Катмаяк поднимается как раз в пересечении географических линий, указанных Алексеем Платоновичем.

В течение зимы логовище это тепло, сухо и поместительно. С внешней стороны с полдюжины деревьев дают тень в летние месяцы и защищают от ливней.

Орда пещерных людей насчитывает около трехсот человек. Теперь, когда мы свободны и никто не ставит нам препятствий, мы можем хорошо осмотреть все могучее строение Катмаяка, его растрескавшиеся неприступные зубцы, его обнаженные бока и таинственные недра. Мы можем также свободно наблюдать жизнь обитателей этих скал.

Однообразно и груба жизнь как-ю-маков — палеолитических охотников. Они живут вместе, но каждый сам за себя. Обходятся они без начальников; единственно только, по-видимому, старые охотники имеют известное влияние, особенно в определении места охоты и в устройстве ловушек.

Некоторые места и предметы для них, по известным причинам, святы — табу, как у обитателей Полинезии.

Такова пещера, где сидит престарелый патриарх. Целые десятилетия не оставляет он своего логова. Это место, куда не смеют ступить ни нога женщины, ни нога ребенка. Он внушает им страх, хотя не сотворил ничего чудесного. Просто сидит один в пещере. Впрочем, дикари приписывают ему какое-то неизвестное другим знание втыкания в землю оленьих рогов.

Огонь, солнце, месяц, северные сияния служат у гак-юмаков предметом постоянного наивного почитания. Во время грозы у них является не ужас перед громом и молнией, а какая-то мрачная радость, и к бушеванию грозы прислушиваются они с видимым наслаждением. В это время они любят оставаться под открытым небом и с удовольствием предоставляют литься на них теплому летнему дождю.

Ввиду того, что они охотники, их оружие, несмотря на всю его примитивность, превосходно приспособлено для своей цели.

Больших зверей — мамонтов и носорогов — они ловят в ямы, и если окажется недостаточно острых кольев, убивают их там камнями и стрелами.

С луками обращаются с необыкновенным искусством. При помощи кожаной пращи они бросают овальные речные голыши, величиной с голубиное яйцо, с изумительной меткостью и силой.

Это вооружение дополняется каменными молотками и топорами-дротиками с кремневым острием и еще одним видом оружия, похожим на тяжелую толстую палицу, которую они бросают так же искусно, как кафры свои кири. Излюбленным и опасным оружием при личных схватках служит нижняя челюсть пещерного медведя.

Кремень и змеевик для выделки оружия, ножей, скребков и клиньев они добывают где-то в восточной части предгорья, окружающего Каманак. Это место — строгое табу.

Только мужчины, убившие определенное число оленей и мускусных быков, могут в известное, строго установленное время отправляться в эти каменоломни для пополнения ежегодных запасов.

Самым излюбленным материалом для приготовления инструментов, после кремня, являются рога оленя и клыки мамонта. Выделывая каменные инструменты, они приспособляют обломок, смотря по форме, для лезвия или зуба, острия или клина. Достигают они этого грубым сколачиванием камня заслуживающим упоминания способом: при помощи палки из слоновой кости или рога, т. е. материала гораздо более мягкого. Они бьют тяжелым камнем о палку и искусно отбивают кремневые куски.

Однако кость или рог при этом не должны быть сухими. Перед употреблением гак-ю-маки долго вымачивают их в воде. Многие из костяных предметов: одежные запонки, рукоятки ножей и долот покрыты замечательными резными рисунками зверей. Человека, птиц, огонь, солнце и северное сияние они изображать не решаются.

Домашняя утварь их крайне проста: несколько звериных черепов, служащих посудой, несколько корзин из коры и сухожилий — для диких лесных плодов.

Занятие мужчин — охота. Остальное бремя падает на женщин. Они заботятся о детях; они же готовят одежду из кожи, каковой работой заняты большую часть года.

Только женщины собирают ягоды, грибы, корни и кедровые шишки. Охотник никогда не унижится этого.

Живут гак-ю-маки обычно в одноженстве, но искуснейшие охотники имеют и по несколько жен, скорее рабынь.

Молодые охотники каждую весну умышляют девушек из соседней орды. Если при этом их схватят, то предадут смерти без милосердия. Если же они исполняют это искусно, — никто не имеет права требовать его живую добычу назад.

Во время таких экспедиций они поступают с животной простотою. Выследив несчастную девушку, когда она собирает вместе со старыми женщинами ягоды, они оглушают ее палкой и уносят с собой полуживой.

Мужчины проводят большую часть дней в охоте. Зимой и весной охотятся они в лесах на юге, летом — в северных тундрах. Когда они идут на продолжительную охоту на север, то изготовляют нечто вроде палаток, скорее ширм, в защиту от холодных ветров и дождей; ширмы эти из гру-

бой кожи и нескольких палок, которые охотники и захватывают с собою при экспедиции в безлесную тундру.

Все свободное от льда пространство заселяют три орды: одна в Катмаяке, другая в песчаниковом каньоне реки Надежды, третья в горах на юго-востоке.

У такого исключительно охотничьего народа существуют точно определенные правила охоты. Так, кто первый убьет или ранит зверя во время общественной охоты, имеет исключительное право на его кожу, рога, внутренности и мозг. Потом уже все участники делят поровну, мясо.

На охоте гак-ю-маки отличаются беспримерным хладнокровием и отвагой. Им много помогают их отличное обоняние и зрение. Я видел, как они чутьем ищут зверя, с ноздрями, обращенными против ветра, наподобие пойнтеров.

Они умеют ползать, как хищные животные и, спрятавшись, со стрелой, приготовленной к стрельбе, выжидают добычу целыми часами, не обращая внимания на голод и жажду. Вскоре, в первые же дни нашей свободы, мы имели случай наблюдать, что это за люди и как они презирают смерть и опасность.

Мы как раз возвращались в пещеру, когда увидели в поселке большое волнение. Троглодиты оставили свои норы. Несколько диких существ бежало около нас, махало копьями и хрипло рычало. Мы быстро направились за ними. Загадка объяснилась: пещерный медведь, привлеченный, вероятно, запахом свежих отбросов, осмелился добраться до самого Катмаяка.

Толпа дикарей обступила пришельца с вызывающим криком и образовала около него сомкнутый круг. У мужчин были копья, стрелы и молоты. У женщин и детей — камни и дубинки. Медведь мотал головою, не зная, с кого начать. Его небольшие, острые глазки светились, как раскаленные угольки.

Вдруг наступила тишина. Троглодиты замолкли; некоторые сели на землю, другие присели на корточки.

Медведь заворчал и стал облизываться; он сопел. Тут выступил из круга небольшой коренастый гак-ю-мак. В руке

его был каменный молоток с длинной рукояткой. Махнув им, он испытал упругость древка.

Дерзко, словно дело шло о кролике, несколькими быстрыми шагами подошел он к страшному чудовищу и, прежде, чем медведь успел привстать, молот, как молния, упал на его голову.

Среди полной тишины мы ясно услышали, как треснул массивный череп. Зверь на момент затих в грозном оцепенении. Судорожное движение пробежало по его телу. Из пасти с желтыми зубами вырвался скрипучий, вдруг оборвавшийся стон. Тяжелое тело медленно скорчилось. Через кожу лба просачивалась кровь.

Вся орава несколько минут, как очарованная, смотрела на него в тяжелой тишине. Потом поднялось глухое бормотание, которое прошло по всему кругу; оно постепенно усиливалось, пока не превратилось в рычание и вой.

Женщины и дети бросились на тушу медведя. Они били и пинали мертвое тело с дикой, внезапно прорвавшейся ненавистью (эти медведи часто хватают в лесу женщин, детей и дают их). Мужчины спокойно приготавливали кремневые ножи.

Как-ю-маки не боятся смерти. Смерть для них нечто само собою понятное, естественное, даже необходимое, как сон, голод, холод. В ней для них нет ничего загадочного. Чувствуя конец, они забираются в пустую пещеру или чащу. Старых или больных людей они убивают равнодушно, одним ударом молотка.

Часто у них вспыхивают ссоры из-за места охоты между двумя ордами. Наступает короткое столкновение; бойцы получают тяжкие удары, которые они переносят с неопишимым равнодушием. Партия побежденных относит свои ширмы в худшую охотничью область.

Как я уже сказал, это — понурые, молчаливые создания, и нет ничего удивительного в такой молчаливости у людей, живущих под небом, вечно покрытом черными тучами, в стране, которую полгода наполняет бесконечный сумрак долгой полярной ночи.

Как я предполагал, так и случилось: следуя потоку, вытекающему из Большой Пещеры, прошли мы через несколько долин, и вдруг широкий горизонт открылся перед нами. Во все стороны, куда бы ни обратился взор, простиралась темная водная поверхность. Это было огромное озеро, наполняющее центральную котловину края.

Отовсюду с окружающих возвышенностей стремились сюда быстрые потоки. Среди них, в нескольких километрах от Катмаяка, впадала река Надежды. Таких темных глубин, какими были пучины озера, я еще никогда не видал. Вода в нем пресная, но с особым, немного терпким вкусом.

В этих местах озеро окружают низкие холмы, лишь там и сям поросшие редкими карликовыми лиственницами. В заливах еще держится лед от последней зимы.

Мы стали на вершине холма, смотря на север, где среди громадных неподвижных туч отражался на воде синеватый отблеск солнца. Несколько диких гусей пролетело мимо. Известный вид чаек с рыжеватым опереньем кружился над поверхностью озера и над берегом. Их хриплый голос, когда они пролетали мимо вас, звучал злобно и угрожающе.

Темные волны под нами с шумом набегали на песчаную отмель, покрывая берег пеной и уравнивая мелкий песок.

Фелисьен первый нарушил молчание.

— Прежде всего нужно окрестить озеро. Не ожидая ответа, он учтиво добавил: — «Озеро Надежды»! Это звучит' красиво и будет заметно на картах. Противоречий не допускается. «Озеро Надежды»!

Противоречий, конечно, и не было. Мы приняли предложение единогласно, а я — с воодушевлением, которое меня самого поразило. А потом молча гуляли мы по берегу этих диких строптивых вод.

Снеedorф долго не прерывал молчания. Потом произнес свое поразившее всех заключение:

— В это озеро Алексей Платонович бросил свою коробку с запиской.

— Но тогда, — вскрикнул я, — но тогда озеро Надежды должно соединяться с морем. Вода озера — пресная. Она должна, значит, иметь какой-нибудь сток! Кажется, что поверхность озера приблизительно той же высоты, как и поверхность моря.

— Несколько метров разницы было бы достаточно, — заметил Снеedorф.

— Мы должны отыскать таинственный сток! — воскликнул Фелисьен. — Алексей Платонович видел его, иначе мысль о коробке не могла бы прийти ему в голову!

— А что вы думаете о размерах этого водоема? — спросил я.

— Я намерен, — сказал он, — в ближайшее время обойти озеро и исследовать земли на севере.

— И мы пойдем с вами! Мы не оставим вас! — воскликнули мы все в один голос.

Мы основательно устроились в нашей прежней тюрьме и обставились в ней совсем по-домашнему. Шкуры убитых зверей, примитивные поделки нашего столярничанья, красиво расположенные коллекции, — все было пущено в ход, чтобы придать более привлекательный вид нашему помещению. Мы входили и уходили без всяких препятствий с чьей бы то ни было стороны.

Каму стала нашим верным другом. С трогательным постоянством заботилась она о нас.

После нашего эффектного выступления среди шумного разноцветного фейерверка, Каму исчезла дня на два, словно пропала. Потом она вновь появилась, как будто ничего не случилось, и улыбаясь болтала на своем странном языке. Но я заметил, тем не менее, как украдкой она посматривала на Фелисьена. Несколько раз она внимательно присматривалась к его рукам, из которых выскакивал когда-то ослепляющий живой свет. В ее отношении к нам осталась какая-то черточка робкого почитания.

Мы узнали, что она дочь старого, сильного, отвратительного, как обезьяна, черного охотника, семейство которого

было очень многочисленно. Само собою разумеется, что этому старику не было и дела до дочери, раз у него было достаточно полуиспеченного кровавого мяса, которое он умел очищать от костей с необыкновенным искусством. Но, тем не менее, его умение обращаться со всяким оружием и его отвага в борьбе с дикими животными были знамениты.

Много мужчин из соседних орд шаталось по лесам, чтобы подстеречь Каму. Но хитрая и смелая девушка до сих пор избегала подобных ловушек.

Видя других женщин, отвратительных и забитых работой, женщин, вечно жующих кожу, — особая процедура для придания ей мягкости — Фелисьен Боанэ часто жалел Каму, так как ее ждала та же судьба.

Только она одна и проявляла бескорыстную симпатию простого дитяти природы к белым загадочным чужеземцам. Остальные гак-ю-маки были или равнодушны, или же утрюмо-суеверны.

Троглодиты доставляли нам более чем достаточно сырой дичи, но тем дело до сих пор и ограничивалось. В ближайшие, более искренние отношения с нами они не вошли.

Однажды утром мы встретили Каму с корзиной, в которой она тащила целую грудку хорошо сваренной форели.

Это удивило нас в высшей степени. Так троглодиты умеют варить пищу! Но в чем? Их культура, как мы видели, не достигла степени знакомства с гончарным искусством.

Наконец, загадка разъяснилась. Каму жестом позвала нас следовать за нею.

На этот раз мы оставили Катмаяк, удаляясь от него на северо-восток. Здесь гладкими волнами, закругленными гребнями и верхушками заканчивался выступ возвышенности, и здесь же кончалась самая крайняя полоса сплошного леса.

Мы быстро шли с полчаса, когда увидели пары, поднимающиеся над верхушками елей и пихт громадными белы-

ми клубами. Через несколько минут мы слышали свист и шум. Мы были у цели.

Под седыми, низко плывущими облаками, в рамке темных щетинистых холмов, мы увидели загадочный феномен этой удивительной страны.

На круглой площадке поднимался розовый конус, фундаментом которого служил один из холмов.

Один над другим террасами расположились тут великолепные резервуары кристальной воды, — резервуары, окрашенные неопишимо нежным оттенком розовой краски, словно приготовленной из лепестков только что распустившихся весенних бутонов. Через края резервуаров ниспадали каскады воды, и когда на них падал луч солнца, розовыми искрами блестел весь конус.

Выше этих бассейнов находился круглый кратер гейзера. Через каждые 28 минут громадный кристальный столб кипящей воды вырывался из верхушки конуса на высоту до 15 метров. Шипя и свистя, одевался он сверху облаками горячего пара, которые относились ветром, как дым.

С шумом и треском опускалась вниз изверженная масса воды, с хлопотаньем падала из одного резервуара в другой, постепенно охлаждаясь.

Кругом главного гейзера было рассеяно с полдюжины маленьких гейзеров, отверстия которых образовали розовое кольцо. Я заметил, что два из них выбрасывали кипящую воду одновременно с главным гейзером, остальные четыре действовали в последующие паузы и выбрасывали только пары. Это были просто предохранительные клапаны, которые препятствовали всему нежному строению взлететь на воздух, как перегретому паровому котлу.

Земля во многих местах была горяча и, казалось, дрожала. Где-то внизу, в недрах земли, тяжело работали вулканические силы.

Изверженная вода стекала коротким потоком в соседнее озеро. Эти розовые террасы пользуются у троглодитов суеврным почитанием, и я не удивляюсь этому.

Выбеленные черепа медведей, насаженные на шесты, рога оленей, воткнутые в песок, мамонтовые клыки окружа-

ли фантастической рамкой эту дымящуюся кафельницу, приготовленную самой природой. Контраст, который получался от этого нежно-розового камня на темном фоне дикого ельника, производил неизгладимое впечатление.

Удивление, смешанное со страхом, которое испытывают гак-ю-маки при взгляде на дымящиеся и кипящие розовые террасы, не препятствует им, однако, в двадцати шагах ниже гейзера спокойно варить форелей и окуней в водоемах кипящей воды.

XXVIII.

Гак-ю-маки верят, что лед, окружающий их землю, простирается во все стороны на бесконечное пространство. Для них других земель и людей не существует.

Ни одного обрывка устных преданий не сохранилось у них от протекших тысячелетий, когда люди в ледниковый период были загнаны наступающими льдами с равнин Европы, Сибири и Северной Америки в Гренландию и отделены потом от них непроходимой преградой ледников.

Природа заперла здесь часть первобытного человечества. Это была ловушка, которая захлопнулась в подходящий момент. И в этой ловушке жили эти обломки старого человечества жизнью зверей, в постоянной борьбе с суровыми стихиями. Тип их не изменился нисколько, культура ничуть не подвинулась вперед. Это случилось потому, что теми же самыми оставались природные условия. А между тем там, извне, далеко за туманами, льдами и снегами, развитие человечества шло своим неустанным шагом. Разум совершенствовался. Все находилось в жестоком и жгучем кипении; кипели страсти, бурно работал мозг, изменялись судьбы отдельных рас и народов.

И если троглодиты не имели даже понятия о людях двадцатого века, словно они жили на другой планете, то и сов-

ременный человек также не знал о своих заброшенных братьях, о древней расе, которая медленно заканчивает свое существование, и ускорению гибели которой, против своей воли, содействовали мы, пришельцы.

Нет сомнения, что число троглодитов убывает. Орды постепенно уменьшаются с течением столетий.

Несмотря на то, что сотни заразных болезней, тиранящих цивилизованное человечество, не решились перейти за северный полярный круг и материковые льды, кажется, что племя гак-ю-маков близится к неизбежному вымиранию.

Их судьба свершится просто. Они исчезнут, как исчезли когда-то орды, жившие на Мораве или Дордоньи, исчезнут, запоздав на несколько тысячелетий, что слишком значительно в течении времен.

Итак, кругом Каманака — катомакунак — ледник. И это — «катомакунак» мешает белым «мо-гакам», чужеземцам, уйти туда, откуда они пришли. А с каким удовольствием они выбрались бы отсюда! Да, мо-гаки, хотя и одаренные такой чудесной силой, напрасно стараются придумать, как побороть эту преграду.

Теперь они свободны и все же в тюрьме, где их держат на этот раз не гак-ю-маки, а заколдованный Каманак.

— Что ж, — сказал я, когда мы разговаривали об этом, — не будет ли лучше попросить помощи? Попытаемся дать о себе весть внешнему миру и попросим вспомогательную экспедицию! К сожалению, у нас нет таких приспособлений, как беспроводный телеграф.

— Ну, поймает ворона, — вмешался с иронией Фелисьен.

— Конечно, так и сделаем, — сказал с укором Снеedorф.

— Хорошо, хорошо. Но лишь по чистой случайности попадет наша записка в надлежащие руки. Если же бросить бутылку в озеро, она разобьется или будет выброшена на пустом берегу. Найдут ее эскимосы, которые годами не приходят в столкновение с белыми. А ворон? Задушит его снежный сокол — вашего ворона, и я думаю, что несколько лет может пройти, прежде чем явится ваша спасательная экспедиция!

— Несколько лет! — сказала, вздохнув, Надежда.

— К тому времени мы превратимся в настоящих троглодитов. Мы будем есть сырые желудки животных вместе с их содержимым. Брр! — съязвил Фелисьен.

— Годы, много лет! — повторила девушка.

Тон ее голоса подействовал на безжалостного Фелисьена.

— Есть еще одно средство! Мы до сих пор не видели от него даже щепки. Я сомневаюсь, чтобы троглодиты не нашли остатков, если только...

— Что «если только»?

— Если сам аппарат не улетел, друзья, — добавил с грустью Фелисьен.

Как видно, Фелисьен Боанэ все еще не отказался от воздушного путешествия. Он мечтал о нем. Носился с ним и всячески испытывал Каму, свою доверенную.

Но в результате подтвердилось лишь то, что мы давно предполагали: кучка гак-ю-маков в один прекрасный день нашла воздухоплавателя на берегу озера. Он не защищался, не обнаруживая ни малейшего страха. Инстинктом диких они поняли, что этот белый чужеземец помешан. У всех диких племен искони сумасшедшие почитаются за табу. И троглодиты не тронули его. Они поместили его в теплой пещере и кормили целую зиму.

По всем вероятностям, бывший профессор физики оставил аппарат и, будучи поражен болезнью, забыл обо всем. Всякое воспоминание о прежней жизни было изглажено из его памяти. Но нужно думать, что в то время у него еще оставались кое-какие проблески сознания.

Во время таких проблесков сознания он и производил свои географические измерения; в это же время послал он и свои отрывочные, сбивчивые известия.

Но можем ли мы рассчитывать на подобные моменты просветления, чтобы использовать их? Я сильно сомневался в этом. Болезнь пока прогрессировала.

— И если бы, — продолжал Фелисьен, — если бы только одному человеку можно было лететь на аэроплане, я бы на это решился.

Целыми часами он упорно смотрел на Алексея Платоновича. Он обращался с ним, как с ребенком, которого мы желаем заставить уступить нам любимую игрушку. И хотя Надежда, как только могла, помогала в этом Фелисьену, результатов, тем не менее, не было достигнуто никаких.

Там временем гак-ю-маки перестали снабжать нас провизией, и мы должны были сами доставать себе нужное пропитание. В нашей компании были хорошие охотники, зверя было изобилие, в оружии у нас недостатка не было.

К удивлению нашему, гак-ю-маки молча вернули нам все принадлежащие нам вещи, кроме тех, какие остались в пещере их патриарха. Дикари нашли также у подножия ледника Снеedorфа разные обломки и обнаружили наше депо в предгорье.

Все эти печальные остатки нашего прекрасного дорожного снаряжения они заботливо принесли в Катмаяк. Все, кроме саней, которые, видимо, были оставлены дикарями на месте и, как мы потом убедились, были растоптаны стадом носорогов. Вещи эти не имели для равнодушных троглодитов никакого значения. Металлов и их употребления они не знали. Вдобавок они гнушались всеми найденными вещами. Даже Фелисьен не мог заставить Каму принять предложенный ей шоколад или сухарь.

Фелисьен и я страстно набросились на ружья и патроны: нам хотелось испытать охотничье счастье.

Мне было любопытно видеть, как подействует на дикарей стрельба из ружей. Но, к нашему удивлению, они выслушали выстрелы спокойно, вернее, даже с удовольствием, как бы прислушиваясь к удару грома.

Большой эффект произвели спички: чужеземцы сумели вызвать благодатный огонь — гакмачо — чирканьем не заслуживающих внимания палочек!

Окрестности Катмаяка кишели снежными куропатками. Волки же иногда приходили к самому отверстию пещеры и крали полуобглоданные кости. То там, то здесь были видны следы либо медведя либо оленей.

Каму утверждала, что в это время все олени — на севере, за озером. Мы часто видим следы эласмотериев, а по вре-

менам и целые тропы, выбитые этими толстокожими. Тропы правильно заканчивались у одного из многочисленных болот.

По всем данным, носороги, мучимые тучами комаров, забиравшихся в теплые полуденные часы и в глаза и в уши, валялись в нагретой грязи либо купались.

Нам нежелательно было встречаться с существами, исполненными такой злобы, и мы переживали неприятное чувство, когда приходилось переходить через густые заросли, где видны были борозды изломанных и вырванных с корнем кустов и ветвей.

Мы охотились, заботясь о запасах для великолепного жаркого, и троглодиты смотрели на это, как на самую обыкновенную вещь. Каждый охотится своим способом. Удивление свойственно только цивилизованному человеку.

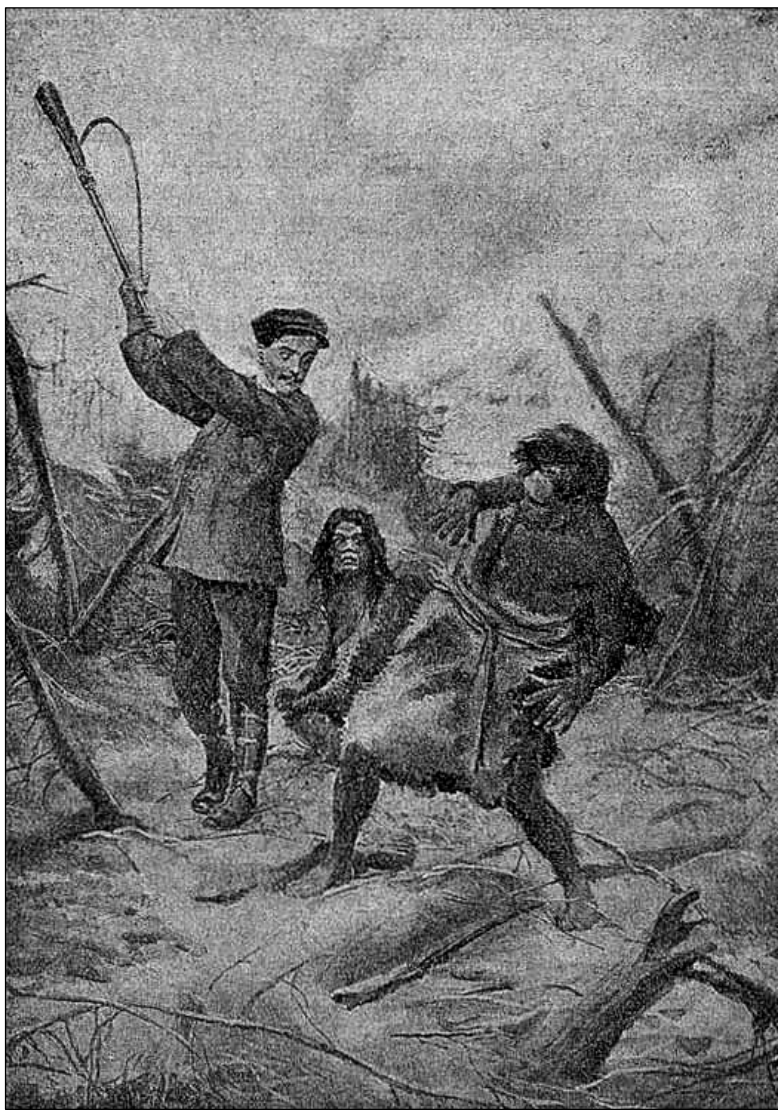
Однажды прибежал ко мне Фелисьен очень бледный и серьезный и рассказал следующее.

С утра отправился он, как обыкновенно, на охоту. Ходил далеко и безрезультатно между порослью, выслеживая какой-нибудь жирный кусок. Он шел по определенному следу, который привел его на опушку редкого кедрового леса. Внезапное движение в чаще обратило на себя его внимание. Он пригнулся, спрятался и из-за прикрытия стал смотреть, что там такое. Оказалось, что это Каму усердно собирала бруснику, не предполагая, что за ней наблюдают.

Фелисьен следовал некоторое время за ней с улыбкой и только что хотел выскочить, чтобы шутя напугать ее, как против него раскрылась чаща, и из нее появилась голова молодого как-ю-мака Восточной Орды, горящие глаза которого с хищною жадностью были устремлены на ничего не подозревавшую девушку.

Фелисьен, предвидя недоброе, оставался за прикрытием, затаив дыхание. Он видел, как осторожно подкрадывался троглодит, сжимая в руке тяжелую дубинку. Двумя тихими, хищными скачками очутился дикарь около девушки и замахнулся...

Но Каму в последний момент почувствовала что-то неладное позади себя. С быстротой молнии она оглянулась,

Француз сильно отмахнулся ружейным прикладом.

пронзительно вскрикнула и отскочила. Гак-ю-мак схватил ее за руку и снова замахнулся. Она кусалась, кричала, била его кулаками, царапалась.

Фелисьен понял, что разыгрывается здесь. Это был один из многочисленных женихов и, удайся ему оглушить девушку, он унес бы ее, как законную добычу.

Не колеблясь, Фелисьен выскочил с боевым криком. Гак-ю-мак обернулся; рука с дубинкой у него опустилась. Оба мужчины: человек неандертальский и человек двадцатого столетия стояли, глядя горящими глазами друг на друга.

Затем дубина закрутилась над головой Фелисьена. Француз отбил удар сильным взмахом ружейного приклада, ненеся ему страшный удар. Гак-ю-мак взвыл, выпустил девушку и свалился.

Фелисьен Боанэ, тяжело дыша, с минуту тупо смотрел на него. Потом обернулся к девушке. Каму смотрела на Фелисьена с выражением покорной боязни. Вдруг она упала на землю, лбом к его ногам, и осталась неподвижно лежать лицом во мху.

В смущении он поднял ее, поглядел на лежавшего врага и, увидев, что тот только оглушен, ушел. Каму послушно пошла за ним.

С того времени она постоянно следовала за Фелисьеном. Вечером, чего никогда пред этим не делала, она пришла в нашу пещеру и приготовила свою постель вблизи ложа Фелисьена, Исключительно только ему приносила она теперь лесные плоды. Только ему готовила меха. Коротко, Каму принадлежала теперь Фелисьену; она стала его женой, по обычаю страны. Он победил в бою соперника, и она принадлежала победителю. Это был простой закон в Каманеке, и никто не рещался его нарушить.

XXIX.

Один мрачный подросток по приказанию Каму поймал для нас трех больших воронов. Записки к ним мы укрепили со всевозможным старанием. Сколько надежд возлагали мы на этих злобных птиц, когда они полетели. Но разочарование наше было огромно. Они улетели на север!

Мне кажется достоверным, что застреленный у Амераликфиорда ворон был загнан туда из Каманака вихрем и против воли. Могли ли мы рассчитывать на подобную случайность? Но и вреда от этой попытки не будет, чтобы ни случилось!

Больше успеха обещает другой план. Для осуществления его предприняли мы несколько систематических экскурсий по берегам озера Надежды.

Гак-ю-маки не знают лодок. Они не умеют, как я убедился, вообще плавать, и если им необходимо переходить через воду, — делают это с неохотой и страхом.

Был в восточной части озера, между голыми холмами, небольшой залив. Берег здесь падал в глубину отвесно, и черная вода лежала недвижно, как темное масло.

Мы, может быть, прошли бы мимо залива, но именно в тот момент, когда мы уходили, на середине его поверхности стало замечаться движение воды. Мы ждали, что будет дальше.

Водоворот становился все сильнее и сильнее и захватывал, вместе с тем, все большую и большую окружность. Центр его опускался все ниже, образуя как бы воронку, и волны на краях его шумели белой пеной. Наконец, центр углубился настолько, что образовалась черная узкая дыра. Оттуда слышались хрипение, чмокание, храп, как будто воздух втягивался самой утробой земли, и эти чудовищные звуки, разлетавшиеся по печальным и тихим окрестностям озера, действовали так, что мороз пробежал по коже.

Это явление длилось около часа. Потом водоворот стал ослабевать, остановился, и поверхность воды успокоилась. Но заметно было, что она понизилась на несколько миллиметров. Явление повторялось с трехчасовыми паузами.

Здесь, следовательно, и был подземный сток озера. Сотни и сотни миль пробегает отсюда вода тайными подземными путями.

Тотчас же мы порешили воспользоваться этим удивительным явлением, как пневматической почтой.

Мы выбрали надежную консервную коробку, вложили в нее заботливо написанные сведения, герметически закрыли ее и отправились к заливу с нашей патентованной складной лодкой и длинной веревкой.

Когда мы оборудовали челнок, я вошел в него и оттолкнулся. Легкими ударами пары весел я удалялся от берега. Водоворот начал действовать с математической точностью. Мои друзья на берегу медленно отпускали веревку. Я уже видел пред собою движущуюся поверхность воды.

Вследствие оптического обмана мне казалось, что меня несет в противоположном направлении с бешеной быстротой.

В эту минуту центр мальстрема достиг своей бешеной быстроты вращения; послышалось хрипение; некогда было размышлять. Выпрямившись, я бросил коробку изо всей силы в водоворот. Тотчас после этого меня подтянули к берегу. С бесконечным облегчением поспешил я вместе с другими на вершину холма.

Мы следили за блестящим предметом, как он, бешено кружась, близился к жерлу и среда хрипения, писка и рева молниеносно был втянут в пучину.

Молча возвращались мы домой. Алексей Платовович, которого нарочно мы взяли с собою, проявлял полное равнодушие к нашей затее. Никаких воспоминаний о том, что он проделал когда-то то же самое, не осталось в его ослабевшем мозгу.

В этот день наше задумчивое настроение уже не прояснялось; каждый занимался своими мыслями, а они были, очевидно, невеселы.

В следующие дни, пока Фелисьен бродил с Каму по лесам, мы лихорадочно отдались серьезному делу под управлением Снеedorфа.

Исследователь приводил в действие все научные приборы, возвращенные нам гак-ю-маками. Барометрическая и магнитная обсерватории, поставленные на подходящем месте у озера, работали безукоризненно. Тригонометрические измерения мы производили со всевозможной тщательностью, и необходимо тут воздать честь Надежде, ставшей для нас незаменимой помощницей. Я начал составлять геологическую коллекцию, в силу привычки, так как было очень сомнительно, что мне удастся когда-нибудь поместить ее в залах музея.

Но если мы вернемся, наше пребывание в этом поразительном затерянном мире будет не без пользы для науки. А в альбоме Фелисьена будет заключаться обильный, ценный этнографический материал.

Попутно с этой деятельностью мы развивали и другую. Мы решили не полагаться на помощь извне и приготавливались, как можно лучше, к смелой экспедиции к берегу океана через льды Гренландии. Мы собирали в нашей пещере пищевые запасы, меховую одежду; лыжи были уже готовы.

Надлежащий запас горючего материала — жира, — мы добывали из одного богатого жиром сорта озерной рыбы. Олений пеммикан сушился на длинных перекладах.

Если не удастся нам закончить приготовления к осени, мы должны будем перезимовать в Каманаке, так как на высоте материкового льда зимой царят невозможные условия.

XXX.

Приготовления наши к путешествию были прерваны совсем неожиданно. В Каманаке наступило большое движение. Троглодиты стали что-то копошиться. Выяснилось, что орде пришло время оставить Большую Пещеру, чтобы идти на север. Наступал период Больших Охот.

Дикари должны запастись на зиму шкурами, и как раз теперь кожи оленьих телят этого года наиболее удобны для обработки. С этой же стороны приносят гак-ю-маки с собой запасы сушеного мяса на зимний период.

Мы совсем не думали принимать участие в этой охоте, но Каму объяснила нам, что на это время положительно никто не смеет оставаться в Каманаке. Таков закон.

Старые и больные, неспособные к походу, спокойно устраниаются тем простым способом, о котором я уже говорил.

Мы могли бы это время жить в палатке, помимо пещеры, но нам было решительно дано понять со стороны гак-ю-маков, чтобы мы шли с ними. Мы не хотели восстанавливать против себя племя и поэтому согласились.

Наше путешествие, благодаря этому, откладывалось до будущей весны. Зима запрет нас в Каманаке. Но с тем большим вниманием dokonчим мы приготовления, и кто знает, не встретимся ли мы весной с какой-нибудь вспомогательной экспедицией, вызванной нашими сообщениями.

На Большой Охоте представится нам также возможность исследовать северную часть страны. Фелисьен на этот раз также не делал возражений. Итак, мы с покорностью судьбе приготавливались к Большой Охоте.

За два дня до выступления в поход мы увидели, что все женщины, дети и подростки молча оставили по данному приказу свои пещеры. Волосатые охотники собрались в центральной пещере. Пришла Каму и увела Надежду. Мы, мужчины, могли оставаться.

Троглодиты были в полном вооружении и торжественно разрисовали себя охристой глиной, начертив на груди и плечах целую систему коротких и длинных параллельных линий. Когда же самый старый охотник — отец нашей Каму — убедился, что все налицо, мы отправились внутрь скалы. Коридоры мне показались знакомыми, — угадали их и остальные. Сюда всех нас, кроме Надежды, таскали в темную пещеру патриарха.

Когда мы вошли, огонь блестел голубоватым светом и неопределенный силуэт, подобный фантому, выдавал присутствие неподвижного старика.

Мы сели на землю около него, в кругу, держа наготове скю оружие. Сидели мы так в тяжелом молчании долгое, бесконечно долгое время, не делая ни малейшего движения, в полной, непроглядной, чуть не в крошечной тьме, так как скоро огонь был погашен. Слышно было только прерывистое дыхание троглодитов.

Сначала несмелое, потом все усиливающееся рыдание вырвалось из темной пещеры, из какого-то затерявшегося изогнутого коридора или расселины. Оно пробиралось к нам потихоньку, как чудовище; с хрипением завывало, как умирающий зверь, и затихло.

Я чувствовал, как Фелисьен рядом со мной дрожал от волнения. Сам я был также сильно взволнован. Звук этот неизгладимо врезался мне в память, но он был так своеобразен, что я не в состоянии описать его. Я убежден, что это было завывание скрытого в глубине скалы потока.

В этот момент один из гак-ю-маков высек огонь. Как только трут воспламенился, все мы ударили, согласно предписанию, кулаком о землю. Небольшой огонек вступил в отчаянную борьбу с тяжелым мраком, который, казалось, наваливался на него из углов пещеры.

Тут патриарх, сидевший в середине, начал бормотать. Он ворчал, как росомаха, ревел как медведь, издавал звуки ревущего оленя.

Троглодиты слушали, очевидно воодушевляясь, с оскаленными зубами, уставив в огонь свои блестящие глаза. Они отвечали еще более громким ворчанием. Но вдруг сра-

Вспыхнуло светлое пламя и озарило таинство пещеры.

зу затихли, и кто-то, трудно различаемый в полумраке, встал и что-то бросил в огонь, — скорее всего, это был жир.

Заискрился, затрещал, дымно запылал костер; вспыхнуло яркое пламя и озарило таинство пещеры. Всюду кругом появились на стенах большие изображения зверей. Были здесь мамонты, олени, дикие лошади. Картины были вырезаны на стенах твердым инструментом и обведены черной краской и охрой. Они отличались той живостью, которая является характерной чертой произведений палеолитических охотников.

Но вот кто-то набросил на огонь мокрую кожу. Картины исчезли; тьма поглотила их. Остался лишь тлеющий огонек. Мы встали и в том же порядке вышли из «Пещеры Образов».

Я догадываюсь, что гак-ю-маки приписывали этому примитивному обряду какое-то магическое влияние на результаты наступающей охоты. На стенах нарисована лишь та дичь, на которую бывает охота. Ни одного хищника. И пещера есть строгое табу — святыня, место, куда имеют доступ только взрослые охотники.

После этого входы в Катмаяк были завалены камнями и заложены стволами деревьев, чтобы не вздумалось там поселиться медведям и росомахам.

Одноглазый троглодит остался в «Пещере Образов» в одиночестве, в темноте и гробовой тишине, с пищевыми запасами, положенными около него на расстоянии руки.

Мы выступили в путь неприятным, сумрачным днем. Гак-ю-маки шествовали, вооруженные запасами копий, стрел и молотков. Их жены тащились, как выючные лошади, с визжащими ребятишками, с шестами для палаток, с голышами для пращей и о остальной утварью.

У нас было оружие, запас патронов, палатка и складной челнок. Несчастный Эква прямо-таки исчезал под горой багажа.

Орда направилась к востоку вдоль берега озера. Мы снова увидели султан пара над розовыми террасами и услышали шипение и свист гейзера. Через два часа после этого мы достигли пустынной, однообразной местности.

Край был слегка волнист и покрыт сухим ковром лишайников. Ни одного кустика не было видно на обширном пространстве. По левую сторону уходила вдаль черная линия озерных вод. Конус Катмаяка начал скрываться в туманах южного горизонта и вдруг пропал.

В этом бедном краю животные были чрезвычайной редкостью. Только дважды видели мы вдали олени стада. Но снежные совы да пеструшки появлялись все чаще и чаще. В некоторых местах маленькие грызуны изрыли вокруг всю почву своими норами.

Они виднелись всюду, стоя на задних лапках у входа в норы, толстые, выкормленные, и хотя снежные совы хватили их то и дело, казалось, что их не убывало. Каждое мгновение проваливалась у нас почва под ногами.

Женщины набили множество этих зверьков, доставивших орде желанную и приятную перемену пищи.

Мы разбили лагерь под открытым небом. Было полное отсутствие ветра, и мы не поставили даже палатки.

После двенадцатичасового отдыха орда пустилась в дальнейший путь. Молодые охотники по временам уходили в сторону и возвращались с какой-нибудь добычей.

На третий день увидели мы на севере столб дыма. Гакю-маки рассматривали его с вниманием. Это был сигнал.

И наши люди тотчас же развели огонь и покрыли его слоем сухого лишайника, отчего образовался густой, высоко поднявшийся кверху дым.

Через полчаса после этого прибыл к нам маленький троглодит, принадлежавший к Восточной Орде; за поясом у него торчало метательное древко. Он пробыл у нас некоторое время, сидя у огня и обгрызая окровавленную кость. Оглядев нас без особенного любопытства, он ушел.

Восточная Орда шла почти на одинаковой высоте с нами, так что мы могли видеть дым ее костров, но орды держались особняком.

Мы перешли через несколько речек и ручьев и пересекли несколько болот. Наконец, достигли северной оконечности озера Надежды.

Позднейшими походами и измерениями мы установили, что этот водоем имеет приблизительно величину Боденского озера в Швейцарии и что он расположен в виде неправильного серпа, тупые рога которого обращены на запад.

Озерные воды кишат рыбой. Прежде всего, тут водятся крупные форели с удивительно вкусным мясом, окуни с большими плавниками и потом один вид странных, похожих на щуку рыб бархатисто-бурого цвета, без чешуи, с глазами меньше макового зерна. Но и эти глаза затянуты перепонкой, так что вначале мы думали, что эти существа вообще обходятся без органа зрения. Эти рыбы живут в темных подземных коридорах и лишь иногда выплывают на поверхность.

На севере озеро окаймляется узким плоским поясом травянистой земли. Непосредственно за травянистым поясом сразу и отвесно поднимается каменный обрыв, изобретенный глубокими ущельями.

Мы не остановились на берегу озера, но приготовились подниматься вверх по одному из ущелий. Плато, на которое мы должны были взойти, и вправо и влево, куда мог хватить, глаз поднималось приблизительно на высоту 80 метров.

XXXI.

Широкую область плоскогорья занимала волнообразная холмистая степь, поросшая травой. Стада птиц поднимались из травы.

Орда разбила стоянку. Женщины искусно поставили ширмы и вскоре отправились отыскивать при помощи двух палочек коренья. Мы также поставили палатку и подняли флаг, который, весело развеваясь по ветру, означал для троглодитов, что наше имущество «табу». После короткого от-

дыха гак-ю-маки отправились на охоту. Взяв ружья, мы присоединились к ним.

Страна кишела дичью. Было что-то библейски величественное в этом спокойном крае, оживленном бесчисленными стадами.

С первого же взгляда было заметно, что рука цивилизованного человека никогда не распоряжалась здесь. Впрочем, такие же райские условия в положении животных господствовали когда-то на Миссури и в равнинах Трансвааля.

Тихо паслись разбросанные кучки карибу. На верхушках каменистых «друмлинов» расположились мускусные быки, черные и лохматые, с острыми рогами. Троглодиты зовут этих быков «гук-мул».

Старые быки, стоя на страже на самом высоком месте холма, неподвижно, с наклоненной головой и кровью налитыми глазами, осматривали далекий горизонт. Они должны внимательно следить за многочисленными белыми волками, стаи которых бегают по краю. Вдали мы видели пасущихся: мамонтов.

Вдруг земля загудела. Дикое стадо промчалось с ржанием и топотом и моментально исчезло вдали между холмами. Это были дикие лошади «така», каких видел Пржевальский в степях Джунгарии. Маленькие, коренастые, большеголовые, с жесткой стоячей гривой, шерстью пепельного цвета, с тянущейся во всю длину спины черной полосой. Зимой у них шерсть бывает длинной и косматой. В тэнингенской пещере нарисована такая лошадь стародавним палеолитическим художником.

Стадо представляло великолепное зрелище, когда оно летело мимо нас. Жеребец, который вел его, бежал с опущенной головой и с развевающимся хвостом. Остальные лошади мчались за ним галопом. Они обежали наш лагерь широким полукругом и вдруг, как по приказу, остановились и спокойно рассматривали нас. А потом жеребец зашпел, стригая ушами, затопал, — и табун унесся прочь.

Тут мы увидели, как артистически умеют обращаться гак-ю-маки с своим примитивным оружием и как ловко

пользуются подходящим моментом. Они большие любители мяса диких лошадей, сладковатый вкус которого ценится ими выше всякого другого.

Троглодиты вложили в пращи камни. Ремни закружились и камни засвистели на полете.

Один жеребец и одна кобыла упали прежде, чем успели их унести быстрые ноги. Охотники бросились на упавших, проткнули им шейные артерии и с наслаждением большими глотками пили бившую фонтаном кровь.

Дикие лошади живут в Каманаке обыкновенно табунами в пятнадцать штук, которых водит старый жеребец.

Так как они бегают к определенным водопоям в линию, одна лошадь за другой, то ими выбита в тундре целая сеть утопанных тропинок. Зимой лошади собираются табунами, насчитывающими по несколько тысяч голов. Дикие лошади и мускусные быки — это единственная дичь, которая и зимой остается на плоскогорье. Остальные животные отправляются отсюда к югу, под охрану тайги.

У троглодитов при этой экспедиции дело шло прежде всего о шкурах оленьих телят. Поэтому, загоняя их в загородки, приготовляя для них ямы, они старались больше всего набить их, пуская в ход и стрелы, и копыя, и пращи.

Но вскоре мы убедились, что олени в этой части сухой тундры сравнительно редки, и поэтому двинулись дальше на север. Степь перешла в тундру. Мох заменил собой траву. Местность получила беловатый оттенок оленьего мха.

Непрерывно одни за другими следовали пустынные холмы, овальные «друмлины» и продолговатые «камес», и опять стали встречаться ковры цветов, красных и фиолетовых, розовых и темно-синих. В защищенных местах решалась показаться на свет божий и карликовая верба.

Тысячи потоков перекрещивались между собой и соединяли во всех направлениях сеть синих озер, небольших водоемов, болот. Тучи комаров, поднимаясь над тундрой, были похожи на столбы дыма и делали пребывание здесь положительно невозможным. Мы защищались сетками против этой язвы.

В этих местах карибу были уже в громадном количестве. Но все же мы пробрались еще дальше, почти к 76° параллели, приблизительно на высоту мыса Йорка. Почва тундры была здесь, уже в нескольких футах от поверхности, вечно замерзшей. Бесконечные площади брусничника и черники давали убежище нежным куропаткам, и много медведей бродило кругом, насыщаясь сладкими ягодами.

За последним брусничником мы нашли еще лес. Да, тут были деревья, — но едва ли в фут вышиною. Узловатые, карликовые, с ползущим по земле стволу, деревья соединялись здесь в пучки, чтобы сохраниться от холода. Это целый лес вековых деревьев.

В этих широтах край переходил постепенно, но неуклонно в край тишины и смерти.

На фоне далекого туманного горизонта виднелась синевато-серая зубчатая стена. Над нею лежала белая полоса — отблеск материкового льда. Там была северная граница.

Сама природа резко напомнила нам, что мы забрались слишком далеко.

XXXII.

Мы вернулись к лагерю. Там царило оживленное движение. Всюду можно было видеть женщин, занятых обработкой кож. Скребками они удаляли с них жир, разрезали их на полосы.

Отвратительный запах распространялся по табору. Ворона каркали, пируя на отбросах. Скрытые за холмами волки жалобно выли. И дым от сотен костров в тихом сумраке поднимался к небу голубоватыми столбами.

Фелисьен все это время утопал в блаженстве. Он почти не выпускал из рук ружья. Постоянно слышались его выстрелы. Еще никогда зверь этих тундр не чувствовал на себе действия современного оружия. Фелисьен все время был

окружен толпой троглодитов, спокойно относивших в табор так легко достававшуюся добычу.

Из этой поры непрерывных охот вспоминаются мне два эпизода.

Группа охотников в десять человек, с которой я принял охотничью прогулку на северо-восточные бугры, выгнала стадо мускусных быков из оврага, где они паслись и отдыхали. Животные скачками, с удивительным искусством, взобрались наверх по крутой стороне оврага.

Главная задача при охоте на мускусных быков заключается в том, чтобы вовремя окружить хитрых животных. Быки обладают очень тонким слухом и очень быстры и пугливы. Но если неприятель покажется неожиданно и окружит их, то дело выиграно. Они образуют тогда тотчас же по своему обычаю круг, головами наружу, с телятами в середине. Этому научились они в постоянных боях с белыми полярными волками.

Сомкнувшись, с низко наклоненными головами, выкатив кровью налитые глаза, сопя, ожидают старые быки врага. И если он отважится подойти, ближайший бык делает на него нападение и, отогнав его, моментально возвращается на свое место.

Заслуживает удивления способ, как использовали гак-ю-маки этот боевой прием быков.

Хорошо зная, что их стрелы не могли бы повредить этим животным, снабженным косматой шерстью и мощным шлемом крепких рогов, гак-ю-маки пускаются на хитрость.

Один из охотников, запасшись куском кожи, дразнит намеренного быка. Но когда тот оставляет круг, чтобы броситься на дикаря, — другие охотники с удивительной смелостью и искусством накидывают быку на рога надежную петлю из кожаных ремней и в тот же момент все охотники изо всех сил начинают тянуть за ремень..

Суть в том, что несчастный «гук-мул» всегда упирается вместо того, чтобы сделать нападение. Этой минутой пользуется один из гак-ю-маков и убивает быка сильными ударами по ноздрям или ловко всаживает ему в пах копые.

Троглодит убивает мускусного быка сильным ударом палки по ноздрям.

Но на этот раз животные не образовали оборонительного круга; испуганные ружейными выстрелами, слепо бросились косматые существа вперед и лавиной обрушились на людей.

Их ряды пролетели, как смерч, и оставили несколько неподвижно распростертых на земле тел. Помощь была излишня. Через минуту дикари скончались.

Оставшиеся равнодушно оттащили их в сторону, заваляли камнями и вернулись, таща с собою единственную бычачью тушу, — всю добычу этой несчастной охоты.

Олени теперь жирны, откормлены. Назад у них отложился большой слой жира. Их бурая шерсть блестит. В тихие осенние ночи, когда звезды падают с неба, подобно серебряному дождю, слышен рев ухаживающих за самками самцов.

Гак-ю-маки выходят на них с луками. Искусный, сильный охотник в состоянии смертельно ранить оленя кремневой стрелой на самом быстром бегу. Я испытывал эти луки. Нужны сильные мускулы, чтобы натянуть их тетиву.

В один прекрасный день ветер вдруг изменился и начал дуть постоянно и равномерно по направлению к озеру. Обе орды обменялись дюжиной посольств и соединились вместе. Потом мы потянулись степью к югу. Наконец, женщины и дети, несшие кожи и запасы, спустились ущельем и устроились внизу табором.

Здесь на несколько миль в длину плато спадало отвесным обрывом, так что нависшие скалы в нескольких местах образовали обрывы.

Степь наверху высохла под лучами солнца. Охотники разбрелись по всей местности. Зажигая огни и производя шум, они в течение трех дней гоняли стада к краю обрыва. А потом, когда число стад было достаточно, зажгли траву в тот момент, когда ветер дул наиболее подходящим образом.

Степь в широком кругу занялась удушливым пожаром, и столбы едкого дыма поднялись над землей. Паника охватила стада. Мамонты трубили тревогу. Мускусные быки

ревели. Дикие лошади бросались с испуганными глазами и расширенными ноздрями. Тихие и терпеливые олени жались друг к другу, как стадо испуганных овец. Белые волки бегали в этом хаосе с опущенными хвостами, высунутыми красными языками, не делая никому вреда.

Вся эта мятущаяся масса, разбегаясь и снова сходясь, приближалась к пропасти. Слышался только треск огня. Потом тревожно заблеял олений теленок. И на этот голос, подействовавший как укол, ответило всеобщее рычание отчаянного, безнадежного смятения. Старые быки, словно взбесившись, яростно напали друг на друга.

Первые примчались к обрыву лошади. Один из жеребцов, разбежавшись, сорвался через край пропасти. Падая, блеснуло его тело. Я видел, как перевернулось оно в пространстве и упало в туманную глубь.

Остальные бежали, фыркая и дрожа, вдоль обрыва, свободной рысью, одна за другой. Но огонь алчно близился с обоих боков. По временам дым, нанесенный ветром, окутывал все. Вспыхивало бледное пламя, длинными полосами несло оно вперед, дождем искр перескакивало через промоины, подобно живому существу. Огненный круг постепенно суживался.

Животные, нагромоздившись над обрывом, поднимались на дыбы, обертывались назад, хотели бежать от пропасти, но задние, которых огонь преследовал по пятам, неодолимо теснили передних к обрыву. И в этой кишевшей и теснившейся массе поднимались, как острова, хоботы мамонтов, которые свивались и крутились, подобно гигантским змеям.

Наконец, первый карибу, теснимый сзади, был сброшен вниз. За ним последовали два-три быка. Потом настал сплошной водопад тел, которые разбивались внизу.

Раненые животные с перебитыми членами, издыхая, ревели, рычали, стонали, хрипели.

Мрачные женщины гак-ю-маков равнодушно смотрели на это страшное побоище.

Особенно грустное зрелище представляли мамонты.

Животные, нагромоздившись над обрывом, пытались удержаться.

Несчастные великаны стояли уже в дожде искр и в клубах дыма, полузадушенные и ослепленные. Матки телом защищали своих молодых. Их косматая шерсть загоралась от жара. И, наконец, не решаясь прорваться через огонь, и они последовали за другими.

Я почувствовал припадок жестокой ненависти к дикарям при взгляде на это невиданное истребление. Мне хотелось кричать. У меня захватило дыхание, когда я увидел, как падает первая жертва. Надежда, бледная, с крепко сжатыми губами, отвернула голову, чтобы не видеть всего.

Но что же делать? В первобытные времена научился человек этому простому способу охоты от пещерных гиен. Он усовершенствовал его, благодаря огню. Он прост и очень действителен. Сострадание — понятие здесь незнакомое и излишнее.

XXXIII.

Орды разделили поровну добычу последней общей охоты и разошлись без всяких церемоний.

Долгий день между тем уже клонился к концу. Солнце погружалось за зубчатый южный горизонт и пряталось все дальше и дальше. Наступила нора изумительных зорь, которые раскрашивали небо роскошной гаммой красок. Небесный купол над нами был то янтарным, то цвета мальвы и жемчужно-белым, то шафранным и лиловым. Глаза наши с наслаждением любовались этими цветными сумерками.

Теперь великая ночь уже двинулась в поход и победоносно приближалась. Во время непогоды мы беззаботно сидели в своих теплых пещерах. Мы снова взялись за работу, готовясь к отъезду.

Гак-ю-маки о нас почти забыли. Они сушат мясо и укладывают его в особые отверстия в скалах. Заслуживает упо-

минания, что некоторые пещеры сохраняют свежее мясо не испортившимся целую зиму. Но ходить в эти места нам не было позволено. Я не мог узнать, в чем кроется причина консервирующего свойства этих пещер.

Однажды мы шли сумрачным кедровым лесом. Гак-ю-мак, который нас вел, легко двигался в двух шагах впереди нас с копьём в руке и с каменным молотом за поясом. Ветер шумел в кронах кедров. Редкие снежинки кружились между стволами.

Каму выдали Фелисьену одну лесную тайну. Есть одно таинственное место — табу. Только опытные охотники знают его. Потом он узнал, что это место, куда мамонт уходит умирать, когда чувствует свои последние минуты.

Мамонтовое кладбище... Мы должны видеть его. Каму, до сих пор еще большая любимица у молодых гак-ю-маков, склонила одного из них провести туда меня и Фелисьена.

Мы старательно вооружились, наполнили мешки запасами и отправились в лес. Кедровый лес троглодиты называют «кья-мун».

Два дня уже продирались мы непроходимой тайгой, местами болотистой, полной мха и ям с коричневой водой, местами сухой, полной пожелтевшей хвоей. Мы перелезали через корни и буреломы, переходили через ручьи. Наконец, мы нашли мамонтовую тропинку. Гак-ю-мак шел в двух шагах впереди нас и, казалось, был полон мрачной заботы. Ночью мы построили себе шалаши из хвои, зажгли костер и испекли мясо. Мы предложили провожатому мяса. Он взял его, съел, но остался угрюмым и недружелюбным, как и прежде.

Кедровые шишки также созрели, и испеченные в золе орехи были замечательно вкусны.

Лес становился все непроходимей. Тропа пропала между мхами и валежником.

Мы отбрасывали целые занавеси седого усатого мха, висящие на сухих деревьях; лезли настоящим туннелем, который образовался из упавших деревьев, лежавших на холмах и скалах. Потом наш путеводитель снова нашел след —

след одинокого мамонта, пробиравшегося целиной. Куда он шел? Не был ли это старый опасный отшельник, выгнанный стадом? К такому приближаться опасно. Мы усилили нашу осторожность, приготовив оружие.

Вдруг стены оврага, по которому мы шли, расступились. Открылся широкий амфитеатр. Его боковые склоны покрывал редкий узловатый лес. Этот лес был мертв.

Не двигаясь, стояли тут ряды белых кедров, простирая, как призраки, голые ветви. И внизу, в долине, стоял такой же мертвый лес. Там и сям зияли темно-коричневые трясины.

Тут было кладбище, огромный склад костей, заполнявших долину. Можно было видеть где целые, где развалившиеся скелеты, сотни тысяч превосходных клыков, полупогрузившихся в мох, огромнейшей цены слоновую кость. Здесь лежали настоящие клады. Целые тысячелетия никто не трогал их. Гак-ю-маки никогда не пользовались слоновой костью мамонта, которого они не убили сами. Здесь царила тишина могилы.

Мы уселись на краю чащи, так как наш проводник не решался делать ни шагу дальше. Молча рассматривали мы амфитеатр смерти. Приближался вечер.

Кровавый свет вечерней зари ложился над южным краем долины и сумрак быстро прокрадывался в котловину.

И тут я увидел его. Он стоял неподвижно, как камень, у белого пня. Это был столетний исполин. Его бахрома посерела от возраста; его хобот висел вяло, и все животное казалось лишь поднятым трупом. Здесь, на великом мамонтовом кладбище, терпеливо ждал он своей последней минуты. Погнуты столбы его ног — и великан рухнет, чтобы его кости смешались с прахом предков.

Только в эту минуту заметил я черные точки на ветвях деревьев. Это были вороны, которые сидели в молчаливом ожидании... Наше любопытство было удовлетворено в высшей мере. Возвращались мы домой на этот раз другой дорогой.

И вдруг я вскрикнул так, что Фелисьен испугался. И тотчас я подал ему предмет, поднятый с земли. То был обрывок полуистлевшей пеньковой веревки.

— Откуда она взялась тут?

— Машина! — крикнул Фелисьен.

Такова же была и моя первая мысль! Возможно, что здесь мы найдем воздушную машину Алексея Платоновича.

Фелисьен уже бросился в чащу. Я последовал за ним, оживленный, полный внезапно воскресшей надежды.

Но, о ужас! Перед нами, наполовину погрузившись в мох и хвою, лежали три человеческих скелета. Их черепа были разбиты ударами молота. Остатки истлевшей одежды безошибочно говорили о том, что это были европейцы...

Я искоса посмотрел на гак-ю-мака. Троглодит отвернулся. Мне показалось, что глаза его блеснули зловещим огнем, но скоро погасли.

С ближайшего кедра спускалась веревка и обрывки шелковой ткани. Из мха торчал кусок доски, на котором виднелась металлическая пластинка. Я очистил доску. Буквы были видны ясно и отчетливо.

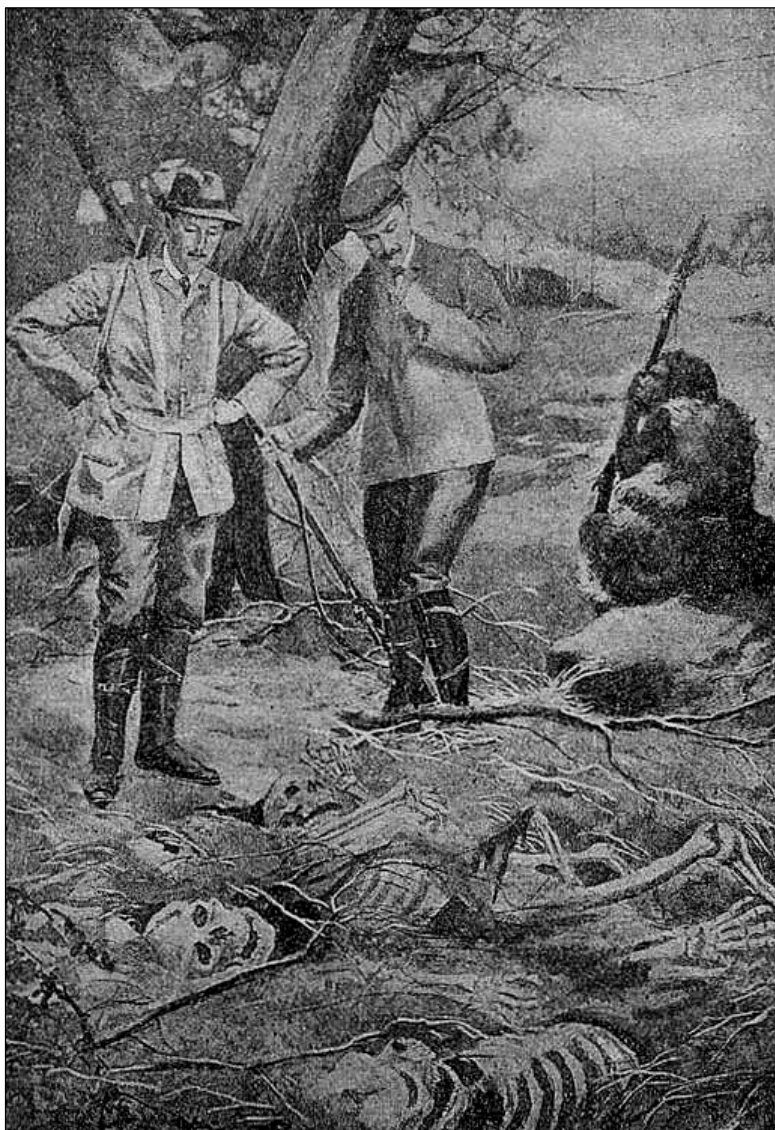
А. Е. Е. S. P. X. P. 1896.

Руки у меня опустились. Фелисьен побледнел. Андрэ!.. Стриндберг!.. Френкель!.. Эти три скелета!..

Это была новая тайна, которую скрывала «Заколдованная земля»!..

XXXIV.

Эти буквы значили: «Andrees Polar Expedition», — смелая экспедиция, которая 11 июля 1897 г. оставила залив Виго на Шпицбергене и никогда больше уже не возвратилась в

Это была новая тайна, которую скрывала заколдованная земля.

Европу. Шар «Ornen»* поднялся, исчез из глаз зрителей на севере, и с того времени осталось свободное поле для сме-лых гипотез. Три храбрых шведа исчезли с аэростатом; три героя, первые из людей, осмелившихся взять приступом по воздуху неприступные тайны полюса.

Вспомогательные экспедиции Стадлинга, Альюдрупа и Надгорста не имели успеха. Ни в северной Сибири, ни на восточном берегу Гренландии, ни на Аляске не найдено было следов несчастного шара и его пассажиров.

И теперь, после стольких лет, мы видим три полуистлевших скелета, несколько обрывков шелка и обрывков сети!..

Воздухоплаватели были окружены здесь гак-ю-маками. По неосторожности, они убили некоторых из них. В ответ на это дикари бросились на европейцев, убили их и утащили все, что им понравилось, трупы же оставили в чаще.

Мне пришел на мысль в эту минуту загадочный предмет в Пещере Образов. Это было кольцо от воздушного шара!

Но нигде до сих пор мы не видели следов аэроплана Алексея Платоновича. Это было уже загадочно!..

Но какое грозное предостережение, казалось, нашепты-вали нам оскаленные зубы черепов! Гак-ю-маки знают, что можно убивать белых чужеземцев! Легко убивать. Необходи-модно удвоить осторожность.

С волнением и благоговением собрали мы печальные останки. У нас не было орудия, чтобы выкопать в мерзлой земле могилу. Мы набрали поэтому камней и дерева и устроили небольшой холм, на вершине которого воткнули белый кедровый ствол, поместив на нем найденную метал-лическую дощечку — вот и вся эпитафия! Прежде, чем мы ушли, я заботливо обозначил место могилы на карте.

Без неприятностей вернулись мы после этого в Кама-нак, где ожидали нас наши друзья.

Несколько дней шел дождь. Дождь со снегом увлажни-ли землю. Ветер ее высушил. Вскоре после этого темпера-тура упала ниже нуля.

* «Орел».

Листва на кустарниках давно облетела. Теперь дело дошло и до лиственниц. Их хвоя пожелтела и опадала. Тонкие, голые стволы увеличивали печальный вид местности. Бешеные вихри наметали снежные сугробы и целые дюны. Ручьи замерзли. Зима пришла.

Мы облеклись в меха. И троглодиты оделись потеплее и надели какие-то высокие голенища из оленьей и конской кожи.

Снег дал нам возможность использовать лыжи. Мы отправлялись отсюда на широкие равнины и в леса.

Далеко уходить мы не решались. Дни становились короче, а ночи были темны и бурны. Но эти прогулки представляли для нас источник наслаждения.

Как только выпал рыхлый снег, мы устроили охоту на оленей с помощью кремневого копья гак-ю-маков.

Упругое древко и острый камень делали из него оружие с неожиданными достоинствами. Мы выследили животное и на лыжах гнались за ним. Олень проваливался в сугробы, делал отчаянные прыжки, но его бег делался тише. Как ветер, подлетели мы и нему и, продолжая бежать сбоку, вонзили в него копье.

Однажды я отправился на лыжах на плоскогорье у восточного побережья озера; отправился беззаботно, с ружьем за плечами, больше думая о здоровом спорте, чем об охоте. Бродил я для удовольствия около двух часов, пока совершенно усталый не остановился в пустынной местности.

Снег был превосходный, погода ясная; на небе играло сильное северное сияние. Оглянувшись, я вдруг увидел на вершине противоположного холма большого волка. Он стоял неподвижно, выделяясь с поразительной ясностью на фоне пылающего за ним неба. Я видел его поднятые остроконечные уши и полураскрытую пасть.

Хотя у меня не было намерения убить его, — я невольно схватился за ружье. Но когда я взглянул снова на холм, волк исчез.

Отдохнув, я двинулся потихоньку в путь на запад, чтобы достигнуть озера. Я возвращался домой. Но тут я заметил волков, бесшумно гнавшихся за мною. Они бежали с двух

сторон во всю прыть. Большие белые хищники устроили на меня облаву.

Я схватил ружье, обернулся и сделал два выстрела один за другим. Один волк свалился на самом быстром бегу.

Потом я оставил уже все без внимания и пустился наутек. Меня могли спасти только лыжи. Я несея по склону, как молния. Обоими шестами тормозил и правил. Я знал слишком хорошо, что если буду принужден остановиться, — я погиб. Я слышал, как свора стремглав неслась за мной по склону. Мороз пробежал у меня по коже.

Я напряг зрение, чтобы лучше видеть. Дорога прерывалась. Поперек нее тянулась глубокая трещина. Другой ее «берег» был на расстоянии добрых двадцати метров и метров на восемь ниже того, к которому я несея.

Я хотел круто повернуть у самого края трещины телемаркским поворотом и продолжать бег налево, где поверхность казалась мне удобнее. Но волки разделились и бежали ко мне с обеих сторон вдоль трещины.

Мне оставалось одно последнее, самое отчаянное средство: воздушный прыжок. Этот прыжок — верх искусства. И я несколько раз делал его с успехом, но только на меньших расстояниях.

Мигом полетел я по сугробу к бугру на краю трещины. Со сжатыми зубами, задерживая дыхание, я сильно разбежался, используя бугор, как трамплин, и оттолкнулся со всей силой. Прежде чем упасть, я выбросил правую ногу вперед, тотчас же упал на левое колено и покатился в облаках снежной пыли.

Волки яростно бегали на той стороне трещины: два-три из них, разбежавшись слишком сильно, полетели в глубину. Я быстро удалялся. Через некоторое время я добрался до озера.

Подморозило. Холод сразу упал на 20° ниже 0. Озеро Надежды замерзло на всем своем пространстве. Только черное отверстие подземного стока оставалось свободным ото льда, и через определенные интервалы из водоворота слышались рычание, храп и свист.

Частые ледяные туманы, насыщенные ледяными кристаллами, делали пребывание наружи неприятным. Солнце появлялось, как кровавое расплывчатое пятно.

После сильных бурь, гнавших перед собой тучи снеговой пыли, настало затишье. Подошли дни трескучих морозов. Термометр показывал 48° ниже 0.

Гак-ю-маки заложили вход в большую пещеру и увеличили костры. Тайга словно окаменела. Стволы трескались от холода, как будто стреляли из ружей. Земля давала трещины, как в большую засуху.

XXXV.

Я ничего не видел красивее картины северных сияний в Каманаке.

В темноте бархатно-серой ночи тихие огни начинают развеваться по небу. Они выходят из-за горизонта, из-за снежных северных равнин, из глубей и пропастей пространства. Это пламя мистическое, таинственное, которое наполняет мысль удивлением и неясным беспокойством. Развевающиеся пояса смарагдовой зелени, серебряно-огнистые ленты, золотистые бахромы, красные банты и занавесы.

Они погасают, как будто их задуло дыхание какого-то мощного существа, а через минуту вспыхивают снова, выходя из неведомого горна.

Игла компаса целыми днями судорожно дрожит. Очевидно, происходят сильные магнитные бури.

Солнце готовится нас совсем оставить. Оно выходит только на несколько часов, — теперь же только на полчаса. 28 октября оно совершенно исчезло.

В начале декабря случилось важное событие.

Однажды сидел я в пещере вместе с Алексеем Платоновичем, подкладывая в огонь топливо и пересчитывая — не знаю, в который раз — несчастные обрывки газет своей от-

чизны, которые я сохранял, как святыню. Перечитывал и объявления, которые я давно уже знал наизусть.

Вдруг я услышал глухой рокот голосов в центральной пещере. Я уже привык к частым столкновениям молодых гак-ю-маков и не придал этому значения.

Но тут вбежала в пещеру бледная перепуганная Надежда и, опустившись на каменную скамейку, зарыдала. Я старался ее успокоить и узнать причину волнения. Наконец, она смогла рассказать.

Запасшись ацетиленовым фонарем, она долго ходила по перепутанным коридорам Катмаяка. Она забралась в совершенно покинутую часть его и узким проходом вошла в темное широкое пространство. И когда свет фонаря упал на стены, она увидела большие изображения зверей, которые, казалось, ожили и грозно выступили из мрака.

Она была в запретной Пещере Образов... Вдруг дьявольское рычание раздалось сзади нее. Быстро обернувшись, она увидела грозное зрелище: старый троглодит заметил ее.

Качаясь, он выпрямился на своих расслабленных ногах, отвратительный, страшный при резком свете фонаря. Он трясся в припадке ярости, хрипел, белки его глаз сверкали и между клыками на черных губах показалась пена. Его охватили конвульсии; он бросался и извивался, как червь, угрожая кулаками и выкрикивая, как сумасшедший, бессвязные слова.

Три косматых охотника вбежали на этот шум в Пещеру Образов. Увидев Надежду, они были охвачены такой же яростью. Они замахнулись оружием и бросились на девушку...

Спрятав в складках своего платья фонарик, Надежда убежала от них боковым коридором.

Табу было нарушено! Гак-ю-маки ожидали всяческих несчастий, которые должны были постигнуть их в наказание за это и были страшно встревожены.

— Они убьют меня, я это знаю, как они убили Андре и других, — твердила Надежда, — где только Фелисьен со Снеedorфом и Эквой? Если дикари окружают нас в пещере, — мы будем разделены и погибнем. Нужно выйти из Кат-

маяка! Кто-то идет коридором! Слышите? — Надежда схватила топор. — Это они, — глухим голосом проговорила она.

Я поднял ружье, приготовясь стрелять.

— Кто это? — хрипло крикнул я.

То были наши, с лыжами за плечами.

Они бросили в угол пару зайцев и несколько снежных куропаток.

— Алло! — кричал Фелисьен, покрасневший от холода, — в чем дело? Вы здесь в каком-то чертовском состоянии. Вот и ружье приготовили! Уж не по нам ли стрелять?

— А как-ю-маки? — спрашиваю я, приглядываясь к темному коридору.

— Собираются кучами, — сказал Снеedorф.

В двух словах я рассказал им все. Они были напуганы в той же степени. Страшная опасность грозила нам. Долго стояли мы, подготовившись к бою, готовые дорого продать свою жизнь. Но движения не было. Шум в пещере утих, и никто не пытался проникнуть к нам.

XXXVI.

Гак-ю-маки на этот раз действительно не решились напасть на нас. Но отовсюду мы видели злобные, мстительные взгляды. Дети бросали в нас камнями. Мы не решались выходить иначе, как с оружием и по нескольку человек.

Каму два раза подвергалась избиению со стороны женщин за то, что оставалась вашим верным другом. С этого времени мы не отпускали ее одну от нас ни на шаг.

Мы жили в постоянном беспокойстве, но зима держала нас теперь в Катмаяке в тысячу раз сильнее всяких оков.

Мы высчитывали число дней до весны, до возвращения солнца, а оно только что исчезло с горизонта.

Наши приготовления к путешествию по льду были уже окончены, а мы должны были ждать со сложенными руками.

Мы старательно поддерживали очередной караул по ночам. Мы были на настоящем военном положении. Это приводило нас в нервное состояние. Мы вскакивали при малейшем шуме.

Наконец, такое убийственное состояние стало для нас невыносимым. Мы порешили оставить Катмаяк, найти себе другую какую-нибудь пещеру и провести остаток зимы в отдалении от троглодитов.

Мы поручили Фелисьену взять на себя задачу найти помещение. К сожалению, его поиски в первые дни были безрезультатны. Он нашел, правда, среди скал несколько пустот, но почти совершенно неподходящих для жилья.

Так прошло еще десять дней. Между тем произошел первый случай какой-то загадочной эпидемии, которая впервые проникла в эту ледовитую землю.

Я случайно видел одного несчастного гак-ю-мака, когда он, схваченный внезапной судорогой, свалился в пещере головой на горячие угли костра. Он корчился, хрипел. Волосы у него загорелись. Удивленные дикари оттащили его.

Когда припадок прошел, троглодит лежал около часа в стороне совершенно спокойно, не обращая на себя внимания других. Потом припадок повторился в связи с сильным кровотечением из носа. Гак-ю-мак скончался в течение четверти часа, выгнувшись, словно лук. Через два дня случай повторился. При таких условиях умерла одна женщина и старый охотник, окруженные страшно обеспокоенной ордой. С ворчанием вынесли дикари трупы из пещеры. Для нас было ясно, что дело идет о настоящей эпидемии.

В последний день исчезла у нас с глаз Каму. Тщетно мы разыскивали ее. Фелисьен в отчаянии твердил, что ее разорвали женщины или схватила болезнь. А на следующее утро вновь начала неистовствовать загадочная эпидемия.

Гак-ю-маки умирали, как мухи. Особенно женщины и дети. Раздирающую картину представляли из себя груды

корчащихся несчастных. Их хрипение наполняло своды пещеры.

Увидев, что творится в средней пещере, я понял, что нам необходимо немедленно бежать, если мы не хотим, чтобы нас захватили, как барсука в норе.

Я бросился в нашу пещеру, чтобы звать к бегству. Идя мимо темной ниши, я услышал как будто бы знакомый голос.

Я подполз из-за камня, выглянул и увидел четырех гак-ю-маков, между которыми скорчилось какое-то жалкое человеческое существо.

Я ужаснулся, так как узнал Экву. Он обернулся ко мне своим исхудалым, пепельного цвета лицом, но меня не видел. Его глаза уже потеряли способность видеть.

Троглодиты кровожадными взглядами измеряли жалкую, перепуганную добычу, которая не могла уже уйти из их рук. Один из дикарей нагнулся и ударил эскимоса молотком по спине. Он упал на обе руки. Розовая пена выступила у него на губах. Вслед за тем второй гак-ю-мак нанес ему медвежьей челюстью в голову такой удар, что он свалился без движения, весь облитый кровью.

Гак-ю-маки решили нас уничтожить. Они ставили в вину нам ту странную эпидемию, которая губила их орду. Эта эпидемия так раз и была тем несчастьем, которое должно было прийти за нарушение табу Пещеры Образов.

Запыхавшись, бросился я к товарищам.

— Бежать отсюда! — кричал я. — Они убили инуита! Идут на нас! — Мы схватились за ружья.

В эту минуту кто-то, тяжело дыша, бежал к нам коридором. Я хотел стрелять, но Фелисьен в последний момент отвел ствол моей винтовки.

— Господи, да ведь это Каму!

Девушка влетела в пещеру с развевающимися волосами, задыхаясь от утомления. Одна стрела зацепилась у нее в меху, не сделав ей вреда, и все еще торчала в нем, так как Каму некогда было ее вырвать.

Девушка бросилась на землю в углу пещеры, свернувшись там без единого слова и старалась отдышаться, как загнанная волчица после долгого бегства.

Вдруг страшный треск и грохот потряс коридор. Казалось, что рухнул целый утес.

После этого грохота наступила тишина абсолютная, удушливая, нарушавшаяся лишь нашим дыханием.

Мы зажгли лучину и бросили ее в темноту. Вспыхнувшее пламя озарило коридор. Мы вскрикнули от ужаса. Коридора уже не было. Был тупик! Огромный камень в сотни центнеров весом, рухнув со свода, завалил навсегда выход отсюда...

XXXVII.

Мы растерянно поглядели друг на друга.

— Ну, — сказал Фелисьен, — я думаю, что свою игру в Каманаке мы доиграли. — Никто не ответил ему. — Замурованы! — прибавил он.

Заперев коридор, гак-ю-маки избавились от всех нас одним разом. Им не нужно было теперь вступать в неравный бой против наших ружей, смертоносное действие которых они хорошо знали.

Огонь, не имея тяги, тускло освещал нашу могилу. Большие, чудовищные тени насмешливо плясали на стенах. Фелисьен широкими шагами с яростью ходил из угла в угол. Постепенно утомился и он.

Ничего не было слышно, кроме тихого смеха помешанного изобретателя, да треска дров, которые механически подкладывал в огонь Снеедорф.

Тут лежали наши сани, постромки, запасы пеммикана и овощей, все заботливо уложенное, приготовленное к дороге.

Теперь все это было ненужно.

Позже, в полусне, я видел сторбившихся у огня Фелисьена и Каму, два жестикулирующих черных силуэта, словно не из действительного мира.

Я снова впал в забытие, пока меня не разбудил шум. Я протер себе глаза и увидел какую-то дикую сцену, шумящих людей, крики, беготню.

— Эге, Карлуша, — ликуя, кричал мне Фелисьен, — сердись — не сердись! Машина! Машина! Наконец-то у нас машина! Теперь-то мы улетим! Каму нашла какую-то «отвратительную вещь с крыльями»!

— Теперь — когда поздно, — слышался голос Снеедорфа.

Нас словно облили холодной водой. Мы затихли. К чему нам теперь машина Алексея Сомова, — нам, заживо погребенным?

Каму, действительно, при последнем шатании, когда она искала для нас брусники, нашла странную вещь в пещере на одном обрывистом холме, и, по ее примитивному описанию, это не могло быть ничем иным, как давно разыскиваемым летательным аппаратом.

Фелисьен бегал по пещере, как зверь в клетке.

— Мы должны вырваться отсюда, из этой дыры! — повторял он. — Я должен выбраться отсюда, хотя бы мне пришлось прогрызть камень.

Потом он пустился в долгий разговор с Каму, — разговор, состоящий из отдельных слов и обильных жестов, — разговор, который только они вдвоем и понимали. Мы с нетерпением ожидали его результатов.

Совместно с Каму, Фелисьен обошел рухнувший камень, исследовал его и вернулся с досадой.

Каму продолжала давать ответы Фелисьену; ее глаза стали светиться зеленоватым, блестящим светом. Вдруг они оба вскрикнули диким криком победителей, который наполнил наши сердца новой надеждой.

— Ура! — закричал Фелисьен. — Мы не погибнем в этом саркофаге, высушенные наподобие мумий. Каму — сокровище. Каму утверждает, что мы выйдем!

— Каким путем? — крикнул я с нетерпением.

— Через трубу, — ответил с торжеством Фелисьен Боанэ.

XXXVIII.

Дым из нашего естественного очага выходил через какую-то трещину скалы. Это был настоящий камин, устроенный самой природой. Странная дорога, которой обычно не выходят из жилища, если оно становится неудобным. Но другого выбора не было.

Мы могли смело верить Каму. Она лучше всех троглодитов знала дырявые и изъеденные недра Катмаяка.

Мы погасили огонь в очаге и зажгли свои факелы. Приходилось оставить здесь все. Дело шло лишь о сохранении жизни. Все наши замечательные коллекции по естествознанию и по этнографии мы должны были бросить в пещере.

Решительно, один за другим, входили мы в очаг. И когда мы стеснились в какой-то узкой трубе, темной и полной сажу, то стали подниматься кверху, как делают это трубочисты.

Несчастный Алексей Платонович причинил нам много заботы. Но он подчинялся всему, как малый ребенок.

Мы поднимались уже добрых двадцать метров. Стены трубы начали расширяться, и вдруг я увидел, что Каму исчезла. Потом свет от факела, который она несла, упал на меня, и я увидел, что она стоит в отверстии бокового прохода, тогда как наша труба тянулась дальше кверху, в густую непроницаемую тьму.

Она подала мне руку и я поднялся к ней. Остальные последовали за нами.

Проход был низок, душен и полон острого щебня, на котором спотыкались мы. Молча и недолго мы отдыхали.

Когда прошло несколько времени, Каму снова стала во главе, и мы продолжали свое бегство через недра скал. Коридор попеременно то поднимался вверх, то спускался вниз.

Вдруг мы почувствовали едкий дым. Он проникал каким-то путем из центральной пещеры и сквозняками занесен был во внутренние пустые коридоры. Мы стали задыхаться; судорожный кашель овладел нами. Но после нескольких минут отчаянного состояния наш путь пошел в сторону. В этом коридоре дул чистый ветер.

Мы пришли в большую черную пещеру. Выход, по-видимому, был недалеко. Холод проникал в теплые недра скалы.

Подземный ручей тек вниз, в темноте, и вода с шумом лилась через камни. Мы шли один за другим по какому-то узкому скользкому карнизу, тянувшемуся вдоль стены пещеры. До сих пор я удивляюсь, как мы тогда не сломали шеи.

Еще четверть часа пути новым коридором. Потом мгла исчезла и появилась светлая точка. Это была звезда.

Камень наполовину закрывал выход из коридора. Голый в настоящее время и усыпанный снегом куст — летом закрывал своею листвою другую половину выхода.

Каму осторожно вылезла вон, дав нам знак, чтобы мы погодили. Мы погасили факелы. Прошло десять долгих минут, потом лицо молодой девушки появилось в отверстии.

Помогая один другому, выкарабкались мы через трещину на свежий воздух. Кругом стояла тишина...

XXXIX.

Светил месяц. Весь край тонул в магическом, серебряном свете полнолуния. Быстрым маршем следовали мы за Каму. Осторожно и тихо направлялась девушка к ближай-

шим, покрытым лесом холмам. Через четверть часа мы были под деревьями.

Кедры были запущены снегом, и там, где их ветви соединялись, образовались снежные крыши. Внизу была тьма.

Затвердевший снег не давал проваливаться в сугробы. Он тихо скрипел под ногами.

Как было жутко в этом грозном лесу! Свет месяца падал между покрытыми снегом деревьями, которые искрились и блестели.

Мы вышли к замерзшему потоку, где было свободней. Теперь уже мы чувствовали себя в безопасности. Катмаяк остался позади, исчез за холмами.

В одном месте Каму остановилась. Она прислушивалась к тишине и жадно вбирала в себя ноздрями воздух. На лице ее вдруг показался ужас. Две тени двигались стороной...

— Гак-ю-маки, — дрожа, прошептала она. Мы были обнаружены. Дикие существа, укрытые мраком, бесшумно и настойчиво гнались по нашим следам.

Наконец, лес прекратился. Появилось каменистое, покрытое снегом пространство. От него поднимался трехгранный каменный пик. Здесь дорога кончилась.

Каму повернула вправо. Мы перелезали через камни, падали в полные снега ямы. Когда же мы оглянулись, мы увидели между обломанными крайними елями четыре согнувшиеся, лохматые фигуры, двигавшиеся вдоль окраины леса.

Мы были теперь под самым каменным пиком и напрасно ломали себе голову, как подняться еще выше.

Но когда свернули в сторону, оказалось, что в разъединенной скале образовались выступы, естественные ступени, — лестница для великанов, по которой должны были взбираться мы, несчастные карлики. Мы стали карабкаться вверх. Нам все время угрожала опасность слететь вниз.

На высоте двадцати метров я оглянулся. Я заметил трех гак-ю-маков, преследующих нас между камнями; четвертый исчез. Тут я увидел, что у дикарей приготовлены пращи. Один из них только что начал взбираться по каменной

лестнице. Видя это, Каму пришла в бешенство; она нагнулась над обрывом и, сжав кулаки, с искрящимися глазами, яростно стала кричать на преследователя.

Троглодит вложил камень в ремни и начал кружить ими над головою.

— Куа! куа! — кричала Каму, как разозленная ворона.

Тут за мною послышался вздох. Это вздыхал Алексей Платонович Сомов. Он стал сильно волноваться. Этот месяц, эти скалы, все окрестности, казалось, производили на него магическое влияние. Лицо его изменилось; он дрожал, как лист. Им овладел припадок сильного возбуждения.

— Ради бога, — кричал Снеedorф, — идите на помощь! Он упадет в обморок!

Засвистел брошенный голыш, и кто-то вскрикнул. Камень не попал в Каму, а ударил по виску Алексея Платоновича. Изобретатель потерял сознание и начал падать. В следующий момент он свалился бы вниз, если бы его не подхватил Снеedorф.

На этот раз прозвучал выстрел. Это выстрелил Фелисьен.

Троглодит свалился, падая со ступеньки на ступеньку, при полном свете месяца, ударяясь и отлетая, пока не погрузился где-то в глубине мрака. Другие два дикаря, спрятавшиеся после выстрела за камнями, исчезли.

Мы продолжали путь. Снеedorф нес на своих сильных плечах раненого Алексея Платоновича. Старик был сух и легок, как дитя. Он тихо стонал. Тем не менее, подниматься с такой ношей было тяжело и, поскользываясь на льду, сильный Снеedorф несколько раз падал и больно ушибался. Но, наконец, мы все же были наверху.

Небольшая каменная площадка, около двадцати метров шириной, немного склонившаяся к краю пропасти, заканчивалась сзади верхушкой скалы, поднимавшейся еще на десять метров.

На уровне площадки эта пирамида имела выбоину, образовавшую высокий свод пещеры. Благодаря площадке, сни-

зу этой выбоины нельзя было видеть. В ее черном отверстии неясно виднелся какой-то фантастический силуэт.

Едва переводя дух, Фелисьен победоносно закричал. Он побежал во всю прыть. И мы, шедшие за ним, увидели, наконец, машину Алексея Платоновича. Сохранившись в этой пещере от влияний погоды, машина была цела и, казалось, невредима!

Словно какой-то мистический дракон, сидящий в неприступном каменном логовище, притаилась эта машина в пещере.

Нас охватило непобедимое желание коснуться машины рукою. Но необходимо было прежде заняться врагами. И пока мы с Надеждой пытались привести в чувство раненого, остальные укрепляли террасу, готовясь к борьбе.

На место, где каменные ступени расширялись в площадку, навалены были камни, и через короткое время возникла там настоящая стена с удобно расположенными бойницами!

Каму, вооружившись дубинкой, сидела на страже у воздвигнутого укрепления.

Профессор лежал с закрытыми глазами на снегу при свете месяца. Мы заботливо осмотрели его рану и нашли, что кость не пробита; удар пришелся вдоль виска, содрал кожу и поранил ухо. Непосредственной опасности не грозило. Нам удалось влить в рот больного несколько капель рома, после чего мы уложили его на постель из мха в задней части пещеры. Я же пошел осматривать машину.

Никогда я не видел ничего более странного. Длинная металлическая труба легкой прочной конструкции являлась главной частью машины. Эта труба на обоих концах воронкообразно расширялась, и в местах расширения, как переднем, так и заднем, были устроены сильные воздушные турбины.

Двигатель и будка пилота были спереди, за первой турбиной, а сзади помещалось два небольших закрытых купе. Над турбиной и близ нее раскидывались планирующие поверхности аэроплана. Как я заметил, их натянутая черная

материя пружинилась от стальных вставок. Сзади торчал длинный хвост, вроде хвоста ласточки.

Весь аппарат лежал на четырех низких пневматических колесах. Это был настоящий циклоплан, — машина, которая поднимается циклоном, воздушным вихрем, проходящим через трубу.

Этот искусственный смерч гонит машину вперед и обеспечивает ей, кроме того, почти абсолютное равновесие, недостаток которого был дефектом всех предыдущих опытов.

Я занялся обоими моторами. Это было настоящее артистическое произведение, нечто новое в этой области.

В будке пилота блестели, при свете месяца, металлические и костяные рычаги, рукоятка руля, регуляторы. Я видел аппараты, контролирующие быстроту, высоту и направление. Не было недостатка и в хорошей карте полярных стран.

В обоих задних купе, уравнивающих моторы и будку пилота, нашли мы множество запасных частей машины. Был тут также и небольшой запас пищевых продуктов и балласт. Резервуары со спиртом были не тронуты.

Фелисьен бегал кругом, и восторженные крики вырывались у него из уст. Он, наверное, думал, что достаточно-привести в движение моторы, нажать рычаг, чтобы полететь.

Я увещевал его, чтобы он не выкинул какой-нибудь сумасбродной штуки. В этот момент тихим голосом окликнула нас Надежда.

Алексей Платонович пришел в себя. Я заметил тотчас, что в его глазах нет уже обычного бессмысленного выражения, и что зрачки его в нормальном состоянии. Он поднялся на локти и пытался говорить.

— Что случилось? Что случилось?..

Его взгляд, переходя от одного к другому, с любовью останавливался на машине. Казалось, он припомнил все.

— Надя!.. Наденька! — продолжал он тихо. — Ты пришла?.. Дорогая моя!..

Сильное механическое сотрясение — удар голышом — в минуту душевного кризиса подействовало на него благотворно. Память вернулась к больному. Она вернулась к тому моменту, в который оставила его. Все, что случилось во время болезни, для него не существовало.

Надежда, поняв все это, бросилась к нему в объятия.

— Дядюшка! несчастный, добрый дядюшка! — зарыдала она.

Однако мы должны были действовать энергично. Опасность близилась. Послышался крик. Я оглянулся и увидел Фелисьена, склонившегося над пропастью с движением отчаяния.

Каму исчезла!.. Там, глубоко на уступах, в тени, отброшенной скалой, что-то двигалось, перебрасываясь с места на место.

— Они утащили ее, — кричал Фелисьен. — Они набросили на нее ремень и сорвали вниз. Я должен идти за ней! Я должен идти за ней! Помогите мне, да помогите же!

Он хотел вырваться у нас, чтобы броситься на гак-ю-маков. Мы крепко держали его, пока он не успокоился.

Каменистое пространство внизу кишело троглодитами. Один из преследователей позвал подкрепление из Катмаяка. Дикое бешенство овладело ими, — стремление уничтожить нас, непонятным образом ушедших из подземной могилы, в которой они похоронили нас.

Я хорошо знал их характер, чтобы допустить, что они откажутся от своего намерения. И действительно, гак-ю-маки приготовились к нападению и начали взбираться по ступеням. Колонна нападавших искусно взбиралась вверх. Стрелы свистели; голыши из пращей падали кругом нас, как град, высекая из камней скалы пучки искр.

Завязалась бешеная битва. Наши ружья гремели. Выстрелы и крики наполнили ночной край, прежде столь тихий. Мы стреляли с расчетливой осторожностью, так как число наших зарядов было очень ограничено.

Клубки тел скатывались книзу, но это не удерживало живых, и новые враги лезли все выше и выше. Мы слышали их тяжелое дыхание, шум осыпавшегося под их ногами

Враги лезли все выше и выше.

щепня. Но прежде, чем передние достигли ограды, ее тяжелые камни отделились и с треском и шумом стали рушиться вниз.

Нападавшие были отброшены, и кровавая борозда в их рядах обозначала их ужасные потери. Уцелевшие бежали вниз. Нападение было отбито. Гак-ю-маки тихо заняли внизу равнину и развели огни.

Последними камнями, какие могли найти, мы обновили ограду. А дальше нам не оставалось ничего другого, как драться топорами, дубинками, прикладами ружей, потому что мы расстреляли все наши заряды.

Снеedorф коротко выяснил Алексею Платоновичу наше положение. Ученый пришел в себя в такой степени, что мог взяться за дело. Мы заявили, что если он не приведет машину в движение, — мы погибли.

Профессор в ответ на это гордо заявил:

— Через полчаса я буду готов!

— Хватит ли запаса спирта?

— До берега? Хватит!

— Поднимет ли этот циклоплан пять лиц?

— Если бросить все лишнее. — И, не обращая на нас больше внимания, он весь отдался своей машине.

Теперь у нас был опытный воздухоплаватель, который сумеет управлять этой небесной колесницей. Надежда на удачу бегства опять ожила в нас. Только хватит ли у нас времени для этого!

Я слышал, как спирт с клокотанием входил в резервуары. При свете факела, Алексей Платонович осматривал турбины и моторы. Чистил их и смазывал маслом. Время от времени мы подходили к Алексею Платоновичу.

— Можно ли исправить? Удастся ли?.. И когда?

Он отвечал нервно, разгоряченный и потный, несмотря на холодный ветер. Он впадал в бешенство, когда работа не удавалась. Мы должны были помогать ему: приносить винты, ключи, масленки. Он кричал, как разозленный ребенок. Но постепенно он успокоился, а с ним и мы.

XLI.

Мы заглянули в пропасть. Гак-ю-маки были здесь, покрытые снегом, свернувшиеся вокруг погасших костров. Казалось, что их прибыло.

Я ходил вдоль ограды, не спуская глаз с местности. Внизу зажигались новые огни. А когда я молча, почти рассеянно оглядел подъем, я заметил там какое-то движение. Что-то, свернувшееся за камнем в нижней части каменного подъема, осторожно двинулось. Я тихо позвал товарищей.

Фигура была еще слишком незаметна, скрываясь, насколько возможно. Она поднималась теперь по ступеням выше.

— Подождите! — упорно вглядываясь, сказал Снеedorф. — На гак-ю-мака не похоже. Смотрите, троглодиты увидели также этого человека. Они несутся к ступеням с натянутыми луками. Стреляют! Они преследуют. Кто это?

Человек заметил, что его преследуют. Он старался уйти, напрягая силы и взбираясь к нам. Вот он в тени; вот появился в свете месяца.

И тут удивленный голос Снеedorфа подтвердил то, что боялся выговорить каждый из нас.

— Смотрите! Да ведь это Сив!..

Это был он, Сив, которого уже давно считали мы мертвым и о котором уже давно не говорили.

Он пробирался кверху, через острия скал, на виду у дикарей. Видя, что они не в состоянии схватить его, гак-ю-маки начали пускать в него стрелы, метать дротики. Сив не издавал ни звука. Вдруг показалось его лицо на краю каменной площадки. Какое это было страшное от ужаса и боли лицо!

Каким чудом мог прожить этот человек один среди хищных зверей, среди безжалостной природы Каманака?..

Как удалось ему избежать гак-ю-маков? Несчастный, исхудалый сверток из грубых звериных шкур, полный грязи, пропахший дымом чадающего костра.

Хрипя, перелез он через камни и упал лицом на площадку. Тут только мы с ужасом увидели, что восемь стрел засели в его теле. Он не имел времени вытаскивать их.

И одна стрела прошла у него горлом. Он не мог говорить. И этот несчастный человек тащился, как зверь, выкатывая окровавленные белки своих испуганных глаз.

Он тащился к Снеedorфу. Подполз, хрипя, и обнял ноги своего защитника. Верный, как собака, до последней минуты, он склонил свою поседевшую голову к его ногам.

И вот, когда он метался от боли, разорвался мешок, который он нес за спиной, содержимое мешка рассыпалось и засверкало при свете месяца.

Это было золото.

Но хлещущая из раны кровь залила горло Сива Кьельтринга, и розовая пена выступила у него на губах. Он вздрагивал некоторое время всем телом в агонии; потом вытянулся и успокоился. Мы взяли мертвого Сива и отнесли его в заднюю часть пещеры.

Но откуда же это золото?.. Несчастный сбирал его со страстью во время своего одиночества.

Нашел он его, очевидно, в русле реки Надежды, и это обстоятельство выяснило мне странность его поведения, когда мы увидели у ледника Снеedorфа остатки автомобиля. Он заметил там самородок золота и старался утаить свою находку. Он жил потом изгнанником, в сознании своей вины, ужасной жизнью дикаря, следя издали за нашей судьбой.

Через четверть часа Фелисьен заявил, что осаждающих внизу прибывает. Огни запылали в большем количестве, чем прежде. Лихорадочное беспокойство овладело нами. Молча мы окружили машину, стоявшую неподвижно, как бы в насмешку над нашим беспокойством.

Вдруг, около десяти часов утра, застучал один из моторов. Быстрее и быстрее билось сердце машины.

Алексей Платонович нажал рычаг и тотчас же снова пустил его. Передняя турбина на один момент начала свое вращение. Циклоплан сделал движение, как пробудившийся от сна зверь.

— Все в порядке! — прокричал Алексей Платонович. — Он весь переменялся. Сиял и улыбался. Мы пожали ему руку.

Тотчас после этого общими силами мы вытащили циклоплан из пещеры на площадку.

Он обошел в последний раз машину; испытал, осмотрел, нет ли чего лишнего, увеличивающего вес машины. Убедился, правильно ли работает руль. Потом он открыл дверцы своей будки.

— Садиться! — скомандовал он пискливым голосом.

— Да и время. Гак-ю-маки идут в общую атаку, — произнес Снеedorф.

С колебанием подошел я к машине. Скрытые сомнения и опасения волновали меня. Все это было уж слишком необыкновенно. Купе были низки, как раз только для сидения. Но француз уже исчез со Снеedorфом в одной будке, и мне осталось лишь последовать их примеру.

— Ну, дорогой друг, — послышался мягкий голос Надежды.

Я бросил напоследок беглый взгляд на отдаленный, покрытый снегом край, на машину, стоящую в ожидании на краю пропасти. Дверцы захлопнулись. Со сжиманием сердца уселся я, но волнение прошло почти моментально. Оно уступило место сильному беспокойству: чем-то все это кончится?

Я опустил окошечко. Но в то же время я услышал слабый шум у остатков нашей ограды, и звериная голова гак-ю-мака осторожно показалась из-за камней.

Моторы пошли в ход. Турбины завывали с постепенно увеличивающейся бешеной быстротою.

Голова моментально исчезла, пораженная ужасом.

Циклоплан тряхнулся, двинулся и легко и плавно направился к краю террасы.

Мы все издали легкий крик. Машина перегнулась через край в пустоту и падала.

Взглянув вниз, я увидел тех гак-ю-маков, которые оставались внизу, окаменелыми от страха. Чудовище падало им прямо на головы.

Но вовремя двинулся руль, и машина поднялась по параболе от земли к небесам... Глубоко, глубоко под нами исчезли троглодиты, и мы не слышали их последнего воя.

Внизу остались занесенные снегом леса. Весь край становился глубже. Очертания исчезли. Громадную котловину прикрыла тонкая серебристо-опаловая мгла. Машина пролетала через редкие облачка. Месяц стоял в глубине пространства, мертвый, неподвижный, яркий. Слышались лишь удары мотора.

Машина летела на высоте восьми тысяч футов. Заколдованная земля исчезла, и мы с быстротой ласточки приближались к пограничным горам. С такой быстротой мы должны были бы в бесконечно малое время достигнуть берега. Но куда направляется Алексей Платонович?

Упернивик в это время года лежит словно под заклятием. Может быть, Алексей Платонович выбрал Годгааб или Юлиенгааб?

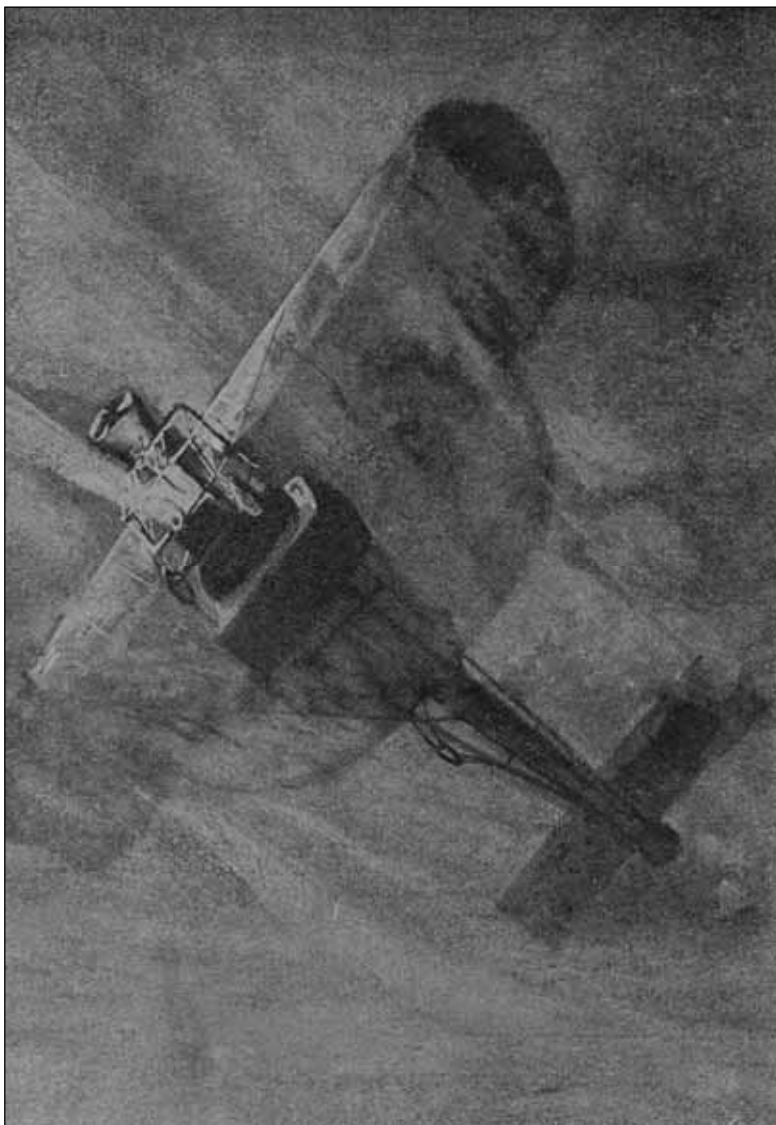
Мы не могли сказать, так как, хотя это и кажется странным, не обменялись относительно этого в последний час перед отлетом ни единым словом. Я знаю только, что у Алексея Платоновича был разговор о чем-то со Снеedorфом...

До сих пор все шло наилучшим образом. А все же нам не пришлось так легко выбраться. Грозный враг, о котором мы не имели и понятия, гнался за нами.

Заколдованная земля выслала его догнать улетевших смельчаков, которые дерзко могли открыть ее вековые тайны. Ураган шел из центральных частей края.

Я видел через заднее окно, как его черная пасть поглотила месяц, как распустил он по небу исполинские щупальца, чтобы схватить улетающую машину.

Алексей Платонович заметил приближающуюся опасность, и машина понеслась быстрее. Но, тем не менее, мрак приближался. Над нами небо было еще ясно и полно звезд. Но через несколько минут ураган захватил почти треть небосвода, и страшная черная тень легла на лед. А потом ураган догнал и нас.

Циклоплан летел в снеговом дыму, как увядший лист.

Равнина, до сих пор мертвая, пришла в движение. Снежная пыль поднималась, как дым, и двигалась, как прибой, безудержно вперед. Высоко крутившиеся снежные вихри алчно вздымались в воздухе.

Алексей Платонович напрасно пытался подняться над областью бури. Ветер каждый раз сбивал его книзу. И затем нас окутало облако дико крутящегося снега. Небо исчезло и наступила безнадежная тьма.

Циклоплан, подхваченный страшным воздушным течением, несся вперед с быстротой, во много раз превосходившей быстроту турбин. Руль совсем отказался от службы. Мы отделились во власть бешеным стихиям.

К этому присоединилась новая опасность. Снег налипал на крылья аэроплана и отягощал их. Весь аппарат малопомалу спускался в опасную близость к леднику. Окна также были закутаны снегом.

Поверхность льдов понижалась по направлению к морю, и циклонная летел низко над равниной, в снеговом дыму, несомый, как увядший лист. О том, чтобы снизиться, нечего было и думать. Но вихрь мог нас занести далеко, далеко в неприступные ледяные поля Дэвисова пролива.

Вдруг раздался удар. Я был сбит со скамьи и отброшен к противоположному окну, которое, к счастью, выдержало. Надежда глухо вскрикнула. Машина ударилась колесами о ледник, отскочила и продолжала лететь.

Я уже успокоил было девушку, — но тут произошел удар гораздо более сильный. Окна треснули, и поток ледяного воздуха и снежной пыли ворвался к нам и наполнил купе. Скрип и резкие удары слышались под нижней настилкой купе. Машина поднималась и качалась, как раненая птица. Она тащилась по льду.

Казалось, профессор делал попытки остановиться.

Мы ждали, полузасыпанные снегом, еще несколько секунд. Потом раздался треск; показался какой-то зеленоватый огонек и погас. Крыша над нами разлетелась, и мы были выброшены в мрачную пустоту. Мы упали в сугроб.

С отчаянием оглядывались мы кругом, ища помощи.

Но вдруг рев ветра умолк. На небесах показались звезды. Буря утихла.

В это время какая-то серебряная, блестящая полоса показалась на горизонте над неподвижным слоем скопившихся черных туч.

Небо за ним наполнилось ликованием. Край побелел, засеребрился. Равнина выступила с поразительной ясностью; а вместе с нею и силуэты темных скал, которые окаймляли побережье к югу и к востоку.

Всходил большой месяц...

XLII.

Так окончилось наше безрассудное фантастическое путешествие.

Циклоплан разбился в куски о скалы незнакомого берега. Мотор взорвался, крыша сломалась, турбинный вал был скручен и смят. Передняя будка ударилась о каменный выступ, и гениальный изобретатель был убит. Его дело пропало с ним.

Тихо похоронили мы его в тот же день. Надежда совсем осиротела. Мы с Фелисьеном выстроили на берегу ледяную хижину. Что можно было пустить в дело из остатков машины, — нами было взято.

Итак, тут мы застряли. Перед нами было замерзшее море, из разбитых льдин на нем образовались торосы.

Слабый, едва заметный просвет на юге гласил, что там сейчас день. Солнце там, к югу, ходит над более радостным краем и светит более счастливым. Здесь были одиночество и смерть. Но мы решили бороться упорно, до последнего издыхания.

Мы избегли одной гибели, чтобы попасть в другую, более ужасную. Единственной нашей надеждой были эскимосы. Я знал, что их колония у мыса Йорка довольно об-

ширна, и что они предпринимают довольно продолжительные путешествия вдоль берега.

Но уже целые недели сидели мы в своей хижине, и никто не приходил.

Мы совсем одичали. Мы убили тюленя; освещались его жиром и питались отвратительной пищей, так как наши запасы с циклоплана были съедены.

Единственное живое существо, виденное нами, был белый медведь, который бежал через залив и исчез на северо-востоке.

Снеedorф убил двух полярных зайцев, что поддержало нашу жизнь еще на несколько дней.

Однажды я стоял с Надеждой на льду, у предгорья, в то время, как пламенные полосы развевались на небе, как вдруг, среди простиравшейся пред нами пустыни послышался собачий лай.

Почти в ту же минуту мы заметили у основания предгорьядвигающиеся черные точки. Двое саней в собачьих запряжках приближались к нам, переезжая через залив.

Мы различили одетых в меха людей. Мы побежали навстречу, бессвязно крича и жестикулируя. Они остановились. Это были два европейца и один эскимос, который вел запряжку.

Мы поздоровались. Они ответили нам на чистом английском языке. Их судно «Президент Тафт», охотящееся за тюленями в Портленде, зимовало в двух милях отсюда на север, в заливе Ингельфиельд. Оно застряло, затертое льдами.

Они гостеприимно взяли нас на палубу и отвели нам две каютки. Там провели мы остаток полярной зимы.

Капитан Исаак Мортон, толстый янки, с льняными волосами, косоглазый, с кирпичным цветом кожи, оказался любезным хозяином.

Матросы были грубые, но славные парни. Они боготворили Надежду и держались по отношению к нам с крайней внимательностью.

С капитаном у нас был долгий разговор.

Мы рассказали ему лишь столько, сколько сочли за нужное. Но и этого было достаточно. Капитан слушал, сопя как морж: трое мужчин и девушка в ледяной хижине на пустом берегу!.. И никаких обломков судна!..

Однако он даже не моргнул и глазом. Погладил некоторое время правую мочку уха, помигал глазами и засопел:

«Да... случаются удивительные вещи здесь, наверху, среди льдов... Дивные вещи...»

У нас от всей дороги остались лишь воспоминания, подобные тяжелому сну. Мы избегали говорить о них. А когда весной льды выпустили нас, — мы возвратились в старый милый свет.

Об авторе

Карел (Карл) Глоух (1880-1957) – юрист, писатель, один из основоположников чешской фантастики. Родился в многодетной семье пивовара, в 1898-1901 гг. изучал юриспруденцию в Праге, позднее работал юристом и финансистом, в том числе в компаниях одного из своих братьев. Считается, что на произведения Глоуха оказал влияние опыт его брата Йозефа (Джо) и дяди Йозефа Коренского, известных в свое время путешественников и исследователей. В числе этих произведений – научно-фантастические новеллы, приключенческие романы «Игра судьбы» (1903), «Дом в облаках» (1929) и «Голубые муравьи» (1931), роман о русско-японской войне «Огонь на Востоке» (1908), научно-фантастический роман «Солнечная машина» (1921), рассказы ужасов, роман о доисторических временах «Зеленый сумрак» (1928) и сценарий фантастического фильма «Приход тьмы» (1920).

«Заколдованная земля», наиболее известный научно-фантастический роман Глоуха, вышел в свет в 1910 г. и был впервые опубликован на русском языке в журнале «Вокруг света» (1912), а затем был выпущен в серии «Библиотека приключений» (М.-Пг., ГИЗ, 1923). Публикуется по этому изданию с исправлением некоторых опечаток и ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации; сохранено предисловие редактора серии «Библиотека приключений» В. А. Попова к изданию 1923 г.

Оглавление

Предисловие редакции	7
Заколдованная земля	10
Об авторе	217

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.